

В.В. Лебедев, Ю.Б. Симченко

АЧАЙВАЯМСКАЯ ВЕСНА

Москва
«Мысль»
1983

ББК 63.5(2)

ЛЗЗ

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент канд. исторических наук
Ларькин В. Г.

Л $\frac{1905020000-135}{004(01)-83}$ 157-83

© Издательство «Мысль». 1983

КРУГЛЫЙ КАМЕНЬ

Вездеход снаружи являл собой грозное зрелище. Отовсюду торчали стволы ружей—и одноствольные, и двуствольные. Когда-то, очень давно, кто только сюда не ездил! Привозили, конечно, и оружие. Ценность для местного населения оно представляло огромную. Поэтому старики никогда не выбрасывали ружей, даже если те ни на что и не годились. В свое время они, а может быть их предки, за них столько уплатили, что выбросить, конечно же, рука не поднималась. Давно и замки поломаны, и патронов таких сыскать невозможно, а ружья все-таки живут.

Вот и сейчас здоровенный парень Ятгиргин, устраивая себе на крыше вездехода сиденье, заботливо укладывает тульскую двустволку двенадцатого калибра. В двух местах на стволах поставлены самодельные стяжки—скобы, приваренные довольно грубо. Цевье обмотано проволокой, ложе украшено выразительной жестяной заплаткой. Чувствуется во всем заботливая, но к подобным работам не привыкшая рука, и отнюдь не рука мастера.

— Что не сменишь, Ятгиргин?

— Зачем менять,—застеснялся парень, ласково оглаживая старое оружие широченной ладонью,—еще поживет, постреляет... Эту двустволку мне отец подарил. Я из нее стрелять учился. Я из нее попаду хоть спросонья, хоть на бегу, хоть как... Привык. Я ее понимаю... Новое купить—просто. К другому ружью когда еще приспособлюсь...

Ятгиргин сделал на двустволке кое-какие приспособления. Внизу к ней прикреплен самодельный шомпол, на концы стволов надет кожаный чехольчик, чтобы снег не попадал. К чехольчику пришиты два длинных ремня. Ремни завязаны за скобу, предохраняющую спусковой крючок.

— Можно посмотреть ружьишко?

— Берите,—бурчит Ятгиргин с явным неудовольствием.

Чудо! Стволы отдраены на совесть. Сияют. Смазаны строго по армейскому уставу. Неусыпная забота прямо бросается в глаза. Для Севера такое дело — редкость. Обычное положение — оружие век не чищено. Так заведено у самодийцев — ненцев, энцев, селькупов или же у нганасан. Даже у таких природных промысловиков, как эвенки, редко кому в голову приходит чинить или же чистить оружие. Можно, конечно, найти старые кремневые или же пистонные флинты, которые имеют следы починки, да и то самой простой. Нынче люди удивительно легко расстаются со своим охотничьим снаряжением. Да и ухаживают за ним менее ретиво. То ли оружия стало много, то ли по цене доступно оно каждому. Во всяком случае заботливое отношение чукчей к ружьям выглядит чуть ли не особой чертой характера.

Ружья торчат и из окон кабины. Стало быть, на охоту рассчитывают и водитель с зоотехником.

— Все, что ли? — спрашивает Ваня, водитель нашего экипажа.

— Все! — отвечает Ятгиргин.

— Тогда — вперед!

Мотор взревел. Мы ринулись через задний борт в кузов.

Только теперь стало ясно, кто едет, а кто провожает. Вместе с нами в кузове оказались двое стариков, женщина средних лет и совсем молодая пара. Провожających осталось значительно больше.

В кузове тесновато. Понемногу разбираем свои вещи и укладываем их. Под низ идут шкуры, спальные мешки, рюкзаки с одеждой.

У заднего борта стоят привязанные бочки. Одна — с бензином, другая — с маслом. Они постоянно передвигаются, приплясывая. Только начинаем обертывать их шкурой, как они сдвигаются или же, напротив, разъезжаются, намереваясь отдалить руки. Наконец на них набрасывают оленьи шкуры, и места возле них, только несколько минут тому назад считавшиеся самыми неудобными, становятся наиболее комфортабельными. Вездеход идет по снежному участку. Алмазная пыль клубится за кормой, оседая на одежде праздничными блестками. Мои очки быстро покрываются снежной пленкой, и смотреть становится трудно. Но постепенно все устраиваются поудобнее, кладут повыше ноги и пристраивают что-нибудь под голову. Теперь самое время или спать, или же заниматься каким-либо делом. В кузове совсем и не холодно. Можно и рукавицы снять. Достаем свои бумаги — выписки, сельсоветовские документы.

Здесь сельсовет называется Ачайваямским — по речке, возле которой стоит центральный поселок. Сельсовет относится к Олюторскому району Камчатской области. Олюторский район располагается на восточном берегу Камчатки. А где находится Камчатка, каждый знает, даже плохой ученик, которого «ссылали» на заднюю парту за леность. Коренное население Ачайваямского сельского Совета представлено чукчами, эвенками и коряками. Большинство коренных жителей по официальным документам — чукчи. Их около 330: 150 мужчин и 180 женщин, 69 семей. Эвенков только 35 человек: 15 мужчин и 20 женщин, 9 семей. Коряков — 7 человек.

Территория эта ранее, столетие тому назад, была искони корякской, а большинство в наше время здесь составляют чукчи. Откуда они здесь? В самом деле, люди, которые считают себя ими, чукчи ли по происхождению? В этнографии имеется достаточное количество примеров, когда забывалась истинная национальная принадлежность и приписывалась совершенно другая. Примеров множество.

Еще около сотни лет тому назад этнографы застали сам процесс «превращения» одних народов в другие. Не так уж давно, по сибирским масштабам, на Колыме и Индигирке некоторые группы тунгусов (эвенков) перенимали юкагирский язык, юкагирскую культуру и многие считали себя юкагирами. Самым непонятным в этой истории было то, что в других местах юкагиры, как самостоятельный народ, постоянно уменьшались в числе, сливаясь с соседними народами, часть за частью высвобождали собственные кровные земли. Эти земли заселялись другими. Мелкие юкагирские стойбища все более и более плотно окружались иноплеменниками. Это, естественно, ускоряло процесс ассимиляции. То девушки юкагирские шли замуж за представителей иных народов, то парни юкагирские брали себе жен других национальностей. Этот процесс как лавина: чем дальше, тем скорость выше и разрушения мощнее.

И на фоне таких общих «разрушительных» явлений мельчайшие группы юкагиров окрашивают в юкагирские краски более крупные группировки тунгусов. Почему?

Однако к нашему времени эвенков (тунгусов) стало больше, чем было, а юкагиров осталось только три сотни человек с небольшим.

Есть и другой пример, правда, несколько иного толка. В наше время на реке Таз, в ее верховьях, имеется солидное число северных селькупов. Эти люди официально значатся селькупками, считают себя сельку-

пами, говорят на селькупском языке и сохраняют различные элементы действительно селькупской духовной культуры. Стоило только проследить происхождение каждой из нынешних селькупских фамилий, как выяснилось, что предками их были вовсе и не селькупы.

Нынешние фамилии произошли в основном от ненцев, энцев, кетов, тунгусов и хантов. Однако большой уверенности в том, что незначительное число остальных фамилий и являются селькупскими, нет. Создается такое впечатление, будто в этом месте разные по происхождению люди в результате смешанных браков дали начало новой народности — селькупы. Их язык и некоторые другие элементы культуры, отличающие один народ от другого, совершенно самобытны.

Наконец, есть еще пример того, как возникают совсем новые народы. На Таймыре и прилегающей к нему с юга территории живут долгане. А всего только семь-восемь десятков лет тому назад никакого народа долган в природе не существовало. Здесь коренными жителями были нганасаны и энцы. Жизнь у нганасан и энцев прежде не была сладкой. Когда русские в XVII веке пришли на Таймыр, центр Таймыра — «земля Пясицкая» была столь же таинственной и опасной, как Центральная Африка для европейцев во времена Ливингстона. Русские сборщики дани — «ясака» — с сокрушением писали о том, что к этой самой Пясице подступиться невозможно. Она еще долго для всего мира оставалась «terra incognita».

Все же за две сотни лет на эту землю проникли кое-какие переселенцы. С юга пришли русские по Енисею. Их в этих местах стали звать «сельдюки» за то, что они промышляли много пресноводной сельди — ряпушки. Из таежных дебрей выходили на Таймыр эвенки и оседали там. С востока шли отдельными семьями и целыми группами семей якуты.

Настоящей близости с хозяевами этой тундры не возникло, хотя и не было вооруженных столкновений. Однако нганасаны не сближались ни с русскими, ни с тунгусами, ни с якутами.

Для русских, якутов и тунгусов соседи оказались настолько чужими, что они нашли больше общего между собой, чем с ними. Среди русских, тунгусов и якутов на Таймыре появились смешанные браки так быстро, что уже при жизни одного поколения они восприняли единый язык — диалект якутского, стали называть себя по одному из эвенкийских родов — «долганы», а в культуре чего только не унаследовали — от христианства до шаманизма, от пушкинской «Сказки

о рыбаке и рыбке» до тунгусской легенды о небесном охотнике.

Да и в наши дни переселится, скажем, семейство из Якутии и работает на Таймыре, числится какое-то время якутами, а дети уже относят себя к долганам. Так что количество долган увеличивается так быстро, как снежный ком в теплую погоду.

Ну а примеров ассимиляции, примеров того, как мелкие группки сливались с более многочисленными и сильными соседями, столь много, что и приводить их не стоит. Подобные явления сами собой разумеются, и ничего таинственного в них нет.

Эти знания нас отнюдь не утешали. От нас требовалось прежде всего определить, кто такие ачайваямские чукчи. То ли они в самом деле потомки коренных жителей соседней Чукотки, то ли они произошли от представителей других народов и в какое-то время стали относить себя к чукчам. А в этом случае надо было уяснить, являются ли они потомством однородной в национальном отношении группы или же разных объединившихся групп. Вариантов здесь могло быть великое множество. Пожалуй, настало время объяснить, для чего все это нам надо.

Сейчас многих ученых занимает вопрос о механизме наследования человеком различных признаков. Для того чтобы постичь сущность этого механизма, изобретено несколько приемов. Один из них — изучение генетических характеристик крови. Этим характеристикам в наши дни насчитывается более полусотни. С одной стороны, их достаточно много, а с другой — ничтожно мало, так как этих характеристик, или, как говорят специалисты, «маркеров», столько, что настоящее число пока и назвать невозможно. Само собой разумеется, что закономерности в возникновении определенных комбинаций маркеров крови и соответственно каких-то признаков удобнее всего изучать на примере так называемой замкнутой популяции. Замкнутая популяция в применении к человеку — это, грубо говоря, группа, которая существует, размножаясь без участия пришельцев.

В идеале хотелось бы найти такую группу людей, которая когда-то имела ограниченное число предков, потом достигла определенной численности и дожила до наших дней, воспроизводясь только внутри себя. Желание это несбыточно. Таких идеально «чистых» групп в природе не существует, да и ранее вряд ли были.

Из множества требований, которые предъявляются генетиками к замкнутой популяции как к объекту

изучения, есть и оптимальная численность людей. Плохо, когда исследуемая группа имеет менее пяти сотен человек. Можно, конечно, работать и с меньшей группой, но выводы не будут достаточно достоверными. Поэтому хочешь или не хочешь, а надо искать группы до восьмисот человек. Сотни три обычно сбрасываются по разным причинам, и статистика остается вполне приемлемой.

Лет двести тому назад, а может быть и того меньше, подходящую для генетиков группу можно было легко отыскать. Наши собственные предки жили в классически замкнутых популяциях, женились по преимуществу на своих же деревенских, а уж в национальном отношении однородны были образцово. Однако времена эти прошли. Генетики слегка опоздали. В наши дни полигон деятельности исследователей замкнутых популяций сужается неумолимо. Надо захватить то, что еще можно. Возможности буквально ускользают из рук.

Несколько лет назад генетики начали изучать нганасан. Даже в масштабе всего человечества нганасаны являли собой исключительный пример. Они прямые потомки самого древнего населения Евразии, сохранившие древнейший культурный уклад, строгие правила определения кровнородственной близости и порядок заключения браков. Работа с ними была закончена недавно. Специальная лаборатория в Новосибирске изучала генетику и физиологию этого маленького народа. Теперь подведены итоги. Руководителем этой лаборатории сказано буквально следующее: «Страшно подумать, что эта работа могла быть начата, скажем, хотя бы на пять лет позже. Уже сейчас нет тех древних стариков, которых мы застали, уже сейчас есть столько детей, родившихся от смешанных браков, что следующее за ними поколение нганасан будет нганасанами разве что наполовину. Еще через поколение нганасаны будут существовать только в названии».

Ачайваемские чукчи заинтересовали нас тем, что они давно обособились в отдельную группу. Теперь предстоит составить генеалогию на каждого человека — выяснить, от кого кто происходит и в какой родственной связи все эти люди состоят между собой.

Работа требует терпения и тщательности.

Вездеход рывкнул и стал. Мотор посопел немного и затих. Стало слышно, как в металлических кишках машины переливается горючее.

Хлопнула дверца, и шаги заскрипели по снегу возле заднего борта.

— Уснули?—спросил Иван, отстегнув покрывало кузова и забросив ее вверх.

— Вездеход кормить будешь?—спросил его один из пожилых чукчей.

— Точно.

Люди зашевелились. Мы первые вылезли наружу и стали распаковывать бочку с машинным маслом.

Старики легко перепрыгнули через борт, совершенно не сообразно с возрастом, и отошли немного в сторонку.

Иван налил масла в банку из-под сухого молока. Масло текло густое, как патока. Все-таки холодновато.

— Ух, замерз,—сказал один из стариков, улыбаясь.

Крепкие белые зубы без изъянов. Гладкая без морщин кожа. Вытатуированная точка на переносице и два кружка возле уголков губ не портили лица. В мочки ушей продеты тоненькие ремешки с нанизанными бисеринками. Щеголь—по всему видно. Да и жена балует мужа: вся одежда новенькая и очень красивая.

— По коням!—командует Иван.

Мы снова лезем в кузов и опять принимаемся за устройство своих мест.

Вдруг вездеход как на стенку наткнулся. Иван что-то его чересчур резко осадил.

— Чельгат,—раздался голос зоотехника,—пойди-ка глянь, что за следы.

Мы снова полезли наружу. Старина Чельгат перемахнул через борт и побежал вперед. Мы пошли за ним.

Наш путь пересекла цепочка огромных следов размером с суповую тарелку. Можно было и глазам не поверить. Едем по суше, а следы зверя, которые невозможно спутать ни с какими другими. Следы одного из самых заядлых мореходов Арктики—белого медведя.

— Белый медведь,—невозмутимо поясняет Чельгат.

— То-то и я думаю,—смущенно говорит зоотехник.—Откуда?

— Здесь белый медведь всегда ходит. Место тут узкое. Он с восточного берега ходит на западный и обратно. Их тут видели люди. Я сам как-то видел.

Здесь не самое узкое место Камчатского полуострова, и белому владыке арктических морей приходится долгонько топтать по суше. По льдам—ему привычнее. К тому же не понятно, что перегоняет его из открытого Берингова моря в Пенжинскую губу.

— Далеко здесь от берега до берега.

— Очень-то не далеко.—Чельгат присаживается на корточки и чертит ножом по искрящемуся насту.—Вот она, наша Камчатка... Видишь, как листик ольхи,

длинная-длинная. Здесь вот у нее черешок. Это — наша земля. Вот тут, на юг от нас, Карагинский залив. Здесь корякская земля. Тут, между Оссорой и Ильпырским, и есть самое узкое место. Не знаю — ходят ли там медведи с берега на берег. Может быть, для них там слишком тепло и людей многовато. А здесь они всегда ходили. Здесь, смотри вот, и дальше на север, место поровнее. Тут кончается Олюторский хребет — горы поменьше.

— По коням! — командует Иван.

Задний борт в обрамлении брезента вездехода очень похож на киноэкран, когда смотришь из кузова, как из темного зала. На экране проходят кадры, которые потом будут сниться. Вот видны отроги Олюторского хребта.

Олюторский хребет показан не на всех картах полуострова Камчатка. На обычных картах указывают Срединный хребет — «позвочник» этой страны — да Пенжинский, уходящий на Чукотку. Олюторский хребет и поменьше этих, и пониже.

Вездеход оставляет за собой долины, лесистые перевалы, каменные осыпи.

Снега в этом году мало. Старожилы говорят, что и не помнят, когда за зиму выпало так мало снега. Морозы, однако, стоят суровые. Все речки промерзли почти до дна.

Вездеход ползет по лесу, стоящему во льду метра на два от земли. Возле стволов уже вытаяли лунки с южной стороны. Луночки правильной формы, как вмятины от яйца в мокрой глине. Лед горбатится между тополей, перекрученных лиственниц, прямых рябин, островов кустарника и завалов сушняка. Склон крутой. С этим потоком мог справиться только могучий морозище. В некоторых местах вода застыла волнами, ступенями.

Мимо проплывает расселина, заткнутая обломком породы размером с избу. Вода еще осенью заполнила получившуюся чашу, а холод превратил ее в лед. Лед выперло вверх и разломало на куски. Они сейчас обтаяли и искрятся, словно хрусталь.

Наш ковчег меняет направление хода, все лучи из хрустальной россыпи потухают, и только один огонек продолжает переливаться малиновым, синим, зеленым...

Кочкарник. Машина натывается на закраину болота и встает в нерешительности.

— Вылезай! — кричит Ваня.

Вездеход (уже без нас) тащится, перемалывая кочки

высотой до метра и более. Они стоят именно на таком расстоянии, что вездеход проваливается между ними. Кочки промерзли и стали словно каменные.

Иван, видимо, вспоминает службу в танковых войсках. Он ведет машину как на маневрах. То попятится и с разгону врежется в строй кочек, то методически крушит и давит их гусеницами, метр за метром продвигаясь к спасительному краю болота.

Мы бредем толпой, разминая затекшие ноги, обходя кочки. Среди них встречаются настоящие великаны. Если бы не снег, то болотина была бы подобна картинке из детской книжки про Африку: высокие травы саванны и термитники. Травы сухие здесь и вправду подстать африканским, кочки очень похожи на термитники, только поменьше. Однако вокруг совсем не африканские сопочки, горные кручи, осыпи и лед, лед.

Вездеход выходит к реке. Дорога — как шоссе высокого класса. Речка, по которой мчится вездеход, покрыта таким ровным льдом, что, будь у нас коньки, можно было бы мчаться как на самом лучшем катке. Берега невысокие — небольшие террасы над руслом, а дальше — склоны горушек и холмов. Смеркается. Солнце уже зацепилось за край самого высокого хребта и скоро нырнет за него совсем. Впереди, на излучине речки, темнеет нагромождение плавника. Ваня поворачивает машину на берег и с разгону преодолевает крутой подъем.

— Перекур, — сообщает он.

— Чаевать давай, — решает Чельгат и первым выскакивает наружу.

Как будто пружина скрыта в старике. Движения легкие, как у юноши.

Завал огромен: лежат вырванные с корнем мощные стволы. То ли паводок их сюда притащил, то ли водой со склона смыло. Некоторые бревнышки потертые — путешественники. Их изрядно помотало по ручьям и речкам, прежде чем они остановились в этой излучине.

Иван машет топором. Зоотехник Анатолий Арсентьевич вспарывает ножом консервные банки с тушенкой и сгущенным молоком.

Женщины мигом распалили костер и уже пристраивают над огнем сразу три чайника. Они уперли в снег длинную жердь и положили ее на треногу из вильчатых толстых палок. Один конец этой жерди поместился над костром. На нем и висят чайники.

Пожилая чукчанка стелет на снег брезент, выкладывает на него буханки хлеба, кусок масла, вытряхивает из мешка юолу.

— А ну, побыстрее,— командует Иван,— а то вода замерзнет!

Замерзнет вода! Постоянная угроза для тракторов и вездеходчиков. Морозы здесь злые. Чуть застынет мотор—прихватывает воду в системе охлаждения. Если остановился на мало-мальски продолжительное время—сливай воду. Даже если она и не успеет заледенеть, то холодный мотор завести очень трудно. Поэтому на коротких остановках все делают очень быстро.

Однако никого и погонять не надо. Хлеб раскромсали мигом, разделили сливочное масло и консервы. Чай заварен прямо в чайниках. Огненно-горячие кружки поставлены в снег—пускай охладятся. Снег под кружками вытаял, и они опустились в образовавшиеся гнезда. Надо торопиться, а то чай совсем остынет. Юкола приготовлена из красной рыбы, главным образом из кеты, кижуча и чавычи. На глаз отличается только по толщине пластин высушенного рыбьего мяса. Приготовлена она одинаково. С рыбы снята шкура вместе с мясом, мясо нарезано поперек мелкими дольками. Оно благородного темного вишнево-красного цвета. Каждая юколина длиной в полметра, а шириной— в ладонь.

Старики едят юколу одновременно с остальной пищей. Чельгат, например, откусывает кусок хлеба с маслом и перед тем, как запить его чаем, отправляет в рот по дольке юколы. Когда мясо съедено, он кладет шкуру в костер. Рыбья кожа вспыхивает—на ней жир горит,—скручивается и чернеет.

— Можно попробовать?

— Пробуй, пробуй,—Чельгат сует в огонь одну юкольную шкурку за другой, обдирая с них мясо.

Чукчанка также торопливо подкладывает к огню рыбки кожицы.

— Вот еще,—кивает она.

Все-таки мы здесь гости.

Юкольная шкурка оказывается очень вкусной. Она легко жуется и оставляет во рту вкус копчености. Непривычно одно—нет соли. Чукчи не солят юколу. Все традиционные блюда также готовятся без соли. Многие старики вообще не едят соленую пищу. Одного такого, по имени Кеккет, мы уже видели. Он пришел в гости и отказался есть нашу еду, объяснив, что очень солоно, что он всегда ест все без соли. Сидел у нас старик и только пил чай. Даже вкус соли, говорил старик, ему неприятен.

Трапеза кончена. Иван опять пошел заправлять вездеход. Народ притих возле костра. Маленький огонь,

а все греет. Солнце уже скрылось, и все густеет алая краска зари. Хребты и сопки выделяются на алом черными силуэтами.

Чельгат вытягивает руку:

— Вон, видите ту сопку?

— Это ту, где чернеет пятно сбоку?

— Нет, вон ту, где наверху стоит что-то.

— Видим, видим.

Над общей панорамой возвышается приметная сопка с какими-то предметами наверху.

— А теперь рядом, маленько пониже, сопку видите?

Рука Чельгата направлена на отдельно стоящую чуть-чуть ниже первой.

— На той сопке, самой высокой, стоит круглый камень. Он ровный-ровный, как шар. Когда-то здесь коряки жили. Тут у них стойбище было. Места здесь рыбные. Коряки летом ловили рыбу, сушили юколу. А зимой охотились—ставили на куропаток и зайцев силки, добывали снежных баранов, диких оленей и лосей. Так и жили. А потом, говорили старики, пришли наши давние предки с оленями. Они все пастбища искали. А может быть, они со своими поссорились, с оленеводами, которые на Чукотке остались, и сюда пришли, чтобы не воевать со своими.

Говорят, эти места проведали пастухи. Раньше чаучу-оленеводы все время пастбища новые искали. Они ходили далеко-далеко от своих. Или же пешком бегали, или на оленях ездили. Если находили чужих людей, то старались с ними мирно поладить.

Вот, старики рассказывают, на это место какие-то молодые чукчи пришли. А может быть, и не пришли, а только их коряки увидели, как они где-то близко со стадами появились.

— Только встретили их коряки недалеко от своих мест. Они сами, коряки, далеко ходили от своего стойбища и увидели, как чаучу-оленеводы со стадами в их сторону идут,—уточняет пожилая женщина.

— Правда. Правильно. Пускай так,—соглашается Чельгат.—Тогда,—продолжает он,—говорят коряки: «Эти чужие люди с нами воевать будут. Они могут нас с этой земли прогнать. Здесь нас мало живет. Только на свою силу мы надеяться можем. Надо как-то пугать этих чаучу. Надо им показать, что мы очень сильные, сильнее их».

Задумались коряки, старые и молодые. Думали, думали, а потом средний из них и говорит: «Надо, чтобы наши парни какой-нибудь знак поставили на видном месте, что это—земля сильных людей».

Один силач из коряков говорит: «Ладно, я попробую

это сделать. Я знаю камень один. Приметный камень — его многие, кто здесь ходит или у нас был, знают. Этот камень с перевала. Он совсем круглый. Руками ухватиться невозможно. Этот камень никто никогда поднять не мог. Из наших корякских людей многие его пробовали поднять — силы не хватало. Я попробую теперь. Я много старался, три года я упражнялся и теперь попробую этот камень поднять и принести на видное место».

«Ты надорвешься, наверно, — ему старики говорят. — надо что-нибудь не такое тяжелое сделать. Если ты надорвешься, кто нас защитит?»

«Если втащу и надорвусь — пускай, — отвечает, — зато я вас этим защищу. Чукчей вон сколько идет. Они — люди оленные, могут быстро на оленях еще людей привезти. Всем тогда не спастись».

«Ладно, — старики сказали, — пробуй!»

Этот силач тогда пошел на перевал и взял камень, который приметный. Поднял он этот камень и унес. Не знаю, останавливался ли он отдыхать.

— Три раза бросал на землю и три раза поднимал, — уточнила женщина.

— Вот, вот, — согласился Чельгат. — Он три раза клал его на землю и три раза отдыхал. Если вы близко будете, то пойдите посмотрите на камень. Сами попробуйте его поднять. Таких и людей сейчас нет, чтобы могли поднять этот камень. Его просто руками ухватить трудно. Он гладкий, ровный. Мой брат был силач. Он мог этот камень только от земли оторвать и сразу же его отпущал. Говорил, что все кишки вниз опускаются и вздохнуть нельзя — ребра прямо трещат... Все-таки этот корякский силач донес камень вон до той сопки, что совсем немного поменьше. Он так подумал: «Только до этого места мне сил хватит». Как он внес, то упал там и умер.

— Не умер, — поправила женщина. — Он до яранги еле-еле дошел, и у него потом изо рта все время кровь текла. Он еще долго жил. Только у него руки и ноги тряслись и кишки снизу вылезали. Он и ослеп. Исхудал, говорят, а потом только помер.

— Пусть так, — согласился Чельгат, — только старики после этого говорили: «Теперь мы можем спокойно жить. Теперь оленные люди, как такое увидят, на эту нашу землю с оленями приходите не будут». Однако они ошибались, эти корякские старики.

Сколько-то времени прошло, один раз утром проснулись люди, одна женщина наружу горшок понесла.

— Какой горшок?

— Старинный горшок, чтобы из теплого полога по

нужде наружу не бегать и детей не гонять. Их раньше из древесного наплыва делали. У меня еще есть один такой старинный... Оседлые люди просто мочу наружу выливали, а оленные делали возле яранги столбик из снега и мочу на него выливали. Это для того, чтобы олени возле яранги держались. Олени весной мочу ищут. У чукчей всегда были деревянные горшки. Потом стали покупные держать...

Вот с таким горшком и вышла женщина-корячка из яранги, а потом вбегает сразу же обратно, бросив горшок. Белая-белая от испуга, вся дрожит. «Что испугалась?» — спрашивает ее муж. А она только на вход рукой показывает.

Муж сразу лук схватил, стрелы, наружу выскочил. По сторонам все внимательно осмотрел и говорит тихонько, но так, чтобы в яранге слышали: «Выходите, беда. Беда».

Все люди — и старики, и маленькие ребята — вышли наружу. Им мужчина говорит: «Посмотрите на сопку».

Туда посмотрели и не увидели там камня, который их силач притащил. Как и сегодня, эта сопка без камня со всех сторон хорошо видна. Посмотрели они по всем сторонам и видят — этот камень теперь на другой сопке положен. И другая сопка выше той. Это значит — надо было с одной высокой сопки камень снести на другую, повыше, втащить на ту высоту, где его еще не было.

Потом думают: «Какую это надо силу иметь, чтобы такое сделать? Наш человек три раза отдыхал, прежде чем камень на гору внес. Вчера поздно вечером этот камень еще на старом месте был. А сегодня, совсем ранним утром, — на другой сопке, которая дальше от старого места, чем первая, где раньше был камень с низкой сопки.

Значит, совсем сильные люди эти чаучу. У нас таких сильных людей нет. Лучше мы с ними воевать не будем. Попробуем с ними мирно жить. Пусть они со своими стадами приходят. Потерпим. А может быть, уйдем к морю, к другим корякам, которые морского зверя бьют. Там мы сильнее будем...»

Не знаю: остались ли они, эти коряки, и стали с чукчами мирно жить или же ушли на побережье.

— Ушли, — утвердила женщина.

— Пускай так. Пускай ушли. — Чельгат задумался, глядя на затухающий огонь.

— А больше эти коряки никогда сюда не приходили?

— Как не приходили? — встрепенулся Чельгат. — Перед образованием колхозов еще сюда приходили корякские богатыри. Вот поедем, я по дороге покажу

вам место, где мой инив — брат моего отца с коряком боролся. Тогда оба погибли... Вот дураки были! Как будто землю делили!.. Совсем дураки...

Теперь и народа больше, и никто никому не мешает... Сколько народа напрасно погибало!

— Расскажите, пожалуйста.

— Потом. На культбазу приедем...

— По коням, — донесся призыв Ивана.

КУЛЬТБАЗА № 1

Прожектор высветил сначала трактор и гигантские сани-короб, потом луч скользнул в сторону и уперся в аккуратный домик из бруса.

— Культбаза,— объяснил Чельгат.

Нас встречали. В проеме двери стоял и курил тракторист Вася Корженков. Он выехал раньше вездехода почти на сутки.

— Как добрались?— спросил Вася вместо приветствия.

— Нормально,— ответил Иван.

Он включил лампу-переноску и погрузил руки в потроха мотора.

— Кончай копать,— предложил Вася.— Иди чайку попей.

— Воду солью только,— пробормотал Иван.— А ну, разгружайтесь!

Это уже относилось к нам.

Прибывшие чукчи—трое парней, которые ехали наверху во главе с Ятгиргином, Чельгат, молодая пара, женщина, комментировавшая рассказ Чельгата, и второй старик—о чем-то оживленно говорили по-своему.

— Ну, до завтра,—неожиданно обратился к нам Чельгат.

— Почему?

— Пойдем к своим.

— Далеко,—сказал зоотехник Анатолий Арсентьевич,— километров двадцать будет...

Чельгат беспечно махнул рукой и принялся стаскивать с крыши вездехода нарты. Он подвязал единственную постромку к ременной петле на левом полозе, подкоротил ее, прикинув к своему росту, и одел ляжку через плечо.

Парни мигом проделали то же самое.

— Садись,—кивнул своей жене молодой.

Та что-то коротко сказала, и все чукчи рассмеялись, забросав ее репликами.

— До завтра,—сказал Чельгат и быстро пошел в темноту.

Он сразу растаял в ночи, и только слышно было, как его шаги участились.

Молодые люди пошли за ним вслед. Тишину нарушили зашуршавшие нарты и сухой ритм шагов.

С нами остался второй старик, которого звали Вантулян по-чукотски, а по-русски—Иван Иванович. Имя пожилой чукчанки было Вевак.

— Это же очень далеко идти—двадцать километров, да еще ночью.

Вантулян усмехнулся:

— Чельгат в этом году на пенсию пошел. А лет десять тому назад он мог еще бегом догнать снежного барана и ножом его убить... Мы проезжали первую речку от Ачайваяма, маленькую такую. От нее до культбазы тридцать пять километров. Когда Чельгат с родителями на этой речке стояли, давно, правда, то отец заставлял Чельгата каждый день упражняться—бегать от нее до места, где мы сейчас. Он каждый день туда-сюда бегал... Были, правда, люди, которые лучше него бегали. Он не самый лучший бегун был... А до стойбища сейчас быстро дойдет.

На культбазе было тепло. Железная печка, обложенная кирпичом, нагрела обе комнаты.

Мы разделись, вынесли унты в тамбур, расстелили большие зимние длинношерстные олени шкуры. Они были еще сыроватые. Недавний забой, не просушили.

На шкуры положили спальные мешки. В центре одной комнаты поместили лист фанеры. Накрыли клеенкой—это стол.

Хозяйственный Василий подал чай и оттаявший, теплый хлеб, сваренное оленье мясо.

Вевак переждала, когда Вася покончит с этими делами, и оттеснила его от ведерного чайника. Быть при чайнике, как при самоваре для русской хозяйки,—исключительное право женщины. Вевак зорко наблюдала за тем, как опорожняются кружки, и подливала до тех пор, пока посуду не ставили вверх дном. Здесь, как и везде на Севере, пока не перевернешь кружку, будут наливать чай.

Первым кончил пить Вантулян Иван Иванович. Вся трапеза у него заняла столько времени, сколько нам понадобилось для того, чтобы к ней приступить.

Он присел на корточки возле печки, взял оставленный кем-то журнал и стал не торопясь листать его.

Мы тоже не спешили.

— Анатолий Арсентьевич, а когда эту культбазу поставили?

— Лет пять тому назад. Самая последняя. До этого открыли еще четыре таких же.

— Что, она только так и используется как перевалочный пункт?

— В основном. Здесь еще хранятся разные вещи, комбикорм, соль, оборудование и химикаты для опрыскивания оленей от кровососущих насекомых...

— Сюда еще кино привозят, здесь ветврачи живут во время осмотров оленей,—включился в разговор Иван Иванович.—Нужное дело.

— Дорогое удовольствие, наверное?

— Дорогое. Но совхозу по деньгам. Это место только начали обустраивать,—пояснил Анатолий Арсентьевич.—Мы ведь только в этом году выделились. До этого у нас с Пахачами было одно хозяйство. Только в этом году нас разделили на два самостоятельных: в Пахачах свой совхоз, а у нас—свой.

— Почему?

— Очень неудобно таким большим хозяйством руководить. А после такого разделения все мероприятия оперативнее осуществляются. Ведь размеры нашего совхоза—целое государство. На материке некоторые районы бывают меньше по площади. У нас можно держать до десяти тысяч оленей. Сейчас можно меньше—до семи тысяч оленей, да личных оленей тысячи две—всего около девяти тысяч. Да после нынешнего отела оставим еще тыщонки полторы—это уже предел. Больше пастбища не выдержат.

— Нельзя больше,—подтвердил Иван Иванович.—Раньше тоже больше не держали. Если оставить еще, то все пастбища перетравишь.

— Пастбище перетравишь,—пояснил Анатолий Арсентьевич,—не на чем будет содержать основное поголовье.

— Значит, десять тысяч оленей—предел основного дохода?

— Доход можно увеличить и при постоянном числе животных в стаде. Вот, например, совхоз перевели в категорию племенных хозяйств. Это значит, что мы будем получать за племенных животных куда больше, чем за то же количество голов в других хозяйствах.

— А почему именно ваш совхоз перевели в категорию племенного хозяйства?

Анатолий Арсентьевич ответил скромно:

— Заслужили.

— Это еще наши родители заслужили,—поправил Иван Иванович.

— Пожалуй... Здесь вообще особенное место для оленеводства. Необычно удобное и богатое... Везде

мощный травостой. Вы, очевидно, еще по дороге обратили внимание, какая здесь ветошь — сухая трава. Почти в полроста человека. И ягельники очень богатые. Практически нет места, где мало ягеля... Только в прошлом году у нас было повторное обследование состояния пастбищ. Пастбища благодатные. Вы, наверно, знаете, как распределяются пастбища для оленей? Не знаете?... Тогда коротко расскажу... Пастбища делятся на зимние, ранневесенние, весенние, раннелетние, летние, позднелетние, раннеосенние, осенние и позднеосенние. Это самая приближительная схема, самая общая прикидка. На практике любой бригадир подразделяет годовой цикл содержания животных на более мелкие отрезки времени... Ну ладно... Это сейчас не главное, чтобы понять принцип...

Олень питается в разные сезоны различной растительной пищей.

— В других местах, бывает, олени и леммингов едят, если достигнут их... Практически рацион оленя определяется природными возможностями. Зимой для него доступна сухая трава — ветошь и ягель в качестве ферментального компонента, который позволяет эту ветошь переваривать и усваивать из нее все необходимое. А в другие сезоны — зеленый корм разного качества и содержания полезных веществ... В других местах пастбища так и подразделяются на пригодные только в определенном сезоне: или только летом, потому что находятся на Севере, в арктической тундре, где зимой человек и олень жить не могут, или же только зимой на границе леса, где богатые ягельники, зато летом гнус и овод жить не дают. На эту тему можно говорить много... А здесь, на севере Камчатки, пастбища почти равноценные на всей территории. Они повсеместно отличные, пригодны для использования во все сезоны. Дело все только в нормах потравы. Нужно очень четко их использовать. Здесь нельзя ошибаться так же, как саперу. Чуть передержал стадо — все, можно на много лет потерять пастбище. Восстановится оно не скоро... Стравить за неделю можно, а ждать восстановления лет двадцать пять... Вон, спросите у Ивана Ивановича, он вам скажет.

Иван Иванович задумчиво покачал головой, подтверждая важность сказанного.

— Здесь, в этих условиях, когда поголовье почти соответствует пределу численности животных, выпас почти искусство... У нас часто говорят о разных делах и профессиях: почти искусство, или даже искусство... Однако о работе наших пастухов так сказать вполне можно. Поясню... У нас сейчас в оленеводстве занято

всего сорок четыре человека. Вы только представьте себе — девять тысяч оленей в хозяйстве, которых содержат всего сорок четыре человека. Здесь специалисты всех рангов, начиная от работницы чума, кончая мной. Всего пять бригад. Все бригады укомплектованы людьми, которые знают каждый камень в этой местности. Всего пять бригад, пять маршрутов. По каждому бригадир ведет свое стадо. В основном бригадиры уже по многу лет водят стада по одним и тем же маршрутам — дело знают. Я уже говорил, что для них год делится даже не на недели, а на более мелкие отрезки времени, и все они разные... Теперь возьмите состав наших стад. Направление у нас «плодовое» — рассчитанное на получение большого количества новых животных. Мы поэтому и маточную часть держим большую — больше половины всего поголовья. На транспорт у нас идет очень мало оленей — это личные олени... Государственных мало. В них и необходимости острой для совхоза нет. На откорм также держим немного. Теперь, когда у нас будет племенное хозяйство, на откорм будем оставлять только для себя. Только для того, чтобы самим иметь мяса досыта. Без мяса и пастух работать не может, и вообще для чукчей мясо — основная еда... Остается кроме важенков и нетелей некоторая часть молодых животных, которые идут на ремонт той же «плодовой» части и на продажу, на племя... А эта «плодовая» часть — матки — очень нежные существа. Матки то стельные ходят, то с телятами, которых кормят, то в охоте перед гоном, то еще в каком-либо состоянии... Их пасти — не то что содержать нагульную скотину, скажем кастратов на мясо. Матки капризные, они требуют то того, то другого. Положим, руководитель бригады и старшие пастухи хорошо знают свои угодья и четко все рассчитывают наперед. А погода? Ее не закажешь. Если ты на этом месте в прошлом году при прошлогодней погоде мог так пасти стадо, то в этом году при другой погоде его надо пасти иначе. И надо все время следить, чтобы пастбища не вытравлялись. Перетрава — все равно что собственный дом поджечь... А эпизоотии?

Над нами как рука дьявола висит то одна, то другая опасность — то копытки боишься, то бруцеллёза, то еще какой-то чертовой болячки. День и ночь забота...

Так вот о пастухах. Тут одного знания мало. Они часто интуитивно действуют, направляя стада, предугадывая события. Они и объяснить этого часто не могут, почему решили обходить какой-нибудь хребет справа, а не слева и почему не ошиблись в решении... Это уже искусство...

При этом посмотрите, какие показатели у них. И не один год, а постоянные показатели. Вот, например, яловость. В других местах — истинный бич. Пропустует какая-то часть маток неожиданно — для хозяйства прямой убыток. А у нас — не более четырех процентов. В нашем хозяйстве каждые девяносто шесть важенок из сотни приносят телят. Из каждых ста телят сохраняется девяносто восемь. Из каждых ста взрослых животных также только два пропадает в течение года. Я бы выразился — не остаются в живых. Чтобы пропали безвестно — редкое явление. Положим, может оленя волк задрать — все равно мясо идет в дело. Могут, наконец, заболеть или искалечиться оленчики — все равно мясо и шкуры не пропадут.

В других местах есть в графе утрат оленей такая: пропали без вести. Есть, да вы не хуже нас знаете, это разные графы — пали от болезней, отравлены хищниками и так далее. Так, «пропадают» без вести тогда, когда пастух не может назвать причину пропажи.

У нас такого не бывает. У нас то положительно, что пастбища компактны — гористое место... Однако все равно — чтобы так пасти оленей, надо быть гроссмейстером в своем деле.

Тут, пожалуй, не помогут никакие землеустроительные экспедиции или курсы по усовершенствованию мастерства.

— Правильно, — вмешался Вантулян. — На курсах что тебе про наши места скажут? Это все наши родители думали: где сколько оленей можно держать, где и когда надо ходить и сколько времени стадо пасти на одном месте... Мы только от них все знаем. Правда, стали оленей теперь лечить — очень хорошо. Совсем хорошо — стали от овода опрыскивать и уколы им делать, чтобы личинки не разводились. Это очень хорошо. За это — спасибо. Все же если бы наши родители плохо здесь оленей содержали, то нам бы такой жизни не видеть...

— Правильно, — подтвердил Анатолий Арсентьевич... — Однако наломался за день, пожалуй, отдыхать надо...

— Иван Иванович, а вы давно здесь живете?

— Всегда... Пойдем лучше в другую комнату поговорим, а то спать мешаем.

Ваня — вездеходчик. Василий Корженков — тракторист и старушка Вевак мирно сопели в своих мешках. Печь прогорела, и угли светились в открытой дверце, излучая ровный бордовый свет. Свеча догорела, закапав подсвечник-бутылку восковыми слезами и покрыв ее сосульками. Свет зажигать не хотелось...

Мы вытащили сигареты.

— Закурите, Иван Иванович?

— Не курю,—мотнул головой старик.—Хорошо, когда тебя слушают. Самому про себя скучно бывает все вспоминать. Одному плохо о старом думать...

— Сейчас вспоминаю—даже трудно поверить, что такое могло быть... У нас кончили колхозы устраивать в 1932 году. Я тогда первый раз женат был. Жену Кутавнаут звали. Давно умерла...

Здесь авторы позволяют себе взять короткий таймаут и вставить несколько слов о себе. Эту книгу авторы начали писать прямо в Ачайваямской тундре. Практически это делалось так: один пишет, а другой расспрашивает окружающих. Иногда расспрашивал тот, кто и писал, когда авторы работали каждый со своим «информатором»—так этнографы официально называют людей, которые что-либо рассказывают.

Случается и так, что приходится много слушать и ничего сразу не писать. Любой человек говорит сбивчивее и хуже, когда перед ним садится протоколист. В этом случае нужно все запоминать буквально и затем просиживать часами за бумагой, когда рассказчика уже нет. Всех приемов этнографического дознания не перечислить. Работа этнографа напоминает работу следователя, с той разницей, что этнограф всегда работает с друзьями, обладающими законной свободой посвящать или нет чужих в наследие предков. Постигать и описывать любые особенности национальной культуры позволительно только с полного согласия тех, кому она принадлежит.

Авторы этой книги поставили неизменным условием повествования строгую документальность. Точное описание действительности должно по замыслу быть не только в самом изложении фактов, но и в форме их изложения. Однако от второго условия мы отказались. Если бы читатель получил стенограмму наших бесед, то он, бесспорно, заскучал бы над кучей бесконечных коротких и длинных вопросов и ответов, реплик, вставных новелл, обсуждений и всего прочего.

Вот пример прерванного разговора с Вантуляном Иваном Ивановичем:

— Сейчас вспоминаю—даже трудно поверить, что такое могло быть... У нас кончили колхозы устраивать в 1932 году. Я тогда первый раз женат был. Жену мою Кутавнаут звали. Давно умерла...

Вопросы следовали такие:

— Иван Иванович, а первую жену откуда брали?

Начинался рассказ, откуда была взята первая жена,

и следовал вопрос, для чего нам это надо знать. Мы объясняли ему. Тогда Иван Иванович подробно рассказывал, чем руководствовался его отец, когда выбирал ему жену. Мы в свою очередь составляли подробные генеалогии Ивана Ивановича и его жены Кутануат.

Задавался и вопрос, к этой проблеме не относящийся, но для этнографа необходимый:

— Наверно, за жену много оленей отдали?

Иван Иванович вспоминал о сватовстве и калыме и о том, как отработывал за жену у будущего тестя.

Только он перешел было к 1932 году, как мы ему снова задали вопрос о том, как приняли молодую, когда он привел ее в ярангу родителей,—форма поведения родителей мужа по отношению к невестке бывает всегда традиционна, и по ней можно многое реконструировать из истории общественных отношений.

И так длилось до тех пор, пока не были выяснены все вопросы...

Тогда разговор затянулся почти на всю ночь. Записать рассказ Ивана Ивановича удалось почти под утро. Позже эту запись показали Ивану Ивановичу и невинно спросили:

— Нет ли чего пропущенного?

Иван Иванович ревниво прочитал ее и нашел много недосказанного и не совсем правильно понятого. Последовали совместное разбирательство, уточнения, справки и дополнения.

Иван Иванович, наконец, сказал:

— Пускай останется так. Можно еще много написать, однако пусть так и будет.

Запись при этом приобрела форму изложения событий от третьего лица, и Иван Иванович поставил словесную печать под документом. Он приводится в утвержденном виде.

Отец Вантуляна, чаучу (оленный человек) Ахалькут, кроме Вантуляна имел еще старшего сына Кояна и дочь Айнат.

Дочь Айнат была замужем за сиротой Кайматке, сыном небогатого чаучу, после которого осталось всего оленей десятка два. Кайматке посватался к Айнат. Он поработал в стаде будущего тестя год и остался насовсем. Так решил чаучу Ахалькут. Кайматке сам хотел того же. С его двумя десятками оленей самостоятельно не проживешь. Все равно нужно к кому-нибудь присоединиться.

Старший сын Коян также жил с отцом. У него было четверо детей и две жены. На одной его женили, когда он был еще мальчиком, а на второй—когда умер его старший брат, первый сын чаучу Ахалькута. С ней к Кояну пришли еще двое ребятшек.

Зима в тот год была теплая. Стадо Ахалькута зимой ходило между речками Ачиханьваям и Апука.

Старик поставил свою ярангу поближе к тому месту, где собирались на ярмарку оленные и оседлые люди, куда привозили

товары русские купцы и береговые коряки доставляли то, что им летом привезли «амрыканкиси» — американские торговцы.

Трех взрослых пастухов вполне хватало, чтобы пасти стадо. Зимой оленей караулить легче, но волки могли убить много животных. Правда, волки резали много оленей только у глупых, скучных пастухов, когда хвостатому не давали его долю при забое оленей.

Старик Ахалькут всегда говорил своим людям:

— Не жалейте потроха и кровь. Пусть хвостатый получит свое.

Чаучу Ахалькут обладал оленним счастьем. Его стадо, которое он получил от отца, увеличивалось понемногу, но не уменьшалось даже в самые тяжелые для оленеводов годы, когда другие стада таяли, как нерпичий жир в плошке с огнем.

Ахалькут не жалел себя и не жалел своих пастухов. Никто так много не ходил по этой земле, сколько прошел старик Ахалькут с того времени, как он стал на ноги.

Его отец был небогатый чаучу — у него всего было оленей триста. Ахалькут остался у него единственным сыном. Были у него и другие родственники, однако все умирали, еще не женившись.

Отец Ахалькута всегда говорил:

— У чаучу самое главное — ноги. Если чаучу бегаёт быстрее любого оленя, он оленей сбережет. Если чаучу бегаёт дольше любого оленя, то он оленей сбережет. Если чаучу бегаёт быстрее и дольше других людей, то ему не страшны враги и он всегда разыщет пастбища, на которых его оленям никто не помешает.

Еще только начал ходить мальчик Ахалькут, а отец его уже брал с собой в стадо. Когда мальчик подрос, отец сделал ему первые лапки — снегоступы. Как только мальчишка выходил из яранги, каждый раз слышался голос отца: «Не забудь лапки, кмигн (сын)!»

Совсем скоро мальчик перестал замечать, что у него на ногах снегоступы. Они несли его, как птичьи крылья, даже по самому рыхлому снегу. Мальчишка вихрем взлетал на склон, по которому взрослые шли проваливаясь.

— Ты скоро бегуном будешь, — говорил ему отец матери.

— Лучше пусть он не будет бегуном, — говорила мать, и глаза ее наполнялись слезами.

— Если он не будет бегуном, то он будет добычей врагов. И дети его будут добычей врагов, — отвечал отец матери.

После его слов больше никто не говорил.

— Хорошо ты научился ходить на лапках, — сказал как-то отец, — только теперь так ходить будешь. — И он старательно прикрутил ремнями к лапкам тяжелые камни.

Когда мальчик наутро привязал лапки к ногам, ему показалось, что земля схватила ноги и держит, не пускает.

— Иди, — сказал отец.

Мальчик сделал первый шаг, второй, третий — и остановился.

— Не стой, — подхлестнул голос отца.

Он и раньше все время говорил: «Не стой!» Мальчик и не привик подолгу стоять на месте.

Вечером Ахалькут повалился на землю, едва ступил в чоттагын — холодную часть яранги.

— Пить, — с трудом он произнес сквозь спекшиеся губы.

— Пей, пей, сынок, — мать кинулась к нему с ковшом.

В ковше, вырезанном из рога снежного барана, плескалась прохладная вода, о которой Ахалькут думал весь день.

— Убери, — раздался твердый голос отца.

Мать замерла, еще протягивая ковш сыну.

— Нельзя, нельзя, — закричал дед. — Пусть он пока немного теплого мясного отвара попьет. От воды сердце сырое будет.

— Вот столько, — отец зачерпнул в кружку меньше половины. — Лучше дай ему новую кухлянку, а то он, наверное, вспотел.

Под утро Ахалькут слышал сквозь дрему, как мать плакала и говорила:

— Умрет он, тоже умрет...

— Этот не умрет,—сказал отец.

И мать смолкла.

Прошло много времени, прежде чем Ахалькут стал «летать» на грузенных камнями лапках, как и прежде.

Каждый вечер он легко перепрыгивал через доску, служившую порогом, ловил тревожный взгляд матери. Взгляд ее становился спокойным, когда она видела, что сын бодр.

— Дай ему новую кухлянку,—велел отец.— Для бегущего человека нельзя оставаться потным,—учил он.

Ахалькуту приходилось все реже и реже менять кухлянку. Он наравне со взрослыми пастухами бегал в стаде и без промаха бросал аркан-чаат. Он мог бежать какое-то время наравне с самыми быстрыми оленями. Однако недолго. Скоро ноги переставали двигаться так быстро, как вначале. Мальчик отставал и жаловался отцу:

— Когда же я стану сильнее их?

Он трогал лицо сына жесткой ладонью, утешал:

— Сила к тебе еще придет. Вон у оленей телята также долго бегать не могут.

— Я ведь старше самого старого оленя,—возражал Ахалькут.

Пастухи смеялись и говорили отцу:

— Изю всех бегунов самый нетерпеливый.

Дед решил сделать ему копые. Он достал спрятанный наконечник, ровный, как лист ольхи, и острый, как самый острый нож. Дед поставил мальчишку перед собой и отмерил на рябиновой палке его рост. Потом он вырезал из этой палки древко. Древко было ровное и только почти к самому концу утолщалось почти незаметно для глаза. Дед положил копые поперек на ребро ладони, и оно закачалось на весу, хотя часть в сторону наконечника была длиннее.

— Теперь он тебя учить будет,—сказал отец, кивнув в сторону деда.

Отец Ахалькута соединил свое стадо с другими стадами. На лето с ним ушло шесть пастухов, главным среди которых был отец Ахалькута. Остальные прикочевали к месту летней рыбалки.

Лето стояло знойное. Рыба валила валом. Люди с ног сбивались, потроша икрающую чавычу, делая юколу. Вешала стали скользкими от рыбьего жира.

Едва рассветало, как только солнышко показывало край из-за сопки, дед поднимал мальчика:

— Вставай, вставай, сбегай принеси мне тополиную ветку.

Ахалькут выходил из полога и не спеша натягивал плекты—коротенькую меховую обувь, сшитую специально для бега. Она так и называлась—«изнурить себя».

Дед посмеивался:

— Что тянешь? Позже побежишь—позже прибежишь, позже отдохнуть будешь...

Надо было бежать через большую сопку до приметного дерева и возвратиться обратно. Дед показывал, по каким местам надо бежать. Со стороны стойбища это был каменистый и очень крутой склон. Все люди смотрели, как мальчишка бежит по этой стороне.

Наверху сопка густо поросла кедровником. Тут надо было бежать по-особому—высоко прыгать. Мальчик делал несколько шагов и высоко подпрыгивал, подгибая то одну, то другую ногу.

Когда кедровник кончался на другом склоне, он мчался по узкой промоине. Весной здесь сбегала вода и размывала глубокое русло, а летом оно пересыхало. Бежать по промоине приходилось очень быстро и все время поворачиваться в разные стороны.

Потом Ахалькут пробегал по берегу речки, кружившей вокруг сопки, до приметного дерева—тополя. Дед на этом тополе надрубил

нижние ветки и поставил отметины на тех, от которых надо было принести палочку.

Мальчик, уставший после пробега, когда ноги дрожали, а в голове стучала кровь, должен был высоко прыгать, чтобы достать эти ветки. Надо было схватить ветку так, чтобы не обломать ее всю, чтобы ее хватило на несколько раз. Если ветка ломалась вся, то за следующей приходилось прыгать еще выше.

Мальчик однажды решил надолго отделаться от этих мучительных прыжков. Он спрятал сломанную ветку и в следующий раз отломил от нее кусочек.

— Она уже старая, сломана вчера,— заметил дед.— Беги снова.

После этого мальчик никогда не обманывал. И не оттого, что дед все равно бы заметил обман, а оттого, что у деда сделалось такое лицо, на какое невозможно было смотреть.

Обратный путь был тяжелее. Мальчишка даже иногда опирался на копы. Копье он теперь из рук не выпускал, как взрослый.

Мать чинила его обувь «изнурить себя» через столько дней, сколько пальцев на одной руке.

Перед тем как садилось солнце, Ахалькут бежал по другой дороге вокруг сопки. Он должен был раскачивать копы так, чтобы наконечник был выше головы, когда он ступал одной ногой, и на уровне пояса, когда он ступал другой.

Мальчик целыми вечерами упражнялся, стараясь попасть копыем в маленькую чурочку, которую дед раскачивал на ремне, привязанном за высокое дерево.

Когда возвратился после летовки отец и Ахалькут побежал его встречать, то один из пастухов закричал: «Посмотрите! У него как будто два копыя в руках!» Так быстро мальчик раскачивал копы.

Ахалькут был уже юношей, когда отец стал готовить его к соревнованиям на торговом празднике. Он каждый день запрягал своих беговых оленей и отправлялся в гости к соседям. Ахалькут бежал, привязанный сзади. Он добегал до соседей, а потом один возвращался на свое стойбище. Отец приезжал скоро, но ни разу не застал его в дороге. Один раз мальчик бежал у него на виду, а отец не мог догнать.

Ахалькут умел бегать, подбрасывая наконечником копыя толстую палку, не давая ей упасть. Юноша делал резкие повороты, бросался в обратную сторону, а палка все взлетала над копыем, как привязанная. Его родичи—сыновья его дядей—брали бревно и раскачивали его на ремнях, а парень перепрыгивал его; когда же бревно почти касалось его ног, грозя сломать их, он ложился на землю, так что массивное бревно пролетало сверху. Потом он бросал вверх и вперед свое копые и ловил его на бегу.

На торговом празднике в тот год собралось множество людей. Торговцы еще не приехали. Люди ждали начала торга, устраивая угощения друг другу.

На этот праздник приехало много оленеводов с Севера—с Чукотки. Люди, видимо, были богатыми. Они приковывали со своими ярангами, с семьями, с беговыми оленями. Говорили, что у них оленей, как комаров летом.

Все смотрели на одного молодого чукчу. Он был огромный, как гора. Ходил так, что под ним, казалось, земля прогибается. Лицо его было гладкое, красивое. Кухлянка его сшита из шкур отборных неблюев—полугодовалых телят. За одни только торбаса можно отдать целого оленя. Люди шептались, что это знаменитый силач с самого Севера. Он решил посмотреть, нет ли людей таких же сильных, как он сам, и поэтому приехал на здешнюю ярмарку.

— Наверное, он самый сильный,— с опаской говорил дед Ахалькута.— Теперь люди с Севера будут говорить, что мы слабые, что мы должны им во всем уступать...

Ахалькут с неведомой дотоле завистью смотрел на красавца и

решил: если тот будет вызывать бороться, то он, Ахалькут, попробует.

Приехал также знаменитый силач Кеулькут из Марково. Его здесь многие знали. Марковские приезжали сюда, в верховья Ачайваяма.

Люди сразу же сообщили Кеулькуту: «Силач с Севера говорит, что для него здесь нет дела: никто не может помериться с ним силой, и он уже запряг своих лучших оленей, чтобы поискать людей покрепче. Он также говорит, что такие слабые люди заняли слишком много места, хорошей земли».

Кеулькут как приехал, сразу же пошел к яранге, где жил этот силач. Он стал его оленей выпрягать, чтобы себе забрать. Олени были замечательные — мускулы как железо и шкуры одинаковые — в белых пятнах. Дорогие олени.

Северный силач вышел, чтобы посмотреть на Кеулькута.

— Зачем ты берешь оленей, которых все равно не сможешь удержать? — спросил он насмешливо.

— Попробуй ты сам их удерживать, — дерзко ответил Кеулькут.

Он был самый сильный из всех и марковских, и ачайваамских чаучу.

— Ну, снимай кухлянку, — предложил приезжий, — только помни, что я тебя не звал.

— Сам снимай скорее, — распалился Кеулькут.

Женщины уже стояли стеной, обозначив кружок для борцов.

Кеулькут первый бросился на северянина и захватил его обе кисти. Богатырь, казалось, поднял Кеулькута как ребенка. Руки у того разжались. И никто не заметил, как приезжий обхватил его вокруг пояса. Еще рывок — и Кеулькут оказался на снегу. Он встал, как бы не веря случившемуся и пошел прочь, даже не в ту сторону, где стояла его упряжка.

— Совсем слабые люди, — пробормотал презрительно северный силач, натягивая кухлянку. — Этим оленям здесь не найти другого хозяина...

Приехавшие с ним чукчи громко захохотали. Они были уже пьяные и не стеснялись выкрикивать:

— Надо, чтобы здешние люди сами возили твоих оленей!!! Мы у них оленей отберем, чтобы меньше ездили в места, где сильнее люди есть!!!

Вечером дед говорил отцу Ахалькута:

— Разбойники эти северные люди. Они наши враги, хоть и чукчи. Они нас хотят обидеть. Надо отсюда уезжать.

Отец только раздул ноздри, коротко тряхнул головой, как делал, когда сердился, и сказал:

— Сильнее тот, кому не отомстишь... Слушай, сынок, надо у приезжего забрать оленей... Ты пойдешь отвяжи их и беги с ними на стойбище твоего дяди. Дорога туда самая трудная, а мужчин там много. Ты с этими оленями беги по бесснежным местам. Если за тобой погонятся на упряжках, то нарты поломают, а тебя не догонят... Ты оленей не отвязывай — пережешь постромку, а сам между оленями беги. Пусть у них наголовники связанными останутся. Ты их ножом коли, чтобы они быстрее бежали. А сам ты за них можешь держаться — легче бежать будет. Смотри только, не покалечь олесек. Очень они хорошие.

— Убить могут парня, — испугался дед.

— Если сейчас не убьют, то потом прийти побоятся. А если сейчас все наши люди испугаются, то потом они придут и убьют... Ты, однако, дожись, когда этот силач из яранги выйдет и скажет, чтобы вы силу пробовали. Тогда ему скажи: «Сильный тот, кому отомстить нельзя».

Ахалькут думал, что у него сердце выскочит из груди, когда он шел к яранге силача. Он оставил на себе только легкие штаны и

кухлянку. Он не взял даже нож. С ним было только копые, без которого он никуда не ходил.

Люди как-то узнали, что Ахалькут решил спорить с приезжим, и приближались к яранге силача.

Юноша подошел к оленям северянина и перерезал наконечником копыя постромку. Олени, лежавшие до этого, встали. Когда юноша подходил к упряжке, из яранги высунулась чья-то голова и спряталась обратно.

Ахалькут разобрал правую и левую вожжи и связал их. Он успел снять с оленей лямки, когда вышел силач. Он не спешил.

— Эти люди совсем до отчаянья дошли,— лениво выговорил он, став у входа и уперев в бедра руки,— со мной мериться уже детей посылают. Эй, мальчик, у тебя, наверное, уже «мака» мокрая...

Сердце Ахалькута уже звенело от злости. Это только у маленьких детей бывает «мака»—шкура между ногами, закрывающая прорезь на штанах. Эта гора мяса, еще не испытав его, уже оскорбляет!

— Сильнее тот, кому отомстить нельзя,— сказал Ахалькут срывающимся голосом.

Рука сама взлетела с копьем, и оба оленя рванулись с места.

Ахалькут побежал. Сначала он и не чувствовал, как ноги несут его. Только злая кровь билась в висках да в глазах расплывались яркие круги. Он голосом и копьем гнал оленей, держа одной рукой обе вожжи. Он бежал так, что вожжи и не натягивались совсем.

Олени мчались тем ровным бегом, который отличает животных, обученных большими мастерами. Они шли без рывков и замедлений. Было видно, что силы их иссякнут не скоро.

Ахалькут бежал между равномерно кольшащимися спинами и стал постепенно успокаиваться. Он естественно вошел в нужный ритм и совсем не думал о том, как двигался. Он хладнокровно рассчитывал дорогу, которая была бы не под силу любым преследователям: «Сейчас к черному камню... На нарте прямо не проедешь. Надо крутиться по снежным местам, по берегу реки... Прямо—короче... Не успею догнать, пока прибегу к ущелью... Там вверх можно только глубокой расщелиной пробежать... По ней только один олень может пробиться... Эти олени с Чукотки смогут ли вверх по каменной дороге идти?... Там меня уже не догонят. В узком месте мое копые, как родной брат, не выдаст»,—думал Ахалькут.

Уверенность заставила Ахалькута бежать медленнее и ровнее. Он даже ни разу не оглянулся. Он смотрел только вперед, заранее выбирая путь, спрямляя его, нацеливаясь только на темное пятно у подошвы горы, от которого шел вверх едва видимый глазу зигзаг расщелины.

Перед входом в расщелину он увидел, как еще далеко, сбоку, мчатся две упряжки. «Опоздали»,—подумал Ахалькут, и ему стало весело.

Он не торопясь развязал ремень, соединяющий наголовники оленей, и легонько кольнул копьем правого, тесня его к узкой щели. Чужой зверь запрыгал, пригибая голову, сильно натягивая вожжу.

Юноша схватил его за рог и силой втащил в узкий коридор. Он опять поднял копые, но рогач метнулся вверх, волоча вожжу. Ахалькут успел ухватить ее за конец и, удерживая рвущегося оленя, стал завязывать ее на наголовнике второго, левое оленя. Тот стоял спокойно, раздувая бока и жадно захватывая воздух открытым ртом. Он сам ринулся вверх без понукания.

Ахалькут в последний раз осмотрелся и тронулся легкой походкой вверх.

Через два поворота он нагнал оленей. Они стояли, запутавшись в вожжах. Задний заступил их клешневатым копытном, и вожжа захлестнулась за переднюю ногу. Первый стал дергаться, напуганный сопротивлением, и свалил собрата.

Юноша распутал вожжу и подвязал ее так, чтобы она не могла волочиться между животными.

Их не пришлось понуждать копьем. Они от одного голоса ринулись вверх. Ахалькут стал подниматься медленнее. Он знал, что впереди, совсем немного не доходя вершины, есть очень ненадежное место с «живыми» камнями. Стоит только тронуть один, как целое их стойбище срывается с места и летит вниз по каменному коридору.

Первый камень ухнул внезапно. Он далеко прыгнул и отскочил рядом с юношей, не задев его. Олени, напуганные «живыми» камнями, изо всех сил рвались вверх, вперед. Ахалькут остановился на мгновение, опершись рукой о каменную стенку. Совсем рядом в эту же стенку врезался камень, обрызгав лицо его осколками и оставив запах кремниевой искры.

Ахалькут подпрыгнул, успел запустить пальцы в трещину и повис. Он висел долго. Он слышал, как шум уходил все дальше и дальше по расселине и стих наконец. Он висел, не обращая внимания на боль в затекших пальцах, с трудом удерживая зубами древко копья. Когда последний мелкий камешек лениво прикатился и лег под тем местом, где был Ахалькут, он мягко спрыгнул. От его прыжка пополз вниз камень, выбитый из стенки.

Юноша перевел дух и короткими, быстрыми прыжками двинулся к вершине. Он несся вверх, оставляя за собой грохот камнепада.

Рогачи лежали на площадке, венчавшей горку, положив головы на снег. Видно, бег по горам был им непривычен.

Юноша уселся рядом и стал смотреть вниз. Там он увидел уже четыре упряжки и людей, стоявших неподвижно возле них.

— Все,—сказал вслух парень.—Сильнее тот, кому отомстить нельзя.

Он встал, поднял оленей и подошел к краю так, чтобы его хорошо видели снизу, а потом не спеша двинулся к отлогому склону. «Теперь все,—удовлетворенно подумал Ахалькут,—этим по шели уже не пройти—завалена камнями. На оленях можно только обогнуть эту гору. Огибать долго. Я уже внизу буду. А там—опять длинный бег по ровному месту. Успею».

Ахалькут спал, свернувшись клубком в теплом пологе, и усталость уже отпустила его, когда преследователи добрались до стойбища дяди.

Их было всего четверо.

— Едут,—послышался за покрывшейся яранги голос дяди, и проскрипели по снегу чьи-то шаги.

Юноша услышал это сквозь сон и проснулся окончательно, когда приблизился визг полозьев и ненавистный голос произнес:

— Пришли мы.

— Етти (так)—бесстрастно ответил дядя.—Зачем пришли?—спросил он после некоторого молчания.

— Около твоего стойбища кончается след моих оленей.—Чванство и высокомерие в голосе говорившего заставило Ахалькута сесть. Он быстро нащупал одежду и стал бесшумно натягивать ее. За ним молча следили расширенными от страха глазами жена дяди и его большие дочери.

— Может, ты, пришелец, покажешь мне их,—тонкая ирония прозвучала в дядином голосе.

— Не надо искать далеко. Вон, прямо против входа в твою ярангу следы моих оленей.

— Ты ошибся, пришелец,—голос дяди стал твердым, но вкрадчивым.—Это—след оленей моего племянника. Это ходили его прекрасные пестрые олени, которых он привел с торгового праздника. Если ты плохо видишь, то он может вылечить тебя копьем.

Ахалькут опять услышал, как со всех сторон яранги заскрипели шаги. Это пастухи вышли вооруженные, как договаривались раньше.

Молчание затянулось.

— О-о-х,— не выдержав, вздохнула тетка и спрятала лицо в ладонях.

— Твой племянник увел моих оленей,— в словах уже не было прежней уверенности.

— Он взял их, а ты не мог отобрать их обратно... Сильнее тот, кому нельзя отомстить.

Ахалькут услышал, как в разных сторонах стукнуло железо о железо. Пастухи явно пришли не с пустыми руками.

— Твой племянник — хороший бегун,— вдруг раздался дребезжащий старческий голос (говорил кто-то из приезжих).— Наверное, нет равного по силе бегуна твоему племяннику. Мой сын не может так быстро бегать. Он предлагает бороться...

— Каждый борется как умеет...

— И-и, и-и, ты правильно говоришь. Мы пришли знакомиться с вами, ачайваймские люди, а не ссориться. Два самых лучших оленя не стоят того, чтобы люди ссорились...

— Тогда идите ко мне в ярангу, гости,— сказал дядя после мгновенной заминки... Забейте двух самых жирных холощеных быков,— это он уже сказал пастухам.— Надо хорошо угостить наших гостей.

Отец Ахалькута приехал с дедом только на следующий день. Он рассказывал, как радовались люди, когда силач с родичами вернулся без оленей. Люди приходили к отцу Ахалькута и говорили:

— Твой сын нас всех защитил. Мы всегда будем ему помогать.

— Теперь я могу спокойно идти к верхним людям.— сказал задумчиво отец Ахалькута.— Есть твердое сердце и крепкие руки, которые проводят меня к верхним людям.

Через два года отец умер. Ахалькут проводил его. Старик сам приставил к сердцу наконечник сыновьяго копья. Оленье счастье не изменяло Ахалькуту. У него стало оленей в два, а может быть, и в три раза больше, чем у отца. Ахалькут уже не ходил каждый день в стадо — мужчин хватало, и беды пока обходили его стороной.

И еще одна зима началась хорошо. Богатый справили праздник — выльгынкоранмат — возвращения оленей осенью. Много забили оленчиков для шкур и мяса. Ушли довольными малооленные люди, которые пасли вместе с Ахалькутовым и свои стада...

Душа у старого чаучу была беспокойна, когда уехал от него сосед Эттувыи, который рассказал, что к нему приезжал милыгитангит — русский огненный человек. Он приехал совсем без товаров. Только с ним были местный русский каюр Антоска из Марково и его сын. Этот милыгитангит все расспрашивал, сколько людей у Эттувыи и сколько у него оленей. Все это он записывал на ровные тоненькие кожицы, которые амрыканкиси называют «пэпа» — бумага. Что такое записывать — Эттувыи и Ахалькут знали оба. Амрыканкиси (американские торговцы) так делали следы долгов чаучу, когда те брали товар без расплаты мехами или оленями.

— Почему ты ставишь следы долгов, которых у меня нет? — спросил Эттувыи у милыгитангит. — Я же у тебя ничего не брал. Зачем тебе нужны следы моих людей и моих оленей?

Антоска перевел вопрос русскому, тот долго отвечал. Потом Антоска по-чукотски объяснил, что делают «перепись» — у всех людей так, а не только у Эттувыи. И к Ахалькуту скоро придет.

Еще рассказал Эттувыи, что в Марково сделали приезжие тангит (чужие люди) «культбач» — построили два дома, где лечат всех людей и держат детей, чтобы научить их записывать, как милыгитангит или амрыканкиси. Этот новый поселок приезжие люди называют «культбаза», а свои, с побережья, — «культбач». Приезжий милыгитангит сказал Эттувыи, что в «культбач» можно отдавать не только мальчиков, но и девочек.

— Ты как думаешь. — спросил Эттувыи, — это он про мою дочь Кутавнаут говорил?.. Зачем я буду этим русским свою дочь отда-

вать?.. Ей лучше за чаучу замуж идти. Она уже взрослая. Я хочу, чтобы к ней молодой чаучу посватался. У меня столько же оленей, сколько у тебя, Ахалькут. Когда я уйду к верхним людям, все мое стадо этой дочери останется, и ее детям, и зятю, который будет их хранить.

— У зятя свои олени могут быть,— хмуро промолвил Ахалькут.— А дети— все равно его будут...

Он понял, что сосед намекает на его младшего сына Вантуляна. Однако надо ему дать знать, что сыновья Ахалькута могут и без его оленей обойтись, но Ахалькут будет думать о возможной женьитьбе сына. Не скажет утвердительно сразу, а просто еще подумает.

— Пускай и свои олени будут,— примирительно сказал Эттувыи.— Одна у меня дочь осталась. Хочу скорее, чтобы мои руки потрогали внуков... Пусть из семьи равных мне чаучу дочь мою возьмет, я тем людям сумэй (товарищем по женатым детям) буду...

После отъезда Эттувыи Ахалькуту стало тревожно. Жизнь менялась. Непонятное и чуждое пришло в тундру.

Вечером из стада вернулся старший сын Коян. Его лицо было мокро от пота. Коян притащил тушу теленка и сбросил ее с плеч возле самого входа. На немой вопрос отца он ответил:

— Плохо. Длиннохвостые пришли и зарезали десять важенок и одного теленка...

— Это нам стыдно,— произнес Ахалькут, помолчав,— могли вчера оленя забить, хвостатым их долю оставить. Теперь они за нашу жадность наказывают...

Коян повалился в своем пологе и мгновенно уснул, а старик все сидел и думал: «Может быть, келе (духи) разозлились на меня и посылают своих помощников— волков? Я никак не мешал келе...»

Старик вдруг ощутил, как внутри его проснулась какая-то тяжкая боль. Она очень редко мучила Ахалькута. Но каждый раз с этой болью приходила и мысль, которая выжимала из сухого тела испарину: «Может быть, келе уже едят меня?»

Русский, о котором говорил Эттувыи, приехал ночью. Его привез Антоска из Марково.

— Амто!— приветствовал Антоску чаучу, вышедший встретить гостей.

— Амто!— повторил мильгитангит, улыбаясь.

В яранге суетились женщины.

Старая жена Ахалькута раскраснелась, руководя женщинами.

— Что будет есть этот мильгитангит?— спрашивала она Антоску.— Он будет есть в'илв'ил?

Антоска, который ел любую пищу, важно отвечал:

— Мильгитангит будет есть в'илв'ил.

— Готовьте скорее, женщины,— командовала старуха.

Жены Кояна втащили с улицы олений желудок. В нем были квашеная оленья кровь с мелко нарезанными кусочками потрохов и корня сараны. Женщины принялись крошить в деревянное корытце вареные хрящи, печенку, сердце и легкое.

— Хватит ли мильгитангит одного желудка?— спрашивала старуха.

— Чтобы он не подумал, что попал к бедным людям, давай еще один,— посоветовал Антоска.

Русский снял шапку и стянул верхнюю кухлянку. Волосы у него были длинные, белые.

— Какомэй!— вырвалось удивление у старухи.— Я таких же людей видела с длинными волосами,— затараторила она.— Людей с длинными волосами и много товаров в деревянной яранге!

Волосы у русского были совсем не похожи на те, которые носили чаучу. У Ахалькута они были почти все срезаны, только на темени оставались две пряди, которые он заплетал в две косицы. Такие косицы носили по большей части чем-нибудь известные

люди—борцы или бегуны. Большинство оставляло на темени кружок с волосами.

Здесь Иван Иванович Вантулян сделал примечательную вставку.

— Моя мать,—сказал он значительно,—как далеко вперед видела! Она много раз говорила, что настанет время, когда люди будут ходить с длинными волосами и будут магазины, полные красивых товаров. Вот, пожалуйста, сейчас молодые ходят с длинными волосами и у нас, в Ачайваяме, можно купить все, что захочешь.

И Иван Иванович задумчиво качал своей головой, стриженной под машинку, бормоча про удивительные способности своей родительницы.

Оленьи желудки оттаяли и отогрелись возле костра под треножником. Всю ярангу наполнил лакомый запах квашеной оленьей крови. Ребятишки проснулись и полезли из своих пологов поближе к деду.

Антоска все-таки, по всей видимости, напугал. Русский по мере оттаивания желудков отодвигался от них все дальше и дальше. Когда женщины вылили содержимое одного из них в корыто, где были нарублены внутренности, то он хоть и взял ложку, но ни разу не зачерпнул. Антоска хлебал как ненасытный, похваливая еду и чмокая от удовольствия.

— Почему гость не ест?—спросил Ахалькут.

Антоска даже поперхнулся от неожиданности и стал объяснять, что русский вообще ест мало.

— Говорил, что надо два желудка,—проворчала недовольная старуха.

— Может быть, он вареное мясо есть будет? Нехорошо, когда гость ничего не ест,—сказал Ахалькут.

— Он по-разному ест,—уклончиво ответил Антоска, обсасывая копытный хрящик,—когда много, когда мало.

— Принеси, старуха,—решил Ахалькут.

Русский съел мяса много, как настоящий чаучу. Женщины поставили на два бревнышка большой чайник. В нем старуха заварила настоящий чай. Вообще-то Ахалькут сам не пил чай и своим сыновьям давал его мало. Он считал, что если пить много воды, то сердце мокрое будет.

Женщины чай любили. Однако эта трава тангит (чужеродцев) стоила дорого.

Русский порылся в своем мешке и вынул две плитки чая. Он сказал что-то, улыбаясь, и положил эти плитки перед Ахалькутом. Дорогой подарок.

— Что он сказал?—спросил Ахалькут.

— Сказал, чтобы его все время варили, пока он тут,—пояснил Антоска.

Русский снова подвинул к Ахалькуту эти плитки и сказал запинаясь:

— Гыччи, гыччи (ты, ты),—показывая рукой на Ахалькута.

— Мне?—переспросил Ахалькут, ткнув себя в грудь пальцем.

— И-и, и-и,—подтвердил русский.

Ахалькут вопросительно поглядел на Антоску.

— Говорит, что передумал,—с готовностью пояснил Антоска,—все тебе в подарок отдает.

Старуха, внимательно слушавшая речи, проворно ухватила обе плитки, передала их старшей дочери Кояна и потащила второй неначиненный олений желудок из яранги.

— Наверное, Антоска плохо слышит язык своего русского отца,— ехидно сказала она. Старуха была права. Хотя в числе предков марковца Антоски действительно были русские отцы, однако их, бесспорно, пересиливали в нем другие. В числе других значились юкагиры, чукчи и даже эвенки.

Строго придерживаясь действительности, мы должны здесь сделать перерыв в повествовании. Именно на этом месте рассказа Ивана Ивановича проснулся Иван-вездеходчик. И проворчал:

— Спали бы, что ли... Скоро скомандую: «По коням!..»

Иван Иванович прикрутил фитиль и дунул в ламповое стекло.

КОРРАЛЬ

Олени спускались с каменистой кручи. Они паслись ночь за сопкой. Через перевал гнать их к корралю было далековато. Бригадир распорядился, чтобы стадо провело прямо через сопку и направили ко входу в корраль.

Животные спускались привычно осторожно: ступали по камням не торопясь и не напирая на передних.

Впереди шел один пастух и сзади—двое. Передний спускался молча, размеренно. Он определял темп движения оленей по склону.

Шедшие сзади пастухи покрикивали успокаивающе. Крики были однообразные. В них слышались умиротворение и ласка.

Стадо подошло к краю склона. Теперь до плато оставалось метра два отвесной стенки. Передние немного помедлили, поволновались и стали прыгать вниз.

Люди замерли. Спускались стельные важенки. Через две недели—отел. Животы у всех надутые, как шары.

Молодняк прыгал менее проворно. Молодые жались к самкам и следовали за ними.

Стадо с небольшими задержками одолело спуск и сгрудилось на небольшом пятачке. Предстояло самое ответственное—завести животных в корраль.

На Севере имеется несколько типов корралей. Самые основательные ставят на местах постоянных забойных пунктов. Это целые сооружения из заборов, в плане напоминающие раковину улитки.

Коррали для счета оленей полегче. В тех местах, где счет проводят постоянно, их строят из жердяных оград. На Ямале, на Гыданском полуострове, на Канине и Русском Севере—в европейской части Арктики распространены коррали из сетки, подобной той, которая идет на гамаки.

Здесь же корраль самодельный—из мешковины. Он

легок, его можно перевозить на любом транспорте. Его преимущество перед сетным заключается в том, что для оленей создается иллюзия неодолимой стенки.

Этот корраль в диаметре имеет метров пятьдесят. По кругу расставлены треноги из двухметровых жердей. Они устойчивы. К ним крепятся полотнища мешковины. Корраль для счета—огороженный круг с одним выходом.

Пастухи встали в две линии от входа, чем дальше от входа, тем шире. Пастухи, стоящие в цепочках,—приезжие. Здесь и Чельгат, и Иван Иванович Вантулян. Старики стоят ближе к входу. Молодежь—подальше.

Пастухи, пришедшие вместе со стадом, не уходят от него. То одна группа оленей, то другая отрывается от стада и устремляется прочь. Им наперерез кидаются люди. Вот когда видно, как умеют бегать здешние чукчи. Бег у них, кажется, ленивый, в развалку. Пастух бежит за оленями сравнительно не быстро, не глядя ставя ноги между высокими кочками, легко проходя по снежным надувам.

Очень мало в этом году снега. Во многих местах земля под его тоненьким слоем—торчат мхи и травы. Для оленей это неплохо: корм добывать легко, не надо копать многометровые толщи, чтобы добраться до ягеля и ветоши-сухих трав и кустарников. Пастухам приходится хуже: неровности не сглажены настом. Тяжело.

Пастухи преследуют оленей не спеша, с умыслом, чтобы не напугать животных, а то они убегут далеко. Пастухи бегут от животных на таком расстоянии, которое необходимо, чтобы звери не обращали внимания на людей. Олени пробегут немного и начинают останавливаться и поворачивать головы к стаду. Стадо притягивает их. Но возле стада видно слишком много людей. Животные не решаются идти обратно. Надо время для того, чтобы они преодолели страх и пришли в стадо. Пастухи выжидают, когда олени встанут, и тогда бегут во всю силу, забегают к оленям с внешней от стада стороны. Для них путь к побегу становится прегражденным. Выхода нет. И на колебания времени пастухи не оставляют. Они напирают на беглецов, а те мчатся к стаду.

Волнующаяся масса оленей все ближе и ближе поджимается к дороге в корраль. Передние мечутся по краю стада, останавливаются, глядя вперед.

Впереди виден вход в корраль. Там уже привязано несколько упряжных оленей. Это приманка. Вроде бояться нечего.

Самое главное для оленеводов сейчас — ввести большую часть стада между рядами пастухов, которые составляют живую изгородь.

Эти пастухи стараются скрыться от оленьих глаз. Они садятся на снег, низко сгибаясь, и даже ложатся, прчась за застругами.

Стадо, колеблясь, движется и движется ко входу. Оно миновало крайнюю засаду и идет понемногу вперед. Люди из засады тихонько поднимаются. Стадо оказывается в ограде, которую составляют люди! Теперь оно в их власти. Теперь дорога только вперед, только в корраль. Самый волнующий момент! Столько труда, столько усилий — и... успех! Стадо заходит в корраль.

К счету оленей все готово. Пастухи на своих местах образуют коридор, через который будут пропускать животных. В сторонке на нарте сидят главный зоотехник Анатолий Арсентьевич и его помощник — оленеводческий зоотехник Яша Чейвилькут. Возле одной из стенок корраля расположились женщины. У них, как положено, горит костер. Над костром висят объемистые чайники. В большом эмалированном тазу исходит паром вареная оленина. Можно начинать.

Стадо крутится против часовой стрелки. Массивный диск из полутора тысяч животных. Стадо движется в одном темпе, с одной скоростью, как патефонная пластинка. Мелодия исполняется однообразная — шорох оленьих копыт по снегу, глухой костяной стук сталкивающихся рогов да редкие голоса телят-одногодков — то ли хрип, то ли лай. В это время прошлогдние телята вспоминают детство — подают голос. Олени большую часть времени безгласны.

Сейчас главная задача людей — отделить стельных важенок от основного стада и пересчитать всех животных.

— Давай, — машет рукой бригадир, стоящий возле Анатолия Арсентьевича.

Пастухи в коррале начинают подавать голос и напирать на олений круг.

Несколько самок останавливаются, всматриваясь в просвет между стенками корраля. Они некоторое время колеблются, а потом устремляются наружу. Против выхода также поставлены ездовые олени — приманка для заключенных в коррале.

— Вот такие у нас олени, — улыбается нам бригадир, — сначала в корраль не хотят, а как войдут — назад не выгонишь.

— Пять!—говорит Анатолий Арсентьевич и заносит руку с карандашом над тетрадью.

— Пять,—подтверждает бригадир.

Пастухи уже опять покрикивают, и оленухи застывают в нерешительности возле выхода. Они, как и первые, бросаются наружу. Одна вдруг разворачивается на бегу и стремительными прыжками мчится обратно.

— Э-э-эй!—кричат пастухи возле входа. Они выскакивают наперерез, и важенка бросается в сторону.

— Вот глупая,—комментирует бригадир,—иди лучше в декрет, чем бегать.

— Четыре!—считает Анатолий Арсентьевич.

Новая партия готова вырваться наружу. Три оленухи выскакивают в коридор между людьми и несутся прочь. За ними вылетает телочка. Увязалась по привычке за матерью.

— Ах! Ах! Экей!—вырывается из двух десятков глоток.

Мгновение—беглянка делает несколько скачков и падает, как подрубленная. Чаат тугой петлей затянут на шее. Конец чаата в руках у Ивана Ивановича.

Чаат—аркан—Ивана Ивановича сделан по классическим канонам. Он сплетен из ремешков оленьей кожи в четыре пряди. На одном конце—медное кольцо. В этой части чаат толщиной с мизинец. Длина его метров пятнадцать—двадцать. Противоположный конец его потоньше. У Чельгата чаат такой же. У других, у парней, что помоложе, чааты разные. Есть из капроновой веревки—видно, лень плести. С традиционным чаатом действительно хлопот много. Надо со шкурой повозиться, нарезав ее безупречными полосами, плавно сужающимися по всей длине, затем полосы вытянуть в меру и идеально отскоблить ножом. Потом надо спину гнуть, сплестать аркан и в довершение отполировать его. Взять капроновую веревку проще. Впрочем, есть и чааты из лахтачьего ремня. Лахтачий ремень можно вырезать идеально круглым. В сечении лахтачьа шкура бывает более полутора сантиметров толщиной. Однако возни с ним не меньше: ножом выравнивать тридцать метров ремня—терпение надо иметь изрядное. Раньше такие ремни сюда поставляли береговые люди—коряки. Теперь совхоз покупает их в прибрежных хозяйствах.

Прошло совсем немного времени. Стадо кружит и кружит против движения солнца. Животные, поравнявшись с проходом, «вдавливаются» в общую массу.

Бригадир кричит своим что-то по-чукотски. Пастухи в корале начинают кричать сильнее и чаще. Вертящийся круг приближается к выходу.

— Пусть погреваются.— говорит бригадир.— Замерзнуть можно на такой легкой работе.

Возле выхода, с правой стороны, наперерез движению оленей выдвигается Чельгат. Старик слегка пригибается, приближаясь к краю стада, а потом выпрямляется и взмахивает кольцами чаата.

Крайние олени останавливаются и поворачивают вспять. Однако на них напирают идущие следом. Против самого выхода создается пробка. Наконец несколько оленей выскакивают, и пастухи встречают живогных мощными возгласами. Вместе с важками на свободу вырвались и однолетки. Взлетает первый, второй чаат. Два оленчика бьются на снегу. Кучка оленух несется по живому коридору. Лончак (бычок-первогодок) бежит вместе с ними в середине. Очередной чаат соскальзывает с его спины. Пастухи кричат что было мочи, не замечая своего крика. Кричит рядом с нами бригадир.

Лончак несется мимо последнего парня, нагнувшегося для броска и отведшего руку с чаатом за спину. Парень пропускает оленя, и рука его резко выбрасывается вперед и вверх. Петля пролетает вперед и цепляет рога лончака. Он падает на колени, вскакивает, бешено прыгая. Пастух, перебирая чаат, все ближе и ближе подходит к нему. Парень хватает его за рог и валит на землю. Так, держа его за рог, он и подволакивает нарушителя к корралю и снимает с него петлю. Олененок пулей врывается в стадо.

А Чельгат снова входит в корраль и становится поперек движения оленей. Опять в нерешительности останавливаются оленухи и устремляются наружу, теснимые другими. Эта группа пробегает сквозь строй ловцов, и снова на снегу остаются лежать прошлогодние телята, схваченные петлями чаатов.

Бригадир что-то кричит пастухам. Чельгат оборачивается и переспрашивает. Бригадир объясняет ему по-чукотски, а Анатолию Арсентьевичу — по-русски:

— Там есть один совсем больной, браковать надо.

— Бракуй,— разрешает Анатолий Арсентьевич.

Яша Чейвилкут устремляется к корралю. Он на бегу бросает реплику Чельгату, сматывая свой чаат в кольца.

— Вот что значит специалист из местных,— говорит нам Анатолий Арсентьевич.— Взял чаат и побежал, не то что я.

— Зато у тебя больше терпения бумажки писать,— поддразнивает его бригадир.

— Это точно,— с поддельным смирением соглашается Анатолий Арсентьевич.— Лучше гычгый сделать.

Бригадир заразительно смеется, утирая заслезившиеся глаза.

— А ты знаешь, как старики наши ведомости называют?! Бумажными гычгый-гыргыр.

От этого становится смешно и нам. И мы вспомнили сказку.

Куйкиннеку и его жена Митти выдумали все, что есть на земле. Они положили весь порядок, который теперь существует.

Куйкиннеку один раз сказал:

— Почему все умирают? И животные и люди. Пускай они всегда здесь живут.

Его жена Митти тогда ответила:

— Как это ты плохо придумал! Как могут все на этой земле жить? Если все все время будут только на этой земле жить, то скоро места на ней не останется. Пускай все сколько-то времени здесь живут, а потом пускай уходят вверх. Оставляют эту землю своим детям. Потом пускай обратно приходят, опять рождаются.

Куйкиннеку всегда неразумное придумывал и делал. А Митти только умное и хорошее. Однако Куйкиннеку иногда и хорошее делал.

Один раз сказал он людям:

— Сегодня маленькие рогульки из тальника готовьте. Много рогулек вам надо сделать. Завтра из этих рогулек вам много оленей будет.

Чукчи тогда сразу стали рогульки делать. Не разгибаясь они сидели, много-много рогулек сделали.

А коряки ответили:

— Мы не хотим. Не надо нам это.

Наутро у чукчей полно оленей стало. А у коряков нет ничего. Как жили на берегу, так и живут.

Когда нам рассказали эту сказку, то объяснили, что такое гычгый-гыргыр. Это связки одинаковых на первый взгляд рогулек из веточек. Рогульки эти невелики. У самых больших рога длиной со спичку. Потолще, правда, спички. Все они привязаны на оленьи жилки и связаны друг с другом. Этакий клубок из маленьких рогаток.

Для стариков в них таился глубокий смысл. Каждая рогулька означала определенного оленя. Не просто животного, оленя вообще, а конкретного оленя. Поэтому и рогульки были разные. Люди делали эти рогульки сразу же после рождения того или иного олененка. Люди видели только масть олененка, но они уже знали, каким тот будет. Большим или же средним, ездовым или производителем, а может быть, просто пойдет на откорм. Взглянув на каждую из них, почтенный старец и в наше время скажет, какому оленю она соответствует.

Гычгый—это вроде некоего документа на каждого животного. Однако этот документ был не просто деревяшкой. Эта деревяшка связывалась таинственны-

ми узами с каждым оленем. Если гычгый сломаешь, уверяли старики, олень умрет. Если потеряешь один гычгый, то потеряется и сам олень, которого эта деревяшка олицетворяет. Если потеряешь всю связку гычгый, то потеряешь все стадо.

— Какой глупый этот парень, сын моей сестры, Эттувье,—жаловалась нам старушка Млили,—своих гычгый-гыргыр отдал в музей в Петропавловск. Тут приезжал один человек из музея, старинные вещи собирал. Он и сказал глупому парню: «Отдай в музей эти гычгый. Зачем они тебе?» Парень и отдал. Я ему говорю: «Зачем ты гычгый отдаешь? Теперь у тебя олени пропадут».

Он мне отвечает: «Ты, мать, ничего не понимаешь». И правда. Теперь у него ни одного оленя не осталось.

— Причем же тут гычгый, бабушка?—перебила старуху девочка-школьница.—Наш Эттувье поехал учиться в Хабаровский сельскохозяйственный институт,—обратилась она к нам, заливаясь жгучим румянцем.—Он своих оленей, которые от родителей остались, роздал всем родственникам и друзьям. Он сказал: «Зачем мне они сейчас, когда я буду пять лет учиться? Пускай они лучше людям пользу приносят. От них приплод будет. За эти пять лет их вдвое больше стать может. Когда приеду, неужели мне никто из родни в праздник оленчика не подбросит? Подбросит!»

— Все равно вышло, как старые люди говорили. Все равно он сначала гычгый-гыргыр отдал, а потом у него оленей не стало.

Старики отпускали рогульке гычгый столько времени жизни, сколько жил сам олень. Когда оленя забивали или же его задирали волк, то гычгый-гыргыр сжигали. Люди считали, что этот олень, его душа, что ли, отправится к верхним людям и там найдет своего хозяина, ушедшего в иной мир, или хозяина его предков. Там олень найдет также стадо своих предков и разной родни, которая была отправлена в верхний мир.

Оленей пасут люди, а гычгый-гыргыр пасут особые существа. Это камешки. Камешки самой разнообразной формы. Если человек находил камешек, который его удивлял, то он знал, что это не простой камень, а сверхъестественный. Камешек знак подал о том, что он и сам не прост, и помочь этому человеку может. Помощь, естественно, предлагалась не задаром. Как и любой пастух, камешек—каменный идол—работал за одежду и за вкусную еду. Самую вкусную. Только за нежный олений осенний жир и за кровь.

Бывало, забросит кто-то на глубоком месте в реке снасть с простенькой блесной (загнутый гвоздь с

обрезком латунной гильзы), а на эту снасть чудом попадетя камень. Значит—это помощник нашелся. Найдется в рыбе ни с того ни с сего камень—тоже помощник. В оленьей требухе отыщется камень—и это помощник. Такие необыкновенные камешки брали с собой.

Возьмут всех этих «помощников», сошьют им человеческую одежду по размеру и привяжут к связке гычгый-гыргыр. Пусть пасут.

— Совсем этот стал как тракторист замасленный,—ворчала старуха Млили, демонстрируя нам идола—наследие покойного супруга.—Когда-то новенький был.

Кухлянка, плекты (обувь) на каменном помощнике действительно напоминали спецодежду механика-ремонтника. Кормили его, видно, усердно. Сало сочилось из амуниции. Всего на связке гычгый-гыргыр сотни три—стадо самой Млили и ее взрослых сыновей, оно охранялось всего тремя каменными помощниками. Рабочей силы на рогульки хватало с избытком.

— А, вот он,—проскрипела старушка, выпутывая рогатку из общего клубка.—Как я раньше его не выбросила?

— Зачем?

— Еще летом олень потерялся, не пришел, а я его до сих пор не отпустила.

Старуха отвязала рогульку, прямо с порога кинула рогатку и вернулась обратно.

— А если кто-нибудь найдет и подберет гычгый?

— Пускай,—махнула рукой Млили.—Все равно он пропал. Если кто найдет и убьет этого оленя, то лучше будет, чем без толку пропал.

Яша Чейвилькут добежал до входа в корраль и остановился возле него. Стадо совершало обычный оборот. Яша примерился и метнул чаат. Пастухи одобрительно зашумели. Яша откинулся всем телом, преодолевая сопротивление животного. Наконец из стада вырвался довольно крупный бык, припадавший на правую переднюю ногу. Он сопротивлялся недолго. Как только он оказался оторванным от стада, то покорно пошел за Чейвилькутом к месту, где сидели возле костра женщины. Там молодой парень подошел сбоку и резко кольнул быка длинным ножом прямо в бок.

Яша снял чаат с шеи уже мертвого животного и вернулся к нам. Над оленем захлопотали женщины. Разделять оленей—женская обязанность.

— Перерыв!—кричит бригадир.

Пожалуй, на свете есть немного удовольствий,

которые могут сравниться с питьем чая в тундре, да еще на хорошем морозе.

Пастухи пьют торопливо. Они берут по огромному куску мяса и мигом расправляются с ним. Чай пьют жидкий. Для Севера это удивительно и непривычно. Где бы мы ни были на Севере в других местах, везде чай заваривают черный, как деготь. На Таймыре, к примеру, чай наливают черный-пречерный. Чернее некуда. Хозяйка еще отстругнет от плитки кусок и положит дорогому гостю прямо в кружку. Тут уж торопись пей, а то чай разбухнет и напиток превратится в кашу.

Мы уж подумали было, что чай здесь потому такой, что пьют его походным порядком. Однако заблуждались—просто тут крепкий чай молодым людям не полагается. Молодым раньше и такого не давали. Хочешь пить—пей мясной отвар. Крепкий чай был достоянием исключительно стариков.

— Вот тоже,—ворчит Иван Иванович,—какая сейчас привычка пошла.—Сидят, сидят, когда едят или чай пьют. Надо быстро. Проглотил и пошел. Нам раньше сидеть и лежать не давали.

— Да,—скупое подтвердил Чельгат.

Парни энергичнее заработали челюстями, а потом один за другим отошли от костра, закурили.

— Надо теперь чаатом потаскать олешков. Сами уже не идут,—сказал бригадир.

— Пора,—подтвердил Чельгат.

Начиналась трудная работа. Сейчас же надо было из плотной массы вытаскивать чаатом только важенок и отгонять их.

К выходу пошли двое первых ловцов. Когда устали—уступят место другим.

Взлетел первый чаат, второй... Важенки сопротивлялись бешено. Глядя на резкие, мощные прыжки, трудновато было и подумать, что они должны через несколько дней произвести на свет детенышей.

— Вот упрямая,—ворчал бригадир.

— Держи! Держи! Ай-ай-ай!!!—раздавались громкие крики пастухов.

Целый табунчик однолеток вырвался на свободу и метался между людьми. Несколько наконец кинулось обратно. Два прорвались сквозь ряды ловцов, но их поймали чааты.

Так прошло еще два часа. И три... и четыре... и десять. За десять часов через свои руки пастухи пропустили полторы тысячи животных. По сто пятьдесят оленей в час. Каждую минуту, следуя строгому, точному расчету, по два с половиной оленя.

В северокамчатской тундре темнеет как в горах: только солнце село за гору—темно, хоть глаз коли. Сопки некоторое время вырисовываются на небосклоне четкими или размытыми контурами, а потом сливаются с ним. Звезды мерцают огромные и чистые. Тихо и свежо.

Мы смотрим кино. Один из чукчей—помощников тракториста является и кинемехаником по совместительству. Демонстрируется приключенческий фильм о первых днях Советской власти в Средней Азии.

Зрительным залом служит меховая палатка. К ней уже давно привыкли и называют сокращенно «мехпалатка». Произносят это слово так же, как «дом», «квартира», «вездеход». Здесь вообще быстро приживаются новые понятия. Например, раньше других в совхозе появился вездеход марки ГТС. Его называли и называют гэтэской. Потом привезли большой вездеход марки ГТТ. Его стали звать «большая гэтэска» не только люди, далекие от техники, но и все, кроме водителей.

Мехпалатка—несомненное благо при здешних условиях. С передвижным жилищем для оленеводов хлопот было много, они есть и сейчас. Задача создания легкого, современного жилья, которое можно было бы без особого труда переносить с места на место, бесспорно, не проста. Потребовались десятилетия для того, чтобы сконструировать и построить жилища для полярных исследователей. Начинали с полусферических палаток. Теперь уже есть комфортабельные домики, способные выдерживать низкие температуры, со всевозможными удобствами для их обитателей. Но опыт по созданию этих домиков для конструирования жилищ оленеводов смог пригодиться в весьма малой степени. Жилье арктических и антарктических исследователей стационарное. Оно ставится на место для долговременного пользования, перетаскивают его редко. А если и перетаскивают, то с помощью мощной техники. Эти жилища тяжелы.

Для оленеводов и промысловиков предлагались различные конструкции—различные постройки вроде юрт из синтетики, санные дома—балки—и тому подобное. Юрты из синтетики даже в условиях Севера оказались бесполезными. Они и тепла не держали, и удобств никаких не обеспечивали. Идея с синтетическими юртами на Севере умерла раньше, чем истрепались опытные образцы.

Передвижные санные домики проектировались из пластических материалов. Выглядели они необычайно красиво. Каждый может себе представить, как красоч-

но может быть оформлен вагончик из пластмасс. Однако и они негодились. Пластик в Арктике разрушается быстрее, чем в любой другой зоне. К тому же эти вагончики надо было перевозить не иначе как трактором. А трактором проще таскать деревянный домик, в котором и дышится легче, который и долговечнее. В тундре оленеводы уходят далеко. На сотни километров от поселков, от мест, где трактор можно заправить и починить. С собой на все лето или же на всю зиму горючее увезти невозможно. Да и расходы большие.

Оленеводство тем и ценно, что капиталовложений требует мало. Для любого другого скота надо по крайней мере корма заготавливать. Оленям заготовленных кормов не требуется. Сейчас расходы возросли: стали употреблять химикаты, отпугивающие кровососущих насекомых, проводят разные ветеринарные мероприятия. Это в сравнении с другими отраслями животноводства все равно требует меньше расходов. Это одна сторона дела.

Есть еще и другая. Когда летишь над тундрой, то видишь, что она становится все более и более обжитой. От каждого поселка, от некоторых становищ экспедиций тянутся во все стороны колеи. Тундра необычайно легко ранима. Растительный покров нежный. Проехался на вездеходе летом, перемесил мхи, травы и кустарнички, укоренившиеся столетиями, и получилась «рана». След трактора и вездехода очень быстро протаивает, заполняется водой, место это заболачивается. Тундра болеет надолго, если не навсегда. Поэтому все северяне, все, кому этот край дорог, говорят об этом с душевной болью. При промышленном освоении северных земель применение техники неизбежно и оправданно. Но даже и при этом стараются сохранить природу. Сколько уже есть экспедиций, которые отдадут предпочтение вертолету перед вездеходом и осуществляют пешие маршруты в местах, где было бы удобно ездить на гусеничном ходу! И совершенно неоправданно было бы уродование своей исконной земли теми, для кого она является родной.

Все это — аргументы против механического наземного транспорта в тундре и соответственно против такого жилья, которое без этого транспорта существовать не может.

Здесь, на севере Камчатки, пошли по пути создания жилья, которое легко перевозится на оленях. Так появилась меховая палатка.

Народу в палатке почти тридцать человек — своя

бригада да приезжие, но в ней просторно. На торцовой стенке экран. Возле противоположной стенки стрекочет киноаппарат.

Размеры палатки внушительные. Метров десять в длину, метров шесть в ширину и метра два с половиной в высоту. Каркас простой—опорные колья по углам, несколько стоек по осевой линии, привязанные специальными завязками к потолку. Железная печка. Пол устлан шкурами. Очень тепло, хотя на улице и мороз. Возле стен сложены спальные мешки всей бригады.

Пастухи покуривают, время от времени пьют чай. На экране «Белое солнце пустыни». Симпатии аудитории на стороне Сухова и его помощников. Молодежь, глядя на удалого и невозмутимого солдата, радостно восклицает: «Какомзй!». Но вот фильм закончился. Стали укладываться спать.

У нас своя палатка—парусиновая, штаб-квартира главного зоотехника.

— Может быть, к нам, Иван Иванович?— приглашаем мы.— Дальше расскажете...

— Давайте сегодня отдыхать.— предлагает старик.— Сегодня день тяжелый был. Завтра поедем в другую бригаду, по дороге и поговорим.

Наш дом ни в какое сравнение с покинутыми апартаментами не идет. Холодно. Тесно.

Тракторист Вася затапливает печку. Дров много. Топят здесь горелым кедрочом. Летом случаются пожары, которые обжигают кедровый стланик. Эти дровишки и рубятся легко, и горят как порох. Печка разгорается быстро. Ее бока скоро становятся малиновыми. В палатке уже можно снять и меховую куртку, и меховые штаны, и свитер, и валенки.

Все заваливаются в спальные мешки. Курят. Молчат.

— Как же ты, Вася, возле ручья застрял?— спрашивает Иван.

— Ты понимаешь,— начинает объяснять Вася,— еду, еду—все хорошо... Все с Келькутом куропаток высматривают. Увидели, я вышел и убил. Дальше поехали. Как стали устье проезжать, меня как дернет—и назад потащило. Я сразу по газам! Трактор аж дрожит. Назад смотреть не могу—у меня вместо заднего стекла глухая дощечка вставлена, тракторишко-то старый. Чувствую—вылезаю помаленьку. Вылез и пошел вперед. Однако сани как-то вбок заволакивает... Стал, вылез, смотрю—оковка у полоза завернулась и мешает ехать. Я назад пошел—посмотреть, откуда вылез... В самом устье ручья пролом получился. Там и воды нет. Просто лед вспучился, и я его

проломил санями. Как стал выбираться, оковку и оборвал. Она на полозе завернулась — теперь до гаража так и буду ехать. Там этот кусок отрежу и снова приварю...

— Что же ты не остановился сразу, когда проломился? Ты же знал, что там всегда мелко. Глубина не больше метра летом.

— Да я после Корфа никак не настроюсь. Как только начинаю проваливаться, так против воли газую.

— А чего в Корфе-то было?

— А в этом заливе с трактором проваливался.

— Как так?

— А вот так... Поехали мы тракторной колонной из порта на Корфе с разным грузом. Весна была. Однако по заливу еще ездили вовсю. И мыслей не было, чтобы опасаться... Я третий шел. Два первых проскочили через одно местечко, оно ничем особенным и не отличалось... Я иду себе и иду следом. Вдруг как завалился набок — и ничего уже понять не могу. Понял только, что падаю. Приземлился на дно. Хорошо, что на гусеницы. Вылез кое-как — и пробкой вверх. Полынью-то над собой хорошо видел... Вынырнул, а вокруг все наши стоят совещаются, кого за водолазом послать.

Ну тут меня вытащили кое-как. Один мужик даже сорвался в полынью от усердия, тоже искупался.

— Это тебя за это зовут трактористом-подводником? — спросил Анатолий Арсентьевич.

— За это... Только я после этого случая паниковать стал, когда на воде проваливаюсь.

— Пройдет, — утешил его Иван.

— Начинай ночевать! — на этот раз скомандовал Анатолий Арсентьевич. — Поехали!

Это надо было понимать как приказ отойти ко сну. В самом деле — спать пора. Завтра еще до рассвета уедем с гостеприимной реки Ачиханьваям на берега речки Акьякваям.

АЧИХАНЬВАЯМ — АКЯКВАЯМ

Спросонья и понять было невозможно, чем пахнет. Чем-то паленым. И не скажешь, кто первый крикнул: «Горим!»

Полыхала добрая четверть палатки в том углу, где была печь.

Мгновенно выбежали наружу и кое-как сбили пламя, «задушили» его снегом.

Палатка имела вид грустный. Клок выгорел такой, что без фундаментального ремонта в ней останавливаться и думать было нечего.

Наш тракторист-подводник Вася выглядел совсем виноватым.

— Хотел к утру подогреть, понимаешь, — оправдывался Вася, — а ветер вон куда повернул.

Вася, как выяснилось, под утро совсем закоченел в своем мешке и решил облегчить всем муки вставания. О том, как неприятно вылезать из теплого спального мешка на мороз, знает каждый, кто это испытал.

Вася от души подбросил дровишек в печку, и она раскалилась, как обычно, докрасна. А ветер переменялся. Ведь палатку и ставят всегда торцовой стороной против ветра. Тогда ветер и в дверь не задувает, и дым с искрами относит с палатки. Ветер здесь не постоянный. Меняется то и дело. Когда Вася раскопегарил печку, ветер стал сносить дым на палатку и она, естественно, загорелась.

Отъезд пришлось отложить до той поры, пока палатка не будет починена.

Вася наделал из гвоздей больших игл, мы расплели капроновый шнур на нитки и взялись за работу. В качестве заплатки употребили брезентовый чехол от Васиного же трактора.

Бригада перебиралась в другое стадо. Первыми отправились на упряжках Ятгиргин и несколько молодых, работавших на коррале.

Здесьние нарточки удивительны по легкости и изя-

шеству. Самая массивная деталь их не превышает толщины большого пальца. Ни одного прямого угла. Ни одной части, которая была бы перпендикулярна другой.

Полоз плавно закругляется и переходит в рейку, составляющую часть сиденья. Стойки—копылья—делаются в виде полуокружностей, а точнее, в виде несколько сплюснутых полуovalов. По форме копыльев такие нарты этнографы называют дугокопыльными.

Сиденье вырезается из нескольких тонких реек. Сзади на санках крепится изящная спинка, напоминающая изгибы знаменитой «венской мебели».

Никаких гвоздей чукчи не признают. Даже деревянных. Все части связываются между собой ремешками. В полозьях высверливаются хитроумные дырочки, куда протягивается ремешок, укрепленный на копыле. Ремешками скреплены все детали сиденья. Эта нарточка гнется, но не ломается.

На полозьях спереди укреплены ременные петли. Сквозь них продеваются постромки. Концы постромок закрепляются на кожаных лямках, которые надеваются на оленей. Оленей всегда два. Главный олень, которым управляют с помощью вожжей,—правый. Ездовые олени очень пугливы. Если подойти слева, то олени придут в смятение, не станут слушать каюра и могут даже сломать нарту.

Жизнь ездовых оленей нелегкая. Вот какую сказку рассказал об оленях Иван Иванович.

Говорили два оленя: один—простой из стада, а другой—ездовой олень. Простой олень говорит:

— Жалко мне тебя, ездовой олень. Как тебя хозяин мучает! Как тебя он душит и как тебя он гоняет!

— Ты лучше посмотри на свои копыта,—говорит ездовой олень,—они у тебя тупые совсем. Они у тебя стерлись от того, что ты все время роешь крепкий наст в большом стаде, из которого уйти не можешь. Когда ты побежишь, то у тебя сразу все в голове перемешается и ты ум потеряешь, а если упадешь, то тебя сразу хвостатый себе в рот положит. А мне, пускай хотя и ляжело учиться было, копыта острые. Я по льду могу бежать не оскользаясь. Это потому, что меня хозяин отдельно кормит на местах, где снег мягкий и где ягеля больше всего. У меня после учебы голова не кружится. Я долго бегать могу.

Такова сказка.

Ездовых действительно содержат на особом положении. Их, бывает, и отдельно прикармливают на лучших местах. Но все же и работать их заставляют невероятно много.

Отчаянные гонщики готовят своих оленей к ристалищам не менее половины года. Они их гоняют беспорывно. Олени в таком худом теле, что удивляешься тому железному духу, который они проявляют.

К слову сказать, здешние олени мало пригодны к транспортному использованию. Они, если так можно выразиться, мясо-шкурной породы. Эти олени быстро нагуливаются. Животные дают прекрасное мясо и шкуры, но спортсмены они никудышные. Во всяком случае сами чукчи отдают предпочтение в гонках лесным ламутским оленям или же каким-то другим.

После гонок олени часто оказываются загнанными. Их тогда с почестями отправляют в верхний мир. Мясо едят, хотя есть почти нечего — сухожилия, кости, твердые мышцы да кожа.

У ачайваамских чукчей имеется особое орудие для управления оленем, название которого звучит весьма романтически-нежно: «алеэль». Оно делается из рябиновых стволиков. На один конец его надевается квадратная или круглая пластина, или куб, или шар из моржовой кости, в некоторых случаях — из рога снежного барана. Они привязываются ремешком. Ремешок обматывает и место рукоятки. На противоположном конце — кенкль — костяной клювик непередаваемо совершенной формы. Он отдаленно напоминает фигурку петуха.

Груз и кенкль пастухи берегут постоянно. А рябиновые стволики возят с собой пучками. Здесь человеческая жизнь часто от оленьих ног зависит. А раньше зависела еще более.

Шить палатку на морозе — малое удовольствие. Руки быстро замерзают, пальцы скрючиваются, и ухватить даже грубую иглу бывает невозможно. Работа идет медленно. Почти все парни уехали со стойбища, а мы все корпим да корпим. Наконец сделаны последние стежки. В один угол вшита жестянка, чтобы оберегать ткань от горячей трубы. Можно и ехать. Попутчик у нас один — Иван Иванович Вантулян.

Трактор неспешно тянет тяжеленные сани, закрытые брезентом. Целый дом на санях едет. На шкурах лежать тепло и мягко. И мы просим Ивана Ивановича продолжить рассказ.

— Ну, а дальше что было, Иван Иванович, когда к вашему отцу Ахалькуту приехал русский, чтобы проводить перепись?

— Дальше другая жизнь пошла...

Русский был у Ахалькута на стойбище только один день. Он все время писал, совсем как амрыканкиси. Он показал Ахалькуту, где у него в бумаге оказался записанным сам Ахалькут, его жены, его сын Коян с двумя женами и четырьмя ребятами, где его дочь Айнат и ее муж сирота Кайматке и младший сын Вантулян.

Потом русские показали, где записаны олени и собаки, яранги и ружья.

— Зачем тебе все это надо? — наконец решился спросить Ахалькут.

Антоска важно перевел вопрос. Он же перевел ответ русского:

— Ты здесь кочуешь все время в тундре. Ты разводишь оленей и меняешь оленье мясо и шкуры на жир и шкуры морских зверей у береговых коряков. Ты отдаешь меха разных зверей заморским людям, которые платят за них очень мало. Они просто грабят вас, чаучу. Теперь новая власть — она сама будет с вами торговать. Для того чтобы знать, сколько тебе нужно товаров, я сюда и приехал. Я считаю людей: значит, теперь я знаю, сколько вам прислать чаю, муки, спичек. Я считаю оленей — это я знаю теперь, сколько ты можешь заплатить за товары.

Долго думал, опустив голову, чаучу Ахалькут.

— Ты скажи теперь, — обратился он опять, — оттого, что ты оленей пересчитал и людей пересчитал, какого-нибудь вреда от ваших русских духов нам не будет?

— У нас теперь нет никаких духов, — рассмеялся русский.

Ахалькут смеяться не стал. Он знал, что в нем самом сидит дух, который причиняет ужасную боль. Он и сейчас держится руками под кухлянкой за живот.

— Мечинки (хорошо), — через силу улыбнулся Ахалькут. — Еще приходи с товарами.

Боль все чаще и чаще приходила к чаучу Ахалькуту. Он просыпался и лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к тому, что было внутри тела.

Один раз он проснулся совсем мокрый, потный, каким бывал только мальчишкой, когда учился бегать. Он проснулся, но долго не мог понять — спит он или нет. Руки чувствовали нежный мех пыжика, из которого было сшито одеяло. Это был его полог, его яранга. Рядом слышалось дыхание его жены. Но перед глазами стояло какое-то странное мохнатое существо, не имеющее формы. Это существо не было похоже ни на человека, ни на собаку, ни на какого-либо зверя. У Ахалькута оставалось явственное ощущение живого и лохматого. «Кто это? — думал Ахалькут. — Это, наверное, келе (дух)... Наверное, он меня жрет... Иначе как бы я так его чувствовал... Наверное, он во мне внутренности ест, и поэтому я его не вижу, а только чувствую, что он лохматый...»

Чаучу Ахалькут долго лежал, прислушиваясь к затухающей боли. «Ушел пока келе. Поэтому болеть перестает. Это — келе, — уже без сомнения подумал он.

Так промучился он всю зиму. Наступила весна. Ахалькут поражался, глядя на свое тело. Он, лежа в пологе, выдыхал из себя воздух и принохивался к нему. Он явственно различал запах гниения, дыхание проклятого келе.

Проклятый столько изгрыз, что надежды на возвращение здоровья не оставалось. Ахалькут решился. Тянуть было больше нельзя. Не помогли два шамана, несколько раз приезжавшие к нему.

Ахалькут решился. Если терпеть дальше, то проклятый келе совсем сделает тело гнилым. Он там сам будет жить и детей своих в него приведет. Тогда себя нельзя будет отправить к верхним людям. Тогда себя нельзя будет положить на погребальный костер и ты не попадешь на дорогу в верхний мир. Тогда ты не возродишься вновь в младенце, вышедшем из чрева женщины. Ты тогда умрешь навсегда.

Если тело гнивало при жизни, обычай предписывал положить его на землю и закрыть камнями.

Иван Иванович объясняет:

— Такая вера была. Считали, что, если человек болеет, его келе едят. Если они его заедят до смерти и тело его станет гнилым, то жечь его нельзя. Тогда

вместе с душой этого человека в верхний мир, к верхним людям, попадут и келе. Они там будут терзать верхних людей, как терзали людей на земле. Души келе будут делать такое же с душами людей, как келе с самими людьми.

Иван Иванович женился не по правилам. По старому закону ему бы надо годика три поработать на своего тестя. Ахалькут не захотел, чтобы его младший сын уходил надолго в чужую семью. Тесть — Эттувы не стал настаивать на соблюдении закона.

— Ты сразу к ним иди,— объяснил он дочери.— Отец твоего мужа долго на этой земле оставаться не будет. Тогда я сам к вам жить приду... Только пускай он тебя украдет... Тогда люди не станут разное говорить, будто за тебя муж не работал...

— Мечинки (хорошо),— торопливо согласилась Кутевнаут.

— Мечинки,— согласился и Вантулян, когда Кутевнаут передала ему слова отца.

Он украл ее на весенней ярмарке. Подъехал к девушке на своей беговой упряжке, схватил ее, посадил на нарту и погнал оленей, держа невесту на коленях.

— Мэй,— закричал один из наиболее ретивых парней, вваливаясь в ярангу, где Эттувы сидел у праздничного костра,— твою дочь Вантулян увозит!

Старик неторопливо выпил кружку огненной воды, которую ему поднес его друг — хозяин яранги, и скорбно повесил голову:

— Вот какой пьяный стал... Уже дочь украли...

— Я догоню, мэй,— горячо сказал парень.

— Лучше раздели со мной мое горе,— предложил Эттувы, протягивая тому кружку с огненной водой.

А по старым правилам Иван Иванович Вантулян должен был бы года три работать в стадах будущего тестя Эттувы. Будущий тесть не давал бы спуска молодцу ни в чем. Жених и ел бы хуже всех, и с чаатом бегал бы больше всех, и помалкивал. Сколько ни работай, а последнее слово за стариком. Если не понравишься, то после трех лет каторги старик может отказать. Скажет: «Слабый этот парень. Плохой пастух и старших не уважает. С ним дети моей дочери всегда голодные будут. Он и дочь мою будет обижать. Он и оленей ее есть будет. Нет».

Это означало больше, чем оскорбление. После таких слов человеку можно было вообще остаться без жены, без семьи.

Если тебя заподозрят в том, что ты способен съесть оленей жены,— это гражданская смерть. У чукчей не было совместной собственности на оленей. В семье были олены главы — мужа и олены жены, которых ей дали с собой. И в совместной жизни чукча оставался пастухом оленей своей жены, хотя она и их дети жили за счет стада мужчины. Да и дети при жизни отца могли владеть только теми оленями, которых им дарили

родственники. Оленями отца они не владели. Олени отца переходили к ним, когда он сам это решал.

Олени жены должны были плодиться и множиться, но не убывать. Оленевод предпочитал потерять собственных оленей, чем жениных. Когда женщина уходила от него, то забирала своих оленей до последнего, несмотря на то что по чукотским законам ее собственные дети оставались в семье мужа.

Олени, олени, олени... Основа чукотской жизни. Только о них и слышишь, когда разговариваешь о прошлом. Даже если муж умирал, то женщину стремились оставить в семье мужа, отдав ее младшим братьям покойного. В этнографии этот обычай именуется левиратом.

Шел праздник молодого оленя—праздник родившихся телят.

Стадо Ахалькута вышло на отельные места. Надо было отделить важенок, умилюстить духов, чтобы они не унесли оленное счастье, и забить оленей для семей оленеводов. С оленями уходили только молодые мужчины. Старики и женщины оставались на рыбалке, на речке, где рыбы было особенно много.

Коян и Вантулян обегали все соседние стойбища, приглашая друзей на праздник. Потом и они будут помогать людям в трудной весенней работе.

Народу собралось много. Яранги поставили вокруг на ровном месте, и между ними сделали загородки из жердей и нарт.

Было еще совсем темно, когда сам старик Ахалькут повел белую собаку к восточной стороне от стойбища. Он вел белую собачку к месту, где еще с вечера положил обрезок нетолстого бревнышка и длинную ольховую палку.

Люди молча шли за старшим.

Ахалькут поставил собачку мордой на восток и сел на нее, придавил ее всем телом. Сын Коян подсунул ей под шею бревнышко и отошел к людям, стоявшим полукругом.

Все по-прежнему молчали. Только собачка коротко взвизгнула, но старик надавил ей рукой на затылок, прижав морду к бревну, и собачка затихла.

— Вальгиргин, отец всего живого,—заговорил Ахалькут запинаясь,—прошу тебя сохранить моих оленей и моих людей, которых эти олени кормят. Пусть эта моя любимая собака сторожит нас от духов, когда солнце уйдет с востока и пойдет своей дорогой.

Солнце как будто услышало слова чаучу. Оно показало свое ослепительное лицо из-за гряды сопок. И в тот же миг Ахалькут сунул нож под горло собаки. Он резко дернул нож вверх, подняв левую руку с собачьей головой навстречу светилу.

Старик тяжело встал и плохо слушающимися руками насадил на палку голову собаки. Больше сил не осталось.

Сын Коян поглубже засунул палку в голову собаки и направил морду точно на солнце, воткнув палку в глубокий снег.

Он присел возле собачьего тела и сделал то, что полагалось по старому закону. Коян разрезал собачью шкуру на спине от головы до хвоста, стянул ее по обе стороны надреза и сделал насечки поперек тушки, чтобы священным птицам, мудрым воронам, было легче получить пищу.

Иван Иванович Вантулян говорит:

— Ворон самым главным духам близкий. Посмотри,

как долго он живет. Вот сейчас приедем на место, где два ворона живут—их еще дед моего деда знал. Они живут—никогда друг другу не мешают. У каждой их семьи своя земля есть. Старики наши всегда знали, у каких воронов какая земля.

— А как они в поселке делятся?

— В поселке совсем другие вороны. Те только по помойкам живут. Все же и у них свое место есть. В тундру они никогда не полетят. Их настоящие вороны (квэлль) не пустят.

Пусть поселковые вороны и не принадлежат к «врановой аристократии», все же они приезжего с «материка» поражают. Во-первых, они строго знают свое место, то есть на одних и тех же местах по крайней мере ночуют. Во-вторых, «говорят» не на языке материковых воронов. Здесь не услышишь вульгарное «карр, карр» или же нечто похожее на «невермор», сказанное Эдгару По зловещим вороном. Столовыми их, правда, являются помойки, но помойки—это столовые и собак, и лошадей. На помойках собаки и лошади появляются здесь не потому, что не кормлены. Напротив, мы имели много случаев убедиться, что лошадей кормят отлично и именно лошадиным кормом—овсом, сеном и прочим, а собак—рыбой и мясом. Видно, шарить по помойкам для здешних собак—лишнее развлечение, а лошадок кроме этого влечет и услада гурманства—остатки соленого лосося или же вареной оленины.

Обычная картина на поселковой помойке: здесь мирно роятся три-четыре лошади, несколько собак и воронов. Лошадям наскучивает это место, и они отправляются колонной по одному к соседней помойке. Вороны взлетают и садятся на спины лошадей. Вид у них, когда они едут верхом, бывает такой же, как у бывалых гусаров, покидающих надоевший городишко. Собаки трусят сзади. И никогда не увидишь, чтобы собака посмотрела косо на птицу или же птица проявила недружелюбие к собаке.

Что же касается здешнего вороньего языка, то его можно сравнить разве что с воркованием. Идешь где-нибудь и слышишь над головой в очень приятной тональности, безукоризненно музыкальное: «Курлуарру, треузэрре!» Думаешь: «Что за райский голос?» Поднимаешь голову—пара воронов.

— Воронов нельзя обижать.—продолжает Иван Иванович.—Они людям помогают. Раньше, когда охотились на снежных баранов, вороны всегда показывали, где бараны лежат. Мы вдвоем с братом

Кояном тогда вместе ходили. Идем—смотрим: вороны над одним местом кружатся. Мы близко, напрямую к той сопке идем. Как близко подойдем, то вороны выше летать начинают, кружиться. Значит, бараны нас заметили. Тогда один остается и стоит, не двигается. А другой идет в обход—справа или слева, как удобнее. Если один неподвижно будет стоять, то другому совсем легко будет к баранам подобраться. Вон—Чельгат. Тот еще недавно так близко к баранам подбирался, что догонял барана, ножом убивал. Потом надо воронам все кишки баранов оставлять.

Очень вороны умные и сильные. Как-то один русский еще давно приехал на отел. Он тогда увидел, что ворон выклеживает глаза теленку, который еще рождается. Он говорит:

— Я его сейчас убью!

Ему люди говорят, не делай этого. Ворон может обидеться, тогда все стадо пропадет. Он клюет, наверное, потому, что мы ему никакой еды не дали, ничего не оставили от забитых оленей.

Он все же взял ружье и убил того ворона. Скоро прилетела туча воронов. Они всех важенок заклевали и всех телят. Только после этого улетели. Они так за своих мстят.

Оставив на совести Ивана Ивановича этот рассказ, мы приступили к выгрузке имущества.

Снова надо строить корраль, снова пастухам работа и работа.

А нам предстоит опять переезд в другую тундру—в Пахачинскую.

СРЕДНИЕ ПАХАЧИ

Поселок Средние Пахачи небольшой. Он стоит на горной речке Пахача, которая впадает прямо в Тихий океан.

Поселок чудесный. Домики новые, деревянные, из бруса. Обшиты фигурными досками и покрашены в самые веселые цвета. В поселке фундаментальная двухэтажная школа, прекрасная больница, один из самых лучших на Севере клубов — несколько залов, библиотека. Такой клуб мог бы сделать честь любому сельскому поселку и на «материке».

Дома отапливаются центральной котельной — никакой заботы с дровами. Никаких перебоев с электричеством. В домах имеется водопровод, канализация, ванны. Все как на «материке».

Только ходишь здесь не по земле, а по эстакадам. Весь поселок опутывают мостки на сваях. Построен он на мерзлоте, и летом место вокруг становится топким.

Шел март, и снег на мостках был кое-где заляпан кровью. «Ага,— подумалось,— значит, забой оленей проводят, мясо возят».

Оказалось — совсем не от оленьего мяса эти пятна, а от собачьей крови. Собаки бродят поодиночке и стаями. Ждут, когда их запрягут и заставят работать. Пока ждут — дерутся. К людям относятся с почтением.

К достоинствам Средних Пахачей надо прибавить и то, что это хозяйство, одно из лучших на Крайнем Севере по организации оленеводства, дает еще продукты, совсем не свойственные Северу: кур, яйца, молоко. И продукты эти очень дешевы.

Кормит поселок река Пахача. Травы здесь, в речной пойме, выше двух метров. Сено готовят для коров с избытком. Косят чукчи, русские — все, кто живет в поселке и хочет пить молоко. Косцы привязывают к поясам колокольца или разные железки, чтобы гремели. Медведей пугают. Медведей здесь больше, чем где-либо в России.

Каждый год по реке идут на нерест лососевые: кета, горбуша, нерка, чавыча, кижуч. Рыба побита о камни, чуть жива. Люди ее ловят. Рыбу режут, готовят юколу, сушат на вешалах, которые тут же и стоят. Женщины-чукчанки одним движением ножа отделяют голову, а другим разрезают рыбину от того места, где голова была,— шей-то у рыбы не найдешь— до самого хвоста. В таком виде рыбу и вешают на жердину. Она быстро высыхает, и ее складывают в мешки. Высококалорийное питание готово.

Рыбу, кроме того, солят в тузулке— в насыщенном солевом растворе, просто посыпая солью.

Ну а местным жителям кроме этого природа посылает еще и икру, ягоды— голубику, бруснику, морошку, шикшу, жимолость, чернику— и грибы. За два часа здесь можно набрать ведро ягод. Грибы за ценность не считаются. Чтобы ведро набрать, и получаса будет много.

— Говоришь, кто у меня прапрапрадед был?— задумался Володя Кергувье.— Не помню. Я только знаю, кто у меня прадед был.

— А кто знает?

— Это моя мать должна знать. Она сейчас шьет в яранге. Хочешь, пойдем поговорим. Заодно и нашу ярангу посмотрим.

Семейство Кергувье живет в современной квартире.

— А зачем ярангу держите?

— И дача, и мастерская. Сейчас тепло. Старикам в доме душно. Они и поставили ярангу, чтобы на свежем воздухе побыть. К тому же дома не станешь шкуры обрабатывать.

Обычно яранга считается мрачной и грязной. Любой дом можно превратить в мрачную и грязную берлогу, если хозяйка нерадива. Так же и с ярангой.

Яранга у Кергувье небольшая и аккуратная. Чтобы представить себе ее, надо очертить круг диаметром метров десять. Потом накрыть этот круг приплюснутой сферой, чтобы высота оказалась метров шесть— больше, чем потолки в современных квартирах. Это общая схема жилья. А более подробно так: ставится легкий и изящный каркас, который покрывается хорошо выделанными шкурами. По кругу расставляются треноги, к ним прикрепляются гибкие шесты, сходящиеся вверх, и подпираются центральными шестами. Центральных шестов— три.

Шкуры для рэтэм (покрышек) тщательно продублены и выкрашены отваром из ольховой коры в изысканный красновато-коричневый цвет. В этот цвет краси-

лись и одежды индейцев, и одежда наших чукчей. Но это еще не само жилище. Это чоттагын—холодная часть, где занимаются хозяйственными работами. Если сравнить ярангу с северными русскими жилищами, то чоттагын будет крытым двором, а сам дом ставится уже внутри его.

Человек живет в пологе. Точнее, спит и отдыхает в нем. Полог представляет собой параллелепипед, этакий вытянутый короб из самых лучших оленьих шкур. Наверху этот четырехугольный мешок держится на горизонтальной палке. Палка эта подперта снизу массивными шестами с рогатками на концах. Верх полога привязан к каркасу яранги. Этот короб, в котором может свободно разместиться человек десять, сшит из шкур шерстью внутрь. Передняя стенка его поднимается, и тогда он напоминает сцену в старинных театрах.

Под голову чукчи, как истинные спартанцы, клали общую подушку—бревнышко по всей длине полога. Одеждами служили сшитые нежнейшие шкуры пыжика—олененка.

В самый лютый мороз стоило двум людям залезть в полог и опустить переднюю стенку, как он от человеческого тепла нагревался так, что приходилось раздеваться догола. Женщины так и сидели в пологе в одних набедренных повязках. Надевали керкер (комбинезон), только покидая полог.

Мать Володи прилежно шила. Под центральной треногой тлел костерик, над ним остывал подвешенный чайник.

Володя поговорил с ней по-чукотски и объявил:

— Имя моего прапрадеда—Хилино.

— Спроси, кто у него были братья и сестры.

Володя перевел вопрос, выслушал ответ и сказал:

— Она не знает.

— Спроси, кто знает.

Старуха некоторое время задумчиво смотрела на меня, а потом что-то неторопливо сказала сыну.

Тог тоже подумал и обратился ко мне:

— Сейчас все поехали в личное стадо. Там все старики собрались. Мать не едет, потому что плохо себя чувствует. Может быть, поедем вместе?

Это было замечательное предложение. Старики обычно неохотно пускают чужих на свои праздники. Не то чтобы они относились к другим людям плохо. Просто они, как и все, предпочитают свои семейные дела решать без посторонних. А для этнографа заманчивее всего проникнуть в самое сокровенное. Ведь любой знает, что путешественник не много узнает о

других, если он будет только слоняться по улицам.

— А старики разрешат, Володя?

— Если мать предлагает, значит, разрешат.

На коррализацию личного стада и впрямь собрались все старики с фактории. Настроение у всех явно приподнятое, одежды самые новые.

— Пойди на ту сторону, за палаточный лагерь,— кивнул мне Володя.— Только внимательно под ноги смотри...

Я пошел в указанную сторону. Снега под ногами почти не осталось. Отдельные пласты, как слоеные пирожные, виселись на кочках. Метрах в двадцати от последней палатки на темном мху лежали два собачьих черепа с обломками полусгнивших палок, торчащими из них,— свидетели времен жизни чаучу Ахалькута и его сверстников. Я посмотрел на черепа и стал тихонько отходить назад, спиной, доставая одновременно из-за пазухи фотоаппарат. Так поднялся на твердый снежный пласт, оказавшись сразу высоко, и глянул в видоискатель.

Вечер был тихий-тихий. Тепло. Ветра нет. Искрятся только пласты снега здесь, в низине, где уже поставлен корраль.

Пригнали стадо, и оно замерло перед палатками. Мужчины бродят среди оленей. Все идут одинаковой походкой— вперевалку. Руки у всех за спиной. В руках чааты.

Самый высокий мужчина—бригадир личного стада—одет в яркую кухлянку с пышным воротником шоколадного цвета.

— Что это за мех?—спрашиваю у одной из женщин.

— Собака,—фыркнула она.

Мужчины все кружат и кружат по стаду. Потом они выходят из него. Пастухи разбегаются в разные стороны и начинают криками пугать животных. И вот доселе неподвижное стадо начинает волноваться. Группы оленей мчатся в одну, в другую сторону. Взлетают чааты, и работники тянут пойманных оленей к своим палаткам, где собрались родственники. Тащит своего оленя и Володя. Олешек прыгает, выгибая шею. Володе приходится прилагать все силы, чтобы одолеть его. Он наконец заводит зверя на снежную плиту, и олень останавливается. Чаат у Володи берет молодой парень. его родственник...

Большинство людей с удовольствием едят мясо, однако многие не желают знать, как оно достается. При этом все славят хлеборобов.

Для чукчей, как и для всех народов Севера, хлеб — это олень. Да и для всего человечества вообще сначала едой было мясо, а потом и хлеб.

Старая истина гласит: «Если хочешь знать, как живут эти люди, узнай, как и что они едят». Поэтому, чтобы узнать, как живут чукчи, надо знать, что они едят.

В Володиной палатке пиршество еще не началось, но собралось уже человек двадцать. На печке булькала кровяная похлебка — панга — основная еда пастухов. Уравнаут наколола маленькими кусочками замерзшую кровь и опустила их в воду, где уже варились корни сараны и черемша — дикий чеснок.

В отдельной кастрюле варится, а точнее, обваривается мясо. Чукчи говорят, что едят мясо не сырым, а обязательно вареным. Мы же смеем утверждать, что они едят его сырым, но подогретым в воде.

Старые женщины в углу энергично колотят ножами в деревянном корытце — рубят легкое. Самая стариковская еда — жевать не надо.

Наконец мясо «готово». Его также вываливают в корытце. У чукчей сейчас все есть — и тарелки, и фарфоровые блюда, и медные блюда, а корыта все в ходу. Традиция... А главное, видно, в том, что сырое мясо на фарфоре резать плохо.

Пожив в палатке у Володи, мы узнали традиционное меню чукотского оленевода.

Тыкычн — окорочные части, межреберные и плечевые мышцы — еда для всех. Парак — это икроножные мышцы, самые вкусные, едят все, но в основном пастухи во время тяжелых работ. Сухожилия называют по-разному, едят их всегда сырыми — возьмут конец в зубы и отрезают возле губ. Линглинг — сердце, исключительно сытная пища, которую должны есть взрослые мужчины. Панга — кровяная похлебка с сараной и черемшой, о которой уже шла речь. Сейчас пангой называют любую похлебку, в которую кладут и макароны, и крупы, и картошку, и консервы, и поэтому для обозначения кровяного супа с сараной говорят: «Настоящая панга». Вилкрил — жидкая каша из иссеченных хрящей с квашеной кровью и желудочным соком оленя. Кчимет — почки, едят только сырыми, лакомство. Понд — печень, столь же вкусна, как и почки. Эйнгэчн — селезенка. Глаза — детское лакомство. Рытчат — легкие, можно есть, мелко изрубив, что рекомендуются особам со слабыми зубами, а также можно обжарить кусками на костре. Рэлеиль — язык, варят и подают только самым любимым гостям. Ауый —

головной мозг, едят сырым, быстро восстанавливает силы. Комль — костный мозг, особо вкусная и калорийная пища; хранится в трубчатых костях, как в естественной упаковке, в прохладном месте. Мыткль — костный жир, который вытапливают из ребер (только холь), тазовых костей (нгонгын) и черепной коробки (тлеут); все кости варят в воде, после чего всплывший жир употребляют, как европейцы масло.

Итак, это все получают из оленя. А сколько блюд готовят из рыбы, которая может украсить любой стол! Из сушеной рыбы раньше и муку делали... А саму рыбу и квасили, и отдельно головки ели с икрой, и перемешивали свежую с иван-чаем и шикшой — ягодой для праздничного блюда. Ну и конечно, готовят юколу! Всего не перечислить. И ничего никогда не солили!

Уравнаут насыпает из горсти возле меня на низенький столик соль. Это только мне. Все остальные едят без нее. Я кладу в рог кусок мяса, и он оказывается чуть-чуть солоноватым. А ведь мясо не солили, когда оно варилось.

— Сейчас, весной, хорошо, — говорит Володя. — В табуне можно неделю жить без запаса еды. Я когда раньше пастушил вместе с отцом, то мы никогда весной с собой еды не брали. Хочешь есть — наберешь личинок кожных оводов — и сыт. Срежешь молодой рог — вот и второе. А когда важеньки растелятся, то всегда можно и молочка попить. Мальчику один раз напиться — как раз хватает молока одной важеньки.

— Ты приезжай как-нибудь летом. Мы тебя и сушеным мясом весеннего забоя угостим — колбками из мясной муки с костным жиром.

— Володя, а летом грибы едят?

— Нет, не едят почему-то. Мне грибы нравятся, а старики почему-то смеются, говорят, что это еда только для оленей.

— А что это за корешки, когорые твоя тетка в бульон сыплет?

— Это женщины у мышей отбирают. Наши женщины всю осень по тундре ходят, ищут их норы. Как найдут, раскопают немножко и берут часть, а сами им юколу и сушеное мясо оставляют. По-старинному говорят: «Мы с вами меняться пришли».

Было темно, когда встали все — и взрослые и малые. Уравнаут подала миску с кровяной похлебкой, ложки из рога горного барана и «колбасу» — рорат.

Позавтракав, мы уже до вечера есть не будем. Теперь весь день пойдет пастушеская работа — делить

стадо. Делят это стадо точно так же, как и то стадо, в котором мы оставили Ивана Ивановича Вантуляна.

Так же до вечерней зари будут взлетать чаагы, вытаскивая из корраля рвущихся животных, и так же вечером пастухи будут лежать в большой общей палатке, где киномеханик покажет очередной фильм.

Поэтому лучше снова вернуться к воспоминаниям Ивана Ивановича.

Огромное стадо Ахалькута и тех, кто соединил своих оленей с его оленями, разделили перед самым закатом.

Старый чаучу ждал, когда наступит мир и Светило увидет от глаз человека, чтобы черная собака закрыла своей кровью путь духам с востока и чтобы ее душа стала на страже хозяев и источника их жизни — стада.

И черная собачья голова на палке уставилась мертвыми глазами вслед Солнцу.

Духи, злые духи оказались не на западе и не на востоке. Они были на севере.

Старший брат Вантуляна и еще двое пошли в стадо к соседям, к чаучу Кевли, чтобы помочь им, как они помогли чаучу Ахалькуту. Утром прибежал один из них, Чельгат, гот самый Чельгат, который рассказал чаучу Ахалькуту, как Коян и еще другой пастух погибли под страшной осыпью. Осыпей в такое время никто не опасался. Их и не было в такое время никогда. Значит, духи взяли себе двух здоровых молодых мужчин.

Иван Иванович Вантулян с другом Чельгатом еще раз бегали потом на то место и своими глазами увидели, что любой человек был бессилён против могущества духов.

Ахалькут после этого дня почти перестал есть и стал совсем мало спать.

— Я уйду через два дня, — утверждал Ахалькут.

У Вантуляна тягостно жалось сердце. Он знал, что так для отца будет лучше. Он освободится от страданий. Он уйдет к своей родне вверх, куда-то в холодное место, где все не так, как на этой земле. Тот мир — все равно что отражение твоего лица в спокойной воде: правый глаз становится левым, а левый — правым. Когда здесь ночь, то в мире, где живут предки, — день. Когда здесь весна — там осень, когда зима — там лето. Все наоборот в том странном мире. Тут веселятся, когда человек уходит вверх, а там — плачут. Поэтому в том мире есть целые земли льда. «Отец должен скоро вернуться, — мысленно утешил себя Вантулян. — Моя чеккеу (сестра отца), когда приезжала и спала в нашей яранге, говорила, что старик скоро опять вернется на эту землю — он во сне говорит «нг-нг-нг-нг» совсем как ребенок. Значит, он скоро возродится».

— Меня проводишь ты, — сказал отец.

Вантулян вздрогнул. Это было уже страшно — лишить отца жизни собственными руками. Если бы это сделал кто-нибудь другой! Он ведь никого не убивал, кроме зверей и собственных оленей. Ведь есть люди, которые умеют «проводить» человека, решившего уйти в верхний мир. Они сами и веревку плетут из оленьих жил, и знают, куда нужно поставить петлю, как утвердить узел на затылке, чтобы тело перестало жить как можно быстрее... Нет, страшно душить своего отца... А может быть, отец сам приготовил себе нож? Некоторые, он знает, так и делают. Сами себе заранее делают нож с гонким лезвием, которого как раз достаточно, чтобы прогнать сердце.

— Ты меня проводишь копьём.

— Копьём?..

Колол же он оленей и никогда не промахивался. Его олени никогда не мучились... Копье он в руках держать умеет... Теперь нельзя показывать, что ты боишься. Значит—ты не чтишь отца... Когда твой отец решает—возражать нельзя... Это только молодых и здоровых стыдят, говорят, как вам не стыдно уходить от тех, кто ждет вашей помощи...

— Тебе пускай помогают чеккеу и маталь (тесть). Пускай все приедут из нашей синиткин (родни), чтобы посмотреть, как я уйду. Ты столько забей оленей для угощения и приготовь подарков, чтобы всем хватило. Чтобы никто не мог сказать, что Ахалькута проводили как бедняка.

Пускай со мной ни одного оленя не отправят. Я всю жизнь мог ходить сколько хотел. Мои ноги были быстрее оленьих и сильнее их. Я и с одним копьем мог догнать снежного барана, и с одним копьем меня боялись враги. Только копье положи со мной. Еще положи со мной лук. Мне его еще мой отец дал. Пусть со мной будет. Я еще с собой панцирь возьму—ты его не видел. Он костяной. Это старинный панцирь. Я его с собой возьму. Может быть, кто-то из наших предков забыл про него сказать. Я его отнесу. Он теперь вам, молодым, будет не нужен.

Посылай сегодня же людей за нашими близкими. Времени осталось мало. Пускай приезжают сразу же.

Решение было принято...

Людей собралось много. Чаучу Ахалькут сидел среди приехавших довольный. Глаза его блстели. На бескровном лице появился даже румянец. Еще вчера старик не мог и маленького кусочка проглотить. Даже воды он не пил и мучился, запрокидывая голову и ожидая, когда вода просочится через его сузившееся горло. Теперь старик и ел и пил, как в былые времена. Он шутил и смеялся.

— Оумэй,—поддразнивал он Эттувыи,—ты, говорят, стал сильнее огненной воды! Хорошо помогай меня провожать, оумэй,—смеялся Ахалькут.

— Помогу, помогу,—заверил его Эттувыи.

Гости ели много. Ахалькут сам распределил, кому дать какие подарки. Все получили по туше жирных оленей и по две тонких, нежных шкурки неблюя—полугодовалого теленка.

— Теперь, кмгн (сын),—произнес Ахалькут, и все примолкли.—я пойду. Теперь все остается на тебя. Теперь ты здесь самый главный, будешь заботиться о детях и стариках. Береги всегда оленей—от них наша жизнь. Все сделай, как я тебе говорил... Теперь бери копье, и я пойду.

Вантулян встал на подгибающиеся ноги и пошел наружу под взглядами всех присутствующих. Копье стояло у входа в ярангу, и Вантулян замешкался возле него.

— Что ты там делаешь?—раздался торопливый голос отца.—Давай скорее... Скорее, я не хочу ждать... Быстрее иди.

Вантулян вошел в ярангу как слепой. Он замер, не в силах подойти с копьем к Ахалькуту.

Сидевшие рядом раздвинулись, освобождая столько места, сколько надо для того, чтобы лечь человеку.

— Иди сюда,—услышал он голос отца как будто издали.

Он пошел. Глаза отца вели его к себе. Он подошел, и отец взял левой рукой копье за наконечник. Он приставил его к своей груди и сказал что-то короткое. Вантулян не понял смысла сказанного. Руки его сами напряглись и обыденным, привычным движением толкнули копье вперед и тут же выдернули его из немощной старческой руки.

Ахалькут сначала вздрогнул всем телом. Казалось, он подскочил на своей подстилке. Бережные руки его сестры и Эттувыи приняли тело, из которого стремительно уходила жизнь, и положили его на спину. Вантулян видел, как остановился взгляд отцовских глаз, как вскипела на губах кровавая пена и опала.

Женщина соединила ноги, а Эттувы корявыми пальцами натянул веки на выпуклые глаза.

— Ты молодец,— похвалил он Вантуляна.— Ты хороший сын. Ты и меня будешь провожать.

Все зашумели. Послышались смешки и в толпе, которая успела собраться у входа в ярангу.

— Хорошо пошел!

— Отмучился старик!

— Эй, молодой хозяин, иди, повеселимся!

— Иди веселись, сынок,— сказал с доброй улыбкой Эттувы.— Теперь мы и без тебя справимся.

Надо было идти веселиться. Таков закон. Надо радоваться за ушедшего из этого мира. Плакать могут только выжившие из ума старухи да грудные малыши, которые еще ничего не понимают.

Вантулян знал, что в верхнем мире все наоборот. Человек там делается иным. У него лицо становится на месте затылка.

Вантулян стоял и смотрел, как готовят в дорогу отца.

Старухи сели шить ему погребальную кухлянку. Эта кухлянка шьется, как и любая,— из новых белых хороших шкур.

— Хороший хозяин Ахалькут,— приговаривали старухи, прикидывая шкуры над остывшим телом.— Богатый хозяин. У него все свое до последней шерстинки, до последней жилки, которой мы сейчас шьем.

Старухи соблюдали закон. Только совсем неимущим людям можно дать чужие шкуры. И дают их не так, чтобы все знали, кто эту шкуру дал. Надо скрыть от верхних людей, что шкуры не принадлежат бедному человеку. Надо тайком принести все, что нужно для погребения, и подкинуть в ярангу, где он лежит. Иначе у него в верхнем мире предки— владельцы предков тех оленей, с которых содраны шкуры, отберут у пришельца одежду как не принадлежащую ему. Поэтому старухи всегда и говорят для верхних людей, что шьют они одежду из шкур с оленей покойника.

Молодежь снаружи горланила, гоня мяч—кожаный мешок, набитый волосом. Отчаянно визжали девушки. Они побеждали. Они долго держали мяч, не отдавая его парням. Те яростно нападали. Скоро на снегу катался живой клубок.

— Вот я пришел,— говорил кто-нибудь из вновь приезжих, заходя в ярангу.— Как хорошо ушел Ахалькут! Вот я принес ему в дорогу.

Приезжий клал рядом с покойником или плитку чая, или пачку табака.

Гора подарков росла. Завтра все они лягут с Ахалькутом вместе в погребальный костер.

— И как так старики решались на это,— голос Ивана Ивановича горестно дрогнул.— Все боялись, что не прокормятся, все боялись, что они обузой станут. Или у них всякие предрассудки ум мутили. Вот сейчас я сам старик, все мои сверстники постарели. А покончить с собой— даже дико кажется.

В яранге было светло и весело. Старики степенно пили чай, сидя возле покойника. Молодежь шумно играла в сорок девять палочек. Набор палочек переходил из рук в руки. Игроки подкидывали палочки на ладони и ловили их тыльной стороной руки. Счет вели вслух.

Руки у старух, шивших кухлянку, были перевязаны выше локтей травяными жгутами, чтобы загородить келе дорогу к туловищу.

Утро. Ездовые олени
Фото Г. Афанасьевой

У каждого свои нарты
Фото Г. Афанасьевой

◁ Последние приготовления.
Скоро опять в дорогу
Фото Ю. Симченко

В тундру пришла весна
Фото Н. Крючкова

Летние мужские торбасы.
В воде они не промокают
Фото Г. Афанасьевой

Работа в коррале. Ловить оленей чаатом — искусство!
Фото Ю. Симченко

Детский комбинезон теплый и удобный»
Фото Г. Афанасьевой

Все женщины любят принарядиться к празднику.
Эту кухлянку сшили своими руками
Фото Г. Афанасьевой

Наступил главный оленеводческий праздник выльгынкоранмат.
Женщины готовятся к встрече мужчин и стада
Фото В. Лебедева

Гычгый—связка семейных амулетов. Деревянные дощечки—
фигурки людей. Это охранители семьи и оленей. Внизу—три палочки
и кусок оленьего рога с ремнем. Ими добывали праздничный огонь
Слева «кэнэп»—ритуальный посох оленевода. С левого края—
мешок, где хранятся инструменты для добывания огня

Фото В. Лебедева

У забитого оленя

Фото В. Лебедева

Разделяют оленя в строгой последовательности
Фото *В. Лебедева*

Перед началом весенней коррализации много работы
Фото *В. Лебедева*

Снова в дорогу
Фото *В. Лебедева*

Дети играют в оленеводов. Взрослый пастух может поймать
нужного оленя за любой рог. Учатся этому с детства

Фото *Г. Афанасьевой*

Ночь шла быстро.

Еще затемно покойника одели в новую одежду. Капюшон закрыл лицо — в верхнем мире лицо перевернется на другую сторону головы. Пора было попрощаться.

Люди встали друг за другом и стали перешагивать через покойного. Каждый делал шаг и как бы отталкивался ногой от него. Они отстранялись от него.

Задний нюк — покрывку яранги — подняли и старика протасили под ним. Теперь можно было класть его на нарты. У Ахалькута были особые нарты, которые можно было бы поставить в погребальный костер. Они негодились. Старик решил идти пешком, без оленей. Поэтому его положили на простые нарты, которые жечь не будут.

Процессия двинулась на высокую сопку, выдавшую уже много погребальных костров. Ее склоны густо поросли стлаником.

Для костра уложили большой горкой ветки стланика: по внешнему краю — толстые, в середине — потоньше. Рядом сложили горку поменьше.

Ахалькута положили на самый верх большой горки и отошли. Тогда к нему приблизились те самые старухи, которые шли погребальную кухлянку. Они шли так, как ходят вороны. Старухи и каркали по-вороньи. Одна из них взобралась на горку веток и припала к покойнику. Старуха каркала беспрерывно. Ее рука со спрятанным в рукаве ножом скользнула под кухлянку Ахалькута.

Старуха говорила земным и верхним людям своим карканьем:

— Это ворона проклевала ему живот. Это клюв вороний, а не нож сделал эти отверстия. Это ворона перебила ему сухожилия. Это вороний клюв, а не нож.

С карканьем она сошла с горки и присоединилась к остальным людям.

Настала очередь мужчин. Они разожгли маленький костер. Он горел весело, разбрасывая пламя на свежем ветру. Мужчины зажгли от него факелы — ольховые палки с метелками стланика — и сунули их в большой костер.

Пламя занималось медленно. Оно сначала ушло куда-то внутрь, Старина Эттувыи тогда приблизился к костру и сказал Ахалькуту:

— Ну чего ты ждешь? Почему не идешь? Мы все сделали, как ты велел. Иди...

Тут и взметнулось откуда-то из середины пламя. Оно разом залило весь костер и высветило неподвижное тело внутри.

Старики стояли рядом с костром, и отблеск пламени метался по лицам, делая еще более глубокими их морщины и уже глаза.

Молодежь с шумом и криком прыгала через ветки из стланика. На краю площадки двое боролись в кругу зрителей. Самое время сейчас отомстить борьбой за давнишнюю обиду!

Старина Ахалькут уже шел панэналь'эттын (дорогой к предкам). Он бежал легко по дороге прямо вверх. Вот, наверное, он дошел до того места, где живут собаки верхнего мира. Сейчас самый главный собачий предводитель будет спрашивать у своих, что они знают об этом человеке. Если найдется хотя бы одна обиженная, которую этот человек искалечил или же убил ни за что, то ему придется плохо. Если он просто издевался над собаками, бил их или же не кормил их, то главный собачий предводитель скажет:

— Эй, те, которых он обижал! Сделайте с ним то же самое, что он с вами делал.

Тогда собаки начнут кусать и пугать этого человека.

Если он на той земле убивал собак для своего развлечения или по злобе, то предводитель крикнет:

— Загрызьте его!

И этот человек никогда не дойдет до своих родичей в верхнем мире. И никогда он не возродится.

Хороший человек пройдет спокойно. Наоборот, собаки приласкаются к нему. А собаки—существа особенные. Они чувствуют келе. Келе их боятся. Старые люди всегда, когда собака во сне прядет ушами, говорили ей, спящей: «Хорошенько высматривай келе. Не пускай их к нам».

Недаром, если собака во сне беспокоится, значит, видит келе, ее отправляют в верхний мир с почетом, а под ее кишками проходит вся семья, чтобы келе не пристали. Недаром когда келе начинает есть у человека какой-нибудь орган, то к месту, где он находится, прикладывают тот же орган собаки.

Ахалькут пройдет мимо собак. Он всегда любил их. Его собаки всегда были сыты. Его собаки всегда защищали своего хозяина и от медведя-шатуна, и от разных духов. Только вот от последнего келе защитить не смогли.

Он пойдет и приблизится к тому месту, где уже ходят верхние люди. Их много. Только он не будет сразу знать, где родня. Ведь он сам, родившись, многих стариков не видел, а многих и забыл.

Он их узнает особенным путем. Все, к кому он будет подходить, предложат пожевать ему серы. Если он сможет взять их серу в рот, то это значит—пришел к своим. Надо будет только вспомнить тех предков, которых знал. Ему и самому в дорогу дали с собой маленький мешочек с серой—вареной смолой стланика. Когда к нему будут отсюда приходить люди, он сам будет предлагать им серы и узнавать своих, пока еще не родившихся, родичей.

Все. Пришел. Теперь он сам должен позаботиться о том, чтобы поскорее вернуться обратно.

Чукчи говорят: «Куйкиннеку¹ келе наделал, когда Митти¹ спала».

Иван Иванович:

— Раньше думали, что болезни—это келе. Келе поедают людей так же, как и люди едят оленей. У этих самых келе, как верили старики, есть свои олени.

Старик Чавэйпин как-то мне рассказывал: «Я из стада шел. Шел в темноте. Вдруг я ярангу увидел. Там огонь горел. Я сразу понял, что это яранга келе. Рядом с ним его сын играл. У келе все лицо волосами заросло. В пологе у него человеческая голова висела.

Я наломал ольховых прутьев, связал их травой и стал размахивать этим веником перед входом. Ребенок вскрикнул, упал и умер.

Келе тогда говорит: «Это Чавэйпин пришел. Надо мне кочевать».

Приставил руку ко рту, дохнул, и поднялась сильная пурга. Я схватился даже за куст, чтобы удержаться. Потом, когда пошел, все время за собой ольхой мел, чтобы келе за мной не увязались».

Видели, у многих старых мужчин на поясе связки палочек есть? Это эйлюч—охранители. Жена такого мужчины, когда спит, во сне их видит. Просто ей приснится, какой формы должны эйлюч быть. Она

¹ Основные образы чукотской мифологии.

просыпается и говорит мужу: «Вот так делай». Потом ему эйлоч на ремешки привязывает, и он их на поясе носит.

Чавэйпин совсем старый был, а я — молодой.

Костер прогорел. Только красные угольки остались на каменной площадке. Завтра можно прийти и посмотреть, что не сгорело. Не горит у человека большое место. Так можно узнать, от чего страдал чаучу Ахалькут.

Кострище старики быстро обложили ольховыми ветками. Если сюда и слетелись келе, то они из этого круга за людьми не уйдут.

Взяли люди себе на счастье по щепотке травы с этого места.

Люди пошли к склону. На их пути стояли женщины с ветками ольхи. Ими они отряхивали грудь и спину каждого. Дальше опять стояли женщины с ольховыми ветками — как сквозь ворота пропускали.

Сейчас самое время для келе прилететь, посмотреть, здесь ли покойник. Надо от них отделаться.

— Ну, пошли, — сказала одна из старух, что обряжала Ахалькута.

Люди тронулись цепочкой вниз, стараясь идти одной тропой, одним следом. Старуха пошла последней. Она совсем немного прошагала сзади, а потом обогнала всех и установила на дороге два камня.

Люди прошли сначала между этими камнями, а потом вокруг них — окружили прямой след кольцом следов. Теперь келе должны сбиться со следа. Им не понять, куда делись люди. Камни для них — отвесные скалы. Следы — непонятная дорога.

Подошла к той и другая старуха-ворон. Эта привела собаку. С одного удара ножа собака упала мертвой. Ее положили головой в ту сторону, откуда пришли. Ее-то келе испугается. Старуха погладила ее по холодеющим подушечкам лап и сказала:

— У тебя лапы шершавые. Не скользи по льду, когда келе погонишь.

Осталась лежать белая собака. Теперь нужно только возле яранги очиститься водой и огнем.

Только подошли к яранге люди — им женщины уже воду вынесли. Каждый вымыл лицо, руки и прополоскал рот. Потом у входа положили горящую головешку. Каждый через нее перешагнул.

Теперь все.

Мы возвратились в Средние Пахачи.

Ночью прибежал парнишка из поселка и сказал, что умерла старуха. Я видел эту старую женщину. Нескольким раз она выходила греться на солнце.

— Что теперь делать будем? — задумчиво спросил меня Володя. — Надо будет несколько раз упряжку гонять. Все равно всех сразу на тех собаках, что есть, не увезти.

Возле корраля было несколько упряжек, на которых привезли старых и малых из разных семей. За один рейс всех увезти было немислимо.

Собаки, привязанные за палатками, как будто понимали, что предстоит тяжелая работа. Они тихонько поскуливали и взлаивали, глядя на людей. Ждали своей работы и длинные собачьи нарты с полукруглой дугой

впереди. Нарты были у всех совершенно одинаковыми. Их ставили вертикально возле деревьев, к которым привязывали собак. Сбрую — длинный ремень-потяг с прикрепленными по бокам алыками — ременными шлейками, надеваемыми на собак, вешали на этих же деревьях.

Всего двенадцать упряжек. Конечно, всех не увезут за один прием. Здесь народу хватит рейсов на сорок. Да еще надо и мясо увезти, и шкуры, и палатки.

— Давай-ка я пешком пойду, — предложил я Володе.

Он выдержал паузу, ровно такую, чтобы соблюсти приличие и не выразить удовлетворения от такого решения гостя.

— Правильно решил, — сказал он, — можно не спеша идти. Дорога хорошая. Парень ночью легко прибежал.

Я смотрел, как старый Кайматке заводил животных в загон. Он один неторопливо гнал важенок и прошлогодних телят ко входу, возле которого сидели и лежали пастухи.

Кайматке покрикивал особым голосом, кидал вверх чаат и неуклонно шаг за шагом прижимал оленей к корралю.

Вошла «головка» стада, пастухи с обеих сторон побежали, отрезав оленям путь назад, — и стадо в загоне.

Опять началась обычная работа. С тем же упорством, с каким олени не хотят идти в загон, животные не желают расставаться с сородичами. Пастухи силой, с большим напряжением тянут на чаатах сильных оленух. Женщины сзади подгоняют их, хлещут их прутиками. И с мужчин, и с женщин пот течет ручьями.

Старый Кайматке перехватывает оленуху за рога, каким-то особым образом поворачивает ей шею, и важенка мчится вприпрыжку ко входу в корраль. Вместе с нею такими же прыжками мчится и Кайматке, которому за шестьдесят лет — он уже три года на пенсии. Возле выхода старик отпускает животное, и оно мчится прочь, высоко поднимая ноги.

Сегодня у всех пастухов-оленьевладельцев, как четки, свисают с запястий связки разноцветных пластмассовых пуговиц.

— Зачем пуговицы, Володя?

— Метки на телятах будем ставить.

— Как это?

— В уши будем продевать на капроновой нитке.

— Разве сейчас у вас меток нет для оленей?

— Видишь ли, есть старинные. По ним хозяина не определишь.

— А что же по ним определишь?

— Определишь, какая мать у какого оленя.

Володя сорвался с места и кинул чаат в самую гушу телят, выдернув оттуда своего олененка. Он повалил его и крикнул брату Саше. Саша подбежал и навалился на теленка сверху, прижимая ему голову к земле. Володя проколол бычку ухо иголкой с толстой капроновой леской и буквально пришил к уху красненькую кругленькую пуговку.

— Так какие же метки были раньше? — спросил я Володю, когда он, тяжело дыша, возвратился на старое место у стенки корраля.

— У нас делали метки на ушах. Перегибали ухо сверху или снизу и вырезали ножом уголок. Также отрезали кончики ушей. Можно только одну метку поставить сверху, можно — две сверху, можно две сверху, а одну — снизу. Понимаешь? Очень много комбинаций получается.

Я прикинул. Действительно, если использовать не более трех вырезов на каждой кромке оленьего уха — сверху и снизу — и еще в качестве знака обрезать кончик уха, то можно составить несколько тысяч комбинаций.

— Очень много комбинаций можно получить, Володя. Как же их употребляли?

— У нас есть один закон: каждый олень получает знак своей матери.

— Ну и что?

— А то, что у одного хозяина будут олени с разными ушными метками, и у другого хозяина будут олени с теми же ушными метками. Ведь у нас оленей и дарили, и продавали, и меняли, и в наследство они разным людям попадали... По этим меткам хозяина не определишь.

Старый Кайматке безапелляционно говорит:

— У нас всегда самый главный старик всем стадом владел. Когда он старел, то говорил своим сыновьям: «Теперь я старый, теперь вы оленей делите, как хотите, а меня вы сами будете кормить».

Все правильно излагал старик Кайматке. Но он же при этом сообщал:

— У нас раньше было, что богатые хозяева все стадо ставили как приз на гонках. Бывало — все проигрывали. Стадо к другому переходило, и все люди — пастухи и даже их сыновья — тогда к этому человеку жить переходили. Это ему почет был тогда, если он стадо ставил на гонках и его проигрывал.

— Как это? Ни с того ни с сего ставил на гонках все свое стадо и проигрывал?

— Ну не просто так. Если от человека оленное счастье уходило...

Вот оно что! «Оленное счастье»! Значит, любой человек не был всевластен над собственным имуществом. Значит, если от него уходило «оленное счастье», то есть беды преследовали его стадо и оно уменьшалось, то его надо было передать другому, к которому души более милостивы, а может быть, у которого и ума побольше. Так велела воля народная. Значит, не было уж такой власти беспредельной у чукчей над своей собственностью. Ну а гонки—это жребий, это испытание судьбы.

Надо идти на фабрику.

— Иди по собачьему следу,—советует Володя.— Сюда вчера собаки самым коротким путем прибежали. Ты по следу и иди.

Дорога сначала вела через небольшое плато. Снег «спаялся» под теплыми лучами солнца и стал крепок, как стекло. Идешь словно по асфальту. Потом вышел на собачий след. И вот тут-то ждало самое плохое—наст под ногами стал ломаться. Ступишь неловко—по пояс. Встанешь, пройдешь несколько шагов—снова проваливаешься. Собаки—те легонькие. Да и парнишка, который ночью прибежал, также сухой. А меня наст не держит.

Дорога в двадцать километров заняла шестнадцать часов.

Старая женщина умерла ночью. Сейчас с ее половины раздавались громкие взрывы хохота.

Я взял пачку чая, пачку сигарет и пошел отдавать приношения—обычай!

Возле покойной, которая лежала на полу среди комнаты, сидели старички старше шестидесяти. Они успели приехать, пока я шествовал по собачьему следу самой короткой дорогой.

Старички вспоминали что-то веселое.

Мою красивую сумочку с чаем и табаком тотчас же развязали и передали чай на кухню—по принадлежности, а сигареты положили отдельно.

— Когда хоронить?—спросил я у ее формального мужа—молодого красавца, известного бригадира оленеводов Юры Нутескина. Юре старуха досталась согласно левирату. Она была женой покойного старшего брата.

— Наверное, послезавтра.—Юра элегантно стряхнул пепел с дорогой болгарской сигареты (он только что возвратился из Болгарии—посылали отдыхать как

лучшего оленевода).—Еще не вся ее родня приехала.

— Пойдем к нам,—предложил я Юре.

— Пойдем,—согласился он.

Мы сидели, пили чай.

— Ты чего, так никогда женат и не был больше?—спросил я его.

— Почему?—улыбнулся Юра.—Мне эту старуху записали, когда я еще только школу кончил. Родня навалилась, говорят, нельзя старый закон нарушать. Как ты бросишь свою жену?.. Ну я и согласился. Ладно, пускай ее за мной запишут... Ну а у меня сын есть в другом месте. Не слыхал?

Я, конечно, слыхал об этом.

— Эта старуха ко мне без детей перешла. Вроде бы на иждивение... Я, конечно, дурака сваял. Очень старшего брата любил и хотел показать, что не брошу его вдову... Ерунда, конечно...

— Юра, а старшие братья как обращались с женами младших?

— Никак... Старшие на них и смотреть не могли.

— И после их смерти?

— Неважно, при жизни ли или же после смерти—не могли старшие даже думать о младших.

Мне стало ясно—человеческое немногочисленное общество заботилось о восполнении слабого и небольшого коллектива.

Мужчины всегда чаще гибнут. Получается—чем больше живет мужчина, тем меньше у него остается брачных партнеров. Под старость—совсем мало. Наоборот, чем старше женщина, тем она обеспеченней брачными партнерами. Если у нее умирает один муж, то тут же появляется другой. Женщина и материально остается обеспеченной, и может продолжить род. А для рода было очень важно, чтобы он продолжался.

Для покойницы шили одежду ночью. Шкуры были выделаны заранее, выкроены. Женщины делали стежки редкие, слабые. Они сметывали одежду, что называется, на живую нитку.

— Почему так?—спросил я у Юры.

— Так ее же провожают к верхним людям. Там же все наоборот.

— Верно, верно. Как я и сам не догадался? У верхних людей все наоборот.

— Если кухлянку сшить слабо и без узлов.—поясняет Володя Кергувье,—то она, как старики верят, будет носиться в верхнем мире долго, будет прочной.

Разбудили меня потом часу в шестом. Проводы.

Одежда была готова, и старуху обряжали. Я пришел к тому времени, когда одевали кухлянку, капюшоном

на лицо. Женщины, которые возились со старухой, держали во рту пучки травы—заткнули себе рот на всякий случай. Руки их также были перевязаны выше локтей травяными веревками.

Все, что с покойником связано, у всех, пожалуй, соблюдается более или менее строго. Как бы человек ни был цивилизован, а все кажется, что с покойными и самим покойнее обращаться по старинке.

Когда старуха была одета, то на нее положили камешек и палочки, связанные крестиком.

— Зачем?—спросил я Володю Кергутье.

— Сам не знаю,—ответил он.—Только так всегда делают.

— Ну, пошли,—сказала одна из женщин, поднимаясь с корточек.

— Пошли!—отозвалось несколько голосов.

Люди один за другим, поочередно перешагнули через старухины ноги, ударив по ним пяткой, и «хоркали» по-оленьему.

Хитрые люди! Вдруг старухе захочется позвать с собой кого-либо из присутствующих! Надо ей показать, что здесь нет людей. Мы не люди. Мы—олени.

Вышли на улицу.

Погребальные нарты готовы. Обычные изящные женские нарты. Очень похожи на те, что используют для гонок.

Старуху положили ногами вперед—совсем похристиански. Над ее головой повесили ее нож в ножнах, кружку, мешочек с жиром, кусочками меха, тряпочками. принадлежностями для шитья... Что еще надо женщине, прожившей почти весь век в непрерывном кочевье?

Володя впрягся в лямку, другие взялись за вертикальную дугу, и мы все тронулись на восток. Только на восток можно везти покойника к погребальному костру.

Идти предстояло два километра.

Вдруг к процессии кинулась, было, собака. Тотчас в нее полетела палка, и собака убралась визжа.

— Чего так строго?—спросил я у Володи.

— Старое поверье,—пояснил он.—У нас всегда всех собак привязывают, как только появится покойник. Старики так говорят: «Когда-то умер один человек. Покойник лежал, уже собранный в дорогу. В это время отвязанные собаки сцепились и стали драться. Никто не мог их разнять. Они налетели на покойника, и он встал.

Все люди в страхе разбежались. Остался только один парень у очага, который не успел завязать ремни

на обуви и поэтому никак не мог убежать. Он был очень хороший бегун.

Покойник подошел и говорит: «Давай с тобой померяемся силами, давай посостязаемся в беге». — «Давай». — говорит парень.

Побежал он что было сил. Чувствует — покойник все время сзади неотступно держится. Все время парень боится, что покойник схватит его.

Уже была поздняя осень, и парень увидел медвежью берлогу. Прямо в нее вбежал парень. Там была медведица. Медведица спросила его: «Чего ты испугался?» Парень объяснил: «Покойник за мной гонится». — «Ничего не бойся, — говорит она. — Я тебя от него спасу».

В это время подбежал покойник прямо к берлоге. Выскочила медведица и изорвала его на куски.

Но куски тела мертвого сползлись, опять он целый стал. Вновь его тогда схватила медведица и изодрала всего на еще более мелкие куски. Снова слепились куски, и снова стал покойник целый. В третий раз медведица изодрала на мелкие куски покойника и стала кусочки глотать. Когда съела всего, то он уже не встал.

Тогда медведица говорит парню: «Ложись отдыхай, а завтра пойдешь к себе».

Лег тот отдыхать, проснулся — снег уже тает. Это он полгода пролежал в берлоге. Только тогда он домой пошел.

Яша Чейвилькут рассказывал, что раньше черепа убитых медведей держали в ярангах. В яранге его матери и до сих пор возле полога лежит старый медвежий череп. Мать считает, что он уводит покойников, если они лезут незаметно в ярангу.

Чукчей и ненцев разделяет целый мир — Таймыр, вся Северная Якутия, а и те и другие верят в то, что медведь оберегает от покойников. Ненцы даже на поясе носят медвежий зуб, чтобы оборотни не приставали.

Я шел потихоньку и жевал кусочек мяса, который взял из деревянного корытца усопшей, когда выходил из дому. Мяса все взяли из корытца, но прожевали давно. Это мне попался на редкость жилистый кусок.

Солнце высветило панораму сопок нежным розовым светом. Дорога перед погребальными нартами искрилась. Она ровно шла на восток мимо последних домиков фактории, мимо нового прекрасного клуба к горе, которую называли Шаманкой, как везде на Камчатке называют подобные места.

На дороге показался человек с оленем.

Значит, здесь половина дороги. По традиции оленя в погребальную нарту впрягают на полдороге.

Далее нарту вез олень.

Было морозно. Здесь в эту пору — в апреле — всегда так. Днем солнце гонит воду, топит льды и снега, а ночь снова воду останавливает.

Сосульки висят на деревьях огромные, фантастические. Прямой сосульки не найти. Они кривобоки. Сначала, бывает, сосулька растет на восток — это воду на ней западный ветер на восток сдувал. Потом ветер переменялся — сосулька стала загибаться на север или же на юг.

Процессия подошла к перемерзшему ручью.

— Непременно надо через воду переходить, — говорит Володя.

Он отбежал в сторону и наломал веточек ольхи. Веточки положили на лед и перевезли через них нарту. Сами тоже перешагнули через них. Это загородь для духов — келе, если они за нами увязались.

Вот и последнее место на этой земле, откуда покойница пойдет по дороге в верхний мир.

Гора. На ней следы многих кострищ. Ничего от прошлых погребений не осталось, кроме кругов, на которых разбросаны угли, да наконечники копий, да лезвия ножей.

Мужчины стали ломать кедровый стланик. Стланик для погребального костра полагается ломать руками. Ветки кладутся плотно. Горка стланика все росла и росла. Наконец она достигла роста взрослого мужчины.

С востока тянул ровный, пронзительный ветер. Солнце еще пряталось за сопками, но заря достигла уже той силы, за которой должен был наступить день. В небе кружились три пары воронов. Они летали высоко, неторопливо.

Мужчины разожгли в стороне маленький костер. Он, показалось, вспыхнул. Пламя металось на ветру, то припадая к земле, то устремляясь вверх.

Запалили от этого костра факелы — большие суки стланика и подожгли погребальное сооружение с наветренной стороны.

Пламя, гудя, набирало силу. Когда нарту со старухой ставили на костер, то постромки отвязали и кинули прочь. Парни устроили из-за них чуть ли не драку. Победил один. Ему и шкура жертвенного оленя досталась.

Огонь гудел, повышая «голос» в такт порывам ветра. От костра веяло нестерпимым жаром. Кайматке взял шест и стал подправлять костер. Он тащил этот

шест от самого поселка. Шест стоял возле чьей-то собачьей упряжки. Теперь понятно стало, почему шест держали именно возле собак. Собаки ведь отгоняют духов—келе. И келе никак не могли прицепиться к этой палке и попасть к человеку, даже если они тоже пожаловали на похороны и бродят возле костра.

Молодые играют в «ворона». Один парень— «ворон». Он «водит». Остальные встали цепочкой, так же как дети играют в паровозик— все за «главным», держась друг за друга. «Ворон» старается ухватить последнего игрока, а цепочка мечется, спасаясь от него.

Костер стал оседать. Остались одни раскаленные угли, и нельзя определить, где был прах покойницы.

Кайматке сгреб шестом угли к середине. Женщины-вороны бросили в костер жгуты из травы, которыми были перевязаны руки. Кайматке кинул последним шест.

Парни обложили кострище ольховыми ветками.

Женщины-вороны воткнули веточки ольхи—вроде воротца сделали—и присели возле них. Мы тронулись домой.

Солнце стояло над сопками, и голубая прозрачность неба казалась праздничной.

До поселка шли безо всяких обрядов. Только на самом краю поселка, у дороги, были воткнуты ольховые ветки, и возле них сидел симпатичный веселый старик. Сразу же за воротами две женщины обмели с двух сторон участников похорон ольховыми ветками. Возле дома старая женщина стояла с миской воды, в которой лежала ольховая веточка. Этой водой надо было вымыть лицо и руки. Потом—перешагнуть через костер.

Все, как предки учили. Ольхой очистились, водой очистились и огнем.

Однако в отдалении сидела еще одна старуха с тазиком воды. В тазике плавал голец с привязанной за хвост травяной веревкой.

— Это почему так?—спросил я Володю Кергувье.

— Сам не знаю,—усмехнулся Володя.—Корякская фантазия...

— Чукчи так не делают?

— Нет.

Все эти похороны, эти путешествия в верхний мир и его устройство имеют к нашей работе самое прямое отношение. Эти представления о потустороннем мире самым непосредственным образом связаны с тем порядком, как давали имена здесь.

Рассмотреть хотя бы их представления о возрожде-

нии людей. Пока что мы выяснили, что, по чукотским старым верованиям, люди попросту кочуют из одного мира в другой. Поживет здесь человек — переселяется в верхний мир. Поживет он там — опять возвращается сюда. В верхний мир он уходит сквозь огонь, старым. В этот мир приходит из влаги материнского лона, ребенком. Жизненный цикл человека замкнут. В этом мире жизненная дистанция имеет стартом младенчество, а финишем — старость. В верхнем мире — наоборот: старт — старость.

Наша земная дистанция видна всем хорошо. Та потусторонняя дорога неведома никому. Поэтому и подробности превращения старцев в младенцев, сама механика этого превращения описываются информаторами весьма туманно:

Вантулян. Не могу себе представить, как в верхнем мире люди живут. Говорили старики, что они как-то моложе становятся и тогда в ребенка превращаются...

Чельгат. Они там вроде как второй раз умирают...

Кеккет. Душа-то не может молодеть или стареть. Всегда одинаковая бывает. Она только в разном теле живет.

Келевыи. Черт их знает.

Ну ладно, оставим в стороне представления чукчей о мире ином. Для нас-то главное, что они верили в существование единого генофонда, говоря языком нашей науки. По их представлениям, они являются замкнутой популяцией, расселенной в двух сферах.

Есть ли какая-нибудь закономерность в том, как люди возвращаются из верхнего мира? Может быть, существует порядок, по представлениям чукчей, по которому люди выходят из чрева своих потомков? Скажем, отец возродится в сыне своей дочери? А может быть, в сыне своего сына? А может быть, в сыне дочери своей дочери? А может быть?.. Все может быть. Разных комбинаций предостаточно. Если какая-нибудь закономерность обнаружится, то будет понятно, по какой линии — мужской или женской — преобладает счет родства. Стало быть, мы представим себе, каким путем возникла нынешняя брачная система. А уж это позволит коллегам-генетикам восстановить историю сложения современной генетической картины.

Несколько дней расспросов — ничего утешительно-го. Никаких закономерностей не обнаруживается.

Самым убедительным примером существующего беспорядка является традиция «награждения» родившихся именами. Так как рождаются умершие люди, то они приходят опять сюда со своими именами. Один и тот же круг имен у здешних чукчей состоит в беспре-

рывном обращении. Если бы порядок существовал, то в одной и той же линии родственников обнаруживались бы одни и те же имена. Ничего подобного нет.

Второй сын Ивана Ивановича выходил из матери долго. Кутевнаут терпела два дня, пока сын не решился показать людям голову. Старухи, помогавшие роженице, зацепили мальчика под мышки и вытяжили его. Роженица погрузилась в сон и не чувствовала, как ее обмыли и переложили в полог под теплое, ласковое одеяло. Она проснулась от сильного голода. Возле нее, под рукой, поискивал новый сынок.

— Вувуна (камешек)...— прошептала спекшимися губами Кутевнаут.

— Во сне имя нашла?— спросил Вантулян, глядевший с улыбкой на жену.

Женщина в знак утверждения прикрыла глаза.

Мальчик родился беспокойным—не хотел спать. Его тоненький голос все время влетался в голоса людей яранги Вантуляна. Он не прекращал плакать даже тогда, когда Кутевнаут давала ему грудь. И не хотел есть. Он ел так мало, что у Кутевнаут распирало грудь, и она даже с облегчением позволяла своему старшему сыну и соседским детям высасывать молоко, нужное маленькому.

Маленький Вувуна не рос, как другие. Он день ото дня оставался таким же сморщенным и крошечным, как и в день рождения. Кутевнаут раскрывала его и смотрела на то, как он дергает крошечными ручками и ножками, морща старческое личико.

— Ешь, ешь,—шептала она, засовывая в кривящийся ротик сосок. Молоко стекало тяжелыми каплями, и мальчишка проглатывал его давясь, но не сосал сам.

— Вот как надо!—кричал из-под руки Кеулькут—его старший брат. Шалун хватал грудь и так крепко присасывался, иногда прихвывая сосок зубами, что Кутевнаут вздрагивала.

— Не Вувуна пришел,—решил наконец Вантулян.—Надо искать, кто пришел.

— Правда, правда,—подтвердила сестра покойного Ахалькута.—Завтра будем другое имя искать.

Искали имя ранним утром. Вантулян, проснувшись и сидя еще в теплом пологе, смотрел, как снаружи привязывали священный камень от гычгый-гыргыр к длинной жильной нитке. Его тетка взяла нитку за конец и подняла камешек над землей. Она подождала, пока камень не перестал раскачиваться, и спросила:

— Кто пришел? Тентынкевев пришел?

Камешек оставался неподвижным.

— Может быть, Райнынкаван пришел?—спросила другая женщина.—Мне снилось, что Райнынкаван пришел!

Камешек не двигался.

— Куймериль пришел?.. Нет...

— Похетке пришел?.. Нет...

— Эвьява пришел?

Камень вздрогнул и стал чуть заметно раскачиваться.

— Эвьява пришел!—зашумели женщины со смехом.

— У этого лицо такое же длинное, как у Эвьява.

— Тоже был с узкими бровями, Эвьява...

— Мне во сне что-то снился, не разглядела хорошенько—теперь вот вижу—Эвьява...

Тетка Вантуляна взяла на руки младенца и ловко развернула его.

— Эвьява,—обратилась она к мальчику, улыбаясь во весь рот.

Младенец здвигался и тихонько заплакал.

— Эвьява, не плачь, маленький, теперь мы знаем, кто к нам пришел, и будем тебя правильно называть... Это он долго плакал и

теперь улыбаться не может,—твердила свое тетка,—если бы его сразу назвали Эвьява, он бы улыбался...

Женщины ошиблись. Это пришел не Эвьява. Мальчик по-прежнему хирел с каждым часом. Появилась новая беда. Его маленькие черные, полные муки глаза стало затягивать легкой белой пеленой. Мать каждый раз, как он раскрывал глаза, стирала пелену мягкой шкуркой, намоченной в теплом чае. Ничего не помогало. Мальчишка просыпался со слепленными веками.

Кутевнаут уже перешла ту черту, когда скорбь причиняет боль.

— Уйдем с этого места, когда он умрет,—предложила она Вантуляну,—плохо здесь.

Тот согласился:

— Уйдем.

Жизнь шла своим чередом. В парнишке она уже едва теплилась. В гости приехал старик Ой-е.

— Почему такие белые глаза у вашего сына?—спросил старик, располагаясь в пологе отдыхать.

— Болеет,—коротко ответил Вантулян.

Утром гость проснулся и сообщил:

— Я далеко ходил во сне... Я людей верхнего мира издали видел... Они мне сказали, что это Илькутки пришел... Ты Илькутки?—обратился он к младенцу...

Синий младенческий ротик искривился и зачмокал.

— Пускай Илькутки,—равнодушно согласилась Кутевнаут, всовывая сосок в этот маленький синегубый ротик.—Наверное, он нашего гостя любит—сам сосет.

Мальш наелся и уснул. Скоро он опять потребовал есть.

Кутевнаут кормила его и не могла надвинуться перемене.

— Сам сосет,—сообщила она Вантуляну, когда тот вернулся из стада.

— Илькутки—это такой старик был,—вспоминал Вантулян, лежа с женой в пологе.—Совсем слепой был старик. Глаза у него белые-белые были. Когда я выходил наружу из яранги, то он меня всегда подзывал, всегда спрашивал: «Это ты, сынок, вышел?» Я ему отвечал: «Это я, Вантулян».—«Отведи меня в ярангу»,—просил. Я его всегда в ярангу провожал. Всегда его к нарте приводил, когда кочевали... Любил он меня... Может, теперь наш сын живой останется, только слепой будет...

— Пускай слепой останется, только бы он жил,—горячо проговорила Кутевнаут...

Мальчик не ослеп. Он набирал силу с каждым днем. Он как будто родился заново.

— Как хотите, так и думайте,—заклучил Иван Иванович Вантулян.—Только мой Илькутки сразу стал живой, когда правильное имя к нему пришло. У наших людей всегда так: пока правильное имя человеку не найдут, все время болеет ребенок, не хочет жить.

Мы последуем совету Ивана Ивановича и будем думать как хотим. Прежде всего подумаем о том, что этот самый генофонд не приведен чукчами в определенный порядок. На этом свете порядок отношений есть, а у обитателей антимира его нет. Может быть, антипорядок и есть порядок антимира? А может быть, нынешнее поколение стариков что-нибудь позабыло из установле-

ний предков? Может быть, древние-то старики все себе иначе представляли? Все может быть.

Ну а пока с этими именами здесь можно голову сломать. Представьте себе, что перед вами похозяйственная книга Ачайваямского сельского Совета и в ней записаны на одной странице: глава семьи Тентынкев Андрей Ильич, его жена Сольтынвагаль Валентина Анатольевна, сын Сольтынвагаль Олег Андреевич, сын Сольтынвагаль Игорь Андреевич, дочь Лятына Анастасия Валентиновна, дочь Омрина Наталья Валентиновна, дочь Тентынкев Надежда Валентиновна и сын Кияв Владимир Валентинович.

С позиций русских норм вроде бы все в порядке. У людей есть фамилия, имя, отчество.

— У нас сперва фамилий не было,— говорят старики.— Были только свои имена. Это потом стали давать фамилии и русские имена и отчества.

— Откуда же взяли фамилии, если их не было?

— Сначала брали свое имя и ставили фамилией. Давали также русские имена и отчества к этой фамилии.

— Стало быть, Тентынкев— это чукотское имя Андрея Ильича, которое стало для него фамилией, и Андрей Ильич— новоданное имя и отчество? Кстати, у его отца русское имя было Илья?

— У него еще не было русского имени. Его звали Олеттын.

— Тогда почему же Андрей-то все-таки Ильич?

— Наверное, сам так захотел... Однако, может быть, потому, что Олеттын и Илья похожи.

— Ясно... Значит, у его жены фамилия Сольтынвагаль— это ее собственное чукотское имя, а Валентина Анатольевна— русское имя и отчество, где Анатолий— имя, похожее на имя ее отца?

— Нет, совсем не так... Сольтынвагаль— это имя ее бабушки, с которой она все время жила, когда была маленькой. Свое имя у нее Ратына. А она стала Анатольевной просто так, когда первый раз замуж вышла и у нее был муж Анатольевич.

— Так, понятно... Значит, нынешняя фамилия может браться из имени воспитателя данного человека, а отчество бывает и производным... Значит, сыновья Олег Андреевич и Игорь Андреевич Сольтынвагаль также воспитанники Сольтынвагаль, усыновленные Тентынкевем Андреем Ильичем?

— Почему так? У них совсем по-другому. Олег Андреевич— настоящий сын Тентынкева.

— Так почему же он Сольтынвагаль?

— А они тогда не женаты были, когда Сольтынва-

галь Валентина от Тентынкевева сына родила... Вот его по ней и записали.

— Так настоящее имя у нее Ратына?

— Ратына. Она тогда жила с Сольтынвагаль, и та считалась главой семьи. Поэтому и Олега записали Сольтынвагаль.

— Хорошо. А Игорь Андреевич чей сын?

— Вот он действительно не Тентынкевева Андрея сын. Он—сын Ратыны и одного русского, который был первым мужем Валентины. Он утонул потом.

— Так почему же он Сольтынвагаль? У его отца ведь была своя фамилия?

— Он очень похож на чукчу. Тогда решили, что пусть будет по старому порядку—он воспитанник своей матери Сольтынвагаль, пусть у него будет фамилия Сольтынвагаль. А его потом усыновил Тентынкевев, и поэтому он стал Андреевичем.

— Так ведь у его отца было и свое имя, чтобы дать отчество?

— Так его отца тоже Андреем звали. Поэтому решили, пускай у него Андреевич будет отчество, потому что у его русского отца и самого Тентынкевева русские имена одинаковые—Андрей!

— Ладно... А вот дочь Лятына Анастасия Валентиновна—это чья же дочь и вообще почему у нее все другое—фамилия, имя и отчество, если она в этой семье дочь?

— Ну это просто. Ее отец был Кява. Он сейчас на другой женщине женат. Это от Валентины Сольтынвагаль дочь.

— Так откуда же Лятына, если отец—Кява, а мать—Сольтынвагаль?

— А ее просто по-старому записали на собственное имя свое Лятына. А Валентиновна она потому, что ее мать—Валентина Сольтынвагаль... Вот другая дочь, Омрина Наталья Валентиновна, это правда дочь Валентины и Тентынкевева. Ее имя чукотское Омрина, поэтому и фамилию записали Омрина, а отчество тоже дали по Валентине. Она сама так хотела.

— А дочь Тентынкевев Надежда Валентиновна, наверное, дочь Тентынкевева от другого брака?

— Нет. Это их с Валентиной общая дочь. Просто сказали тогда, когда она родилась, что надо по отцу записывать. Ей так и дали фамилию Тентынкевев. Тут еще не записан сын Натальи Кулью Юрий.

— Кулью—фамилия отца?

— Нет. Кулью—это чукотское имя Натальи. Она без брака его родила, вот его на ее чукотское имя и записали.

— А сын Кияв Владимир Валентинович?
— Он Валентине Анатольевне и Андрею Ильичу
внук. Он от их умершей дочери и одного чукчи с
Чукотки... С этим парнем просто. Они его усыновили.

ПЕРВАЯ ШКОЛА ЧЕЙВИЛЬКУТА

— Вот,—сказал Яков Чейвилькут, кладя тетрадь.— Я написал только о том, как меня дядя оленей пасти учил.

— А почему тебя дядя оленей пасти учил, а не отец?

— У нас часто мальчишек отдают в семью к братьям матери. Мне было шесть лет, когда приехал мамин брат и сказал, что заберет меня. Я его очень любил. У него были только одни дочери— мои сестры. Они старше меня. Они со мной всегда играли. Дядя раньше меня и маленького к себе брал, когда стойбищем недалеко становился. Мне только лет пять было, а помню, когда у дяди в гостях был.

Он никогда не приходил без подарка. Что-нибудь да принесет— или ноги оленьи, чтобы костный жир есть, или нарту, или красивый нож. Мне приносил много оленьих зубов— играть.

И всегда он меня хвалил. Я простую палку обстругаю, а дядя ее рассматривает, всем показывает, говорит, что я уже мастер.

Помню, когда у него жил, он соберется к соседям сбегать в гости. Раньше наши люди ходили очень далеко. Мой дядя мог бежать несколько часов. Меня он всегда с собой брал. Себе большую поклажу приготовит, мне маленький мешочек соберет. Такой же, как у взрослого, мешок мне его жена сшила. Мы с дядей мешки берем на плечи, из яранги выходим и бежим помаленьку. Только отбежим так, чтобы нас не видно было, он меня на плечи сажает вместе с моим грузом и бежит во всю силу. Как только близко к соседям будем, он меня снимает, ставит на ноги и говорит: «Теперь побежали сколько сил есть». Ну я, понятно, бегу. Нас всегда встречают, говорят: «Вот это бегуны! Как быстро бегут, как будто не было долгого пути!»

Дядя всегда говорил: «Вы только посмотрите, какой тяжелый груз наш Чейвилькут принес!» Соседи смотре-

ли и удивлялись. Ну а я гордился. В следующий раз говорил тете: «Побольше кладь. Я донесу...»

Мой отец был один из самых знаменитых оленеводов. Я, когда стал взрослый, у него многому научился. А самое основное мне все-таки дядя объяснил. Он меня семи лет взял в стадо, и я у него целый год прожил. До этого меня надолго в стадо не брали. Так и жил по стойбищам... Вот почитайте...

Рукопись была озаглавлена «Годовой оленеводческий цикл».

«По-нашему зима называется эленг, что значит приблизительно время снега. В эту пору оленей пасти нетрудно — их просто караулят и защищают от хищников. Зимой их объезжают. Раньше устраивали ярмарки, а сейчас — собрания по бригадам и соревнования оленеводов.

За зимой идет ранняя весна. Она называется словом «кыткытык», которое можно перевести как время твердого наста. Когда наступает кыткытык, оленеводы разбивают стада на отельную часть и нагульную. После отела, ранней весной, у нас бывает праздник кильвэй — праздник молодого олененка. На нем устраивают разные игры и гонки на оленях. Тогда же кастрируют быков для нагула.

Потом наступает гытгыга — поздняя весна. Олени начинают есть пушицу и раннюю зелень. Снег уже тает. В это время приходится тяжело ездовым оленям. Их тренируют, чтобы они могли к следующей зиме войти в самую силу.

Очень трудное время для оленевода — аннок, раннее лето, когда появляются первые листочки. Олени плохо держатся в стаде и стремятся разбежаться. В это время забивают оленей для вяления мяса. Раньше мясо от этого забоя оставляли тем, кто был на стойбищах. Аннок продолжается до вылетов первых оводов. Женщины ранним летом собирают олений кал для обработки шкур.

Самое основное время нагула оленей — это калятынга. Калятынга — летовка. Раньше в это время у нас выделяли самых опытных пастухов и назначали их главными в стадах. Сейчас на летовках утверждают в должности опытных пастухов и распределяют помощников, подсобных пастухов. Раньше были еще помощники, которые только переносили имущество на новое место и устраивали стойбище. Теперь никто тяжестей не таскает. Кочуем на лошадях. Легко стало, старики говорят. Сейчас и вездеходы приезжают со специалистами: зоотехниками, ветеринарами, врачами. Летом для нагула оленей поят соленой морской водой. Это

только у нас на Камчатке так делают. Я больше не слышал, чтобы где-нибудь еще оленей поили морской водой для нагула.

Перед зимой наступает каанрактаат — это осень. Осень разделяется на раннюю и позднюю. Ранняя осень для пастухов очень трудна. Это время еще тяжелее, чем весна. Олени поедают много грибов и в поисках их теряют привычку к стаду. И раньше и сейчас в этот период устраивают наш самый главный праздник — праздник возвращения стад.

Я родился первого октября. Поэтому мой дядя не стал меня в тот год отдавать в школу. Ему говорил директор школы, чтобы он привел меня в подготовительный класс. Дядя ему ответил, что мне нет семи лет и в школу можно пойти на следующий год.

Потом дядя говорил мне, что я еще успею выучиться читать и писать, а нужно же научиться пасти оленей.

Те ребята, которые осенью шли в школу, оставались в поселке на все лето и не шли с родителями в тундру. Если бы они уехали на летнее стойбище, то родители не смогли бы их привезти к началу сентября. Старших отпускали — они и пешком доберутся. Поэтому мой дядя заранее и сказал директору, чтобы меня в школе не ждали.

Я ждал дядю каждый день, а он все не приезжал за мной. Я даже потихоньку плакал. Мать один раз увидела, что я плачу, стала меня уговаривать, чтобы я не расстраивался. Заплакал я еще сильнее и убежал на реку. Там с ребятами стал ловить голецов. Лунок было много, а удочку мне дал один мальчик.

Голец клевал очень хорошо. Только я успевал опустить леску и немного подергать блесну, как голец уже попадался. Я не смотрел по сторонам и таскал рыбу.

Вдруг один мальчик мне говорит:

— Смотри, вон твой дядя за тобой идет.

Я подумал, что он надо мной смеется, и мне стало очень стыдно. Ведь я всем говорил, что меня возьмут на все лето пастухи. А ребята мне возражали, что маленьких в стадо не берут. Я подумал, что этот мальчик надо мной смеется, бросил удочку, заплакал и побежал по речке дальше от поселка.

Потом услышал, что ребята все сразу закричали. Я не хотел на них смотреть, но от неожиданности оглянулся. И увидел, как ко мне бежит мой дядя. Я тоже побежал к нему, и он поднял меня на руки. Когда мы шли мимо ребят, то он сказал:

— Теперь вы до праздника возвращения стад не увидите.

Ребята мне говорили:

— Мы будем тебя ждать, Чейвилькут. Какой ты счастливый!

Мы с дядей сразу ушли к стаду. Он взял в совхозе лошадь, навьючил на нее продукты, которые его бригаде в конторе заготовили, и мы пошли.

Дядя хотел меня посадить на лошадь, но я сказал, что пойду пешком, как он.

Идти было очень трудно. В ту зиму выпало много снега. Было уже по-нашему раннее лето, и снег сильно таял. Там, где всегда было сухо, теперь текли большие ручьи. Хорошо, что нам можно было идти по горам и не переходить больших речек. В это время идти по ним опасно: лед еле держится. На маленьких реках во многих местах уже была вода на льду. Дядя в резиновых сапогах переходил эти речки, а меня все-таки сажал на лошадь.

Я все говорил дяде: «Давай быстрее идти». А он останавливался и отвечал, что надо лошади отдохнуть. Сам он мог идти без отдыха.

Мы с ним шли три дня. Ночью спали на сухих местах.

В бригаде у дяди было еще двое взрослых пастухов, три молодых парня (помощники) и дядина жена — работница яранги.

Как только мы пришли в бригаду и тетка дала нам еды, дядя сказал:

— Скорее надо идти оленей смотреть.

Я тоже сказал:

— И я пойду оленей смотреть.

Тут все рассмеялись и говорят:

— У нас теперь два бригадира будет.

Дядя быстро поел и вышел из палатки. Я побежал вперед, к месту, где олени виднелись, а дядя мне крикнул, чтобы я не бежал. Я вернулся и спрашиваю:

— Почему нельзя мне к оленям бежать?

— В это время оленей нельзя пугать. К ним надо осторожно подходить. Пойдем со мной.

Мы пришли к месту, где был пастух. Наши олени паслись на ровном месте небольшими группами. Здесь были и важеньки с телятами, и прошлогоднего рождения оленки, и наши ездовые, и кастрированные и некастрированные быки.

Дядя, когда подошел, передал пастуху папиросы, которые принес из поселка. Осмотрел место, где стадо паслось, и сказал:

— Правильно место выбрали.

И объяснил мне:

— Сейчас у оленей слабые кости после зимы. Если

будет неровное место, то олени испугавшись могут побежать и сломать ноги. Они сами пусть идут, куда надо. Только надо немного направлять. Старые важеньки всегда помнят место летней пастбы и идут туда первыми. За ними и остальные придут.

Дядя спрашивает пастуха:

— Не расходятся?

— Хорошо воспитаны, не расходятся.

Это я только потом понял, что значит хорошо воспитанные олени. По стаду можно всегда определить, старательные пастухи или нет. Если стадо привыкло всегда держаться плотно, то это хорошо воспитанное стадо. Это значит, что все время, с самого рождения телят, пастухи умели держать стадо плотно и приучили животных ходить вместе. При такой пастбы и управлять стадом легко, и потери маленькие. Дядя мне всегда говорил, что во все времена надо в стаде у оленей на глазах быть, надо все время им голос подавать — кричать или же петь, чтобы они постоянно чувствовали присутствие человека.

А то, что в раннелетнее время нельзя гонять оленей по каменистым местам, мне позже даже в институте объясняли. В это время в костях животных мало остается калия и они становятся хрупкими. Особенно слабыми становятся копыта. А на каменистом месте они быстро ранятся, и тогда приходит беда — олени заблевают копыткой.

Когда весной много быков-кастратов в стаде, то пасти его хорошо. Быки, как якорь, сдерживают стадо. Оно идет не спеша, постепенно, не растягивается. Говорят, что раньше пасти оленей было проще: держали много кастратов для нагула — питались-то в основном оленьим мясом. А теперь, когда у нас почти одни плодовые стада, стало тяжело.

Дядя меня учил:

— Сейчас важное время для оленей. Они должны наестся первой зелени. Только после того, как они наедятся, у них кости и копыта окрепнут. Тогда их можно переводить дальше, на летние пастбища.

Этот период длился всего две недели. Все это время пастухи только присматривали за стадом и немного сучивали его.

Мы с теткой ходили на пастбище, собирали оленьи «орешки». Потом этими оленьими «орешками» размягчают шкуры и дубят их.

Один раз утром дядя мой сказал:

— Надо по двое днем дежурить.

Другие пастухи согласились:

— Пора, олени уже разбегаются, комар появился.

— Теперь я начну днем пасти, а мне молодой парень помогать будет,— ответил дядя.

Дядин помощник был сильный, молодой. В эту пору к самому опытному оленеводу назначают человека, который уже знает, что надо с оленями делать, и бывает сам очень выносливым. В это время приучают телят к стаду.

В первый же день, когда дядя пошел сам пасти, он мне сказал:

— Бери еду с собой. Сегодня на стойбище до вечера не возвратимся. Будешь учиться.

Я был очень горд, что дядя меня учить будет.

Пришли мы к стаду. День очень ясный, солнечный.

— Плохая погода. Телята беспокоиться будут,— вдруг сказал дядя.

Я узнал от дяди, что в солнечную погоду важеньки мало обращают внимания на телят, а в пасмурную погоду они следят за ними лучше и телята держатся в стаде спокойно.

Отлично помню этот первый день. Солнце поднималось на небе жаркое. Комары облепили уши и морды оленям и телятам. Телята не спокойны, часто выбегают из стада. Дядин помощник как увидит, что телята отошли далеко, так забегает с одной стороны и спугивает их. Те возвращаются к матерям. Дядя тоже бегаёт как молоденький. И я бегаю. Дядя мне командует то туда бежать, то в другую сторону за телятами.

Совсем нам и отдыха нет никакого. Только еще утро началось, а я уже устал. Дядя немного даст отдохнуть и опять посылает.

Когда вместе с дядей сели немного отдохнуть, он мне объяснил:

— Ты замечай: как загонишь обратно теленка в стадо, он к матери кидается и сразу же сосать начинает.

На следующий день опять дядя дежурил, а парень с ним был другой. В это время помощники сами стараются с опытным человеком побыть, чтобы поучиться.

Однако и в этот день стояла очень сильная жара. Телята все время разбегались. Это и понятно: над стадом комары вились тучей и «ели» всех, особенно маленьких.

К вечеру пастухи еле таскали ноги. Тогда дядя сказал:

— Ладно, завтра их по-другому поучим.

Ночью стадо отдыхало и сил для пастьбы требовалось меньше.

Утром дядя опять в стадо главным пастухом пошел. Меня, однако, с собой взял. Как пришли, он поднял

стадо и погнал его на новое место. Жара уже стояла сильная. Телята все отбежали от стада. Только некоторые шли за важенками.

Я испугался, говорю дяде:

— Почему здесь маленьких оставили? Малыши кричат так жалобно!

— Мы сегодня им урок давать будем. Пусть голодные остаются,— отвечает дядя.

Его помощник стадо погнал так, что оно от телят ушло быстро. Я немного посмотрел на маленьких и к стаду побежал. Целый день стадо отдельно держали. Уже и важенки начали волноваться без телят.

Я тогда дяде крикнул:

— Зачем ты телят и их матерей мучаешь?

Он только смеется:

— Для них же лучше один раз помучиться, чтобы потом правильно жить...

Вечером повели стадо к тому месту, где бродили оставленные телята. Как только они матерей увидели, быстро помчались к ним и сразу же стали кормиться. Тогда стадо задержали немного, чтобы телята наелись.

На следующий день еще жарче было, а телята не отбежали, держались с матерями. Помнили голод. Всего несколько ушло. Значительно легче стало работать— мало беглецов.

Дядя мне сказал:

— Вот видишь? Даже оленю одного урока достаточно. Если кому мало будет, то можно повторить.

Для некоторых урок и вправду повторяли— целый день держали без еды. Потом они от важенок не отходили.

Пришло уже настоящее лето. Трава стала зрелой. Вылетали оводы. Эти дни—самые страшные для оленей. Сначала мучает кожный овод, а потом—носовой.

Дядя мне объяснил:

— Видишь, олени все время стараются идти против ветра. Это они хотят от овода освободиться. В летнее время олени все забывают и все только против ветра идут. Ты теперь учись вести стадо в нужную сторону независимо от того, куда ветер дует: и по ветру, и в другом направлении.

Наше стадо почти совсем перестало кормиться.

Я как-то говорю дяде:

— Может, пропадут наши олени. Не едят они ничего.

— Сейчас самое главное, чтобы они не испытывали жажды. Кормежка для них не главное. Теперь основное— напоить оленей. Если их не напоишь вовремя, то они уже в этом году не войдут в тело.

Это правда. У нас говорят, что в летний день пастух готовит еду для всех на целый год. Неправильно напоенные олени в это время потом теряют упитанность вообще.

Дядя мне сказал как-то:

— Сегодня пойдешь со мной смотреть нашу дорогу, по которой мы стадо поведем.

Пошли мы с ним ранним утром налегке вперед. Идем через сопки, смотрим. Дядя мне объясняет:

— Надо нам найти на это время путь, где есть много воды.

Мы такой путь нашли. Были и сырые пастбища, и места, где оленей можно напоить.

Вернулись вечером. Дядя говорит пастухам:

— Помните старое правило?

— Помним, конечно.

— Какое правило?— я спрашиваю.

— Самое главное для этого времени. Пастух принимает стадо напоенным и сдает его другому пастуху напоенным.

— А как узнаешь, напоено стадо или нет?

— Узнаешь,— засмеялись пастухи.— Как увидишь, что стадо не спокойно, как заметишь, что олени ложатся на короткую жвачку, а не на долгую, так и поймешь, что досыта не напоено.

Время стало очень жаркое. Началась линька у оленей. Везде шерсть валяется.

Днем мы старались ставить стадо на снежник, чтобы оно стояло. На снегу, где холоднее, меньше прилетает оводов.

Если на пастбищах достаточно воды, олени много пьют. А бывает, что пастухи принимают утром стадо напоенным и целый день гоняют его по сухим местам. Только вечером животных приводят к водопою и дают им напиться досыта и даже охладиться, поплавать. Так мы только в одном месте делали, потому что на пастбищах не было достаточно воды.

С телятами в это время много хлопот. Они еще пьют молоко, но уже и пощипывают траву. Примерно через каждые два часа им надо дать отдохнуть. Все время они двигаться не могут. Особенно они любят отдыхать на снегу. Взрослые олени на снегу в эту пору долго стоять не должны— их на пастбище надо пускать. Вот так пастух и рассчитывает, когда кому что надо.

Как-то жара спала, и у нас наступило хорошее время. Меньше стало оводов. Стадо спокойнее шло по маршруту. Наши пастухи смогли пошире отпустить стадо на пастбище. Олени наедались спокойно, воды на пастбищах было много. Телята ходили за матерями и не

убегали. Как только закричат телята, то стадо кладут на жвачку. Телята кричат, потому что проголодались. Когда матери лежат, то они наедаются досыта. Потом стадо поднимают и пускают по маршруту.

Однако телята бывают разными. Одни сразу же наедаются, и забот с ними нет, а другие едят в несколько приемов. Поэтому стадо пускают сначала в одну сторону, а потом заворачивают его в противоположную, чтобы важенки могли таких докормить.

Дядя меня учил:

— Пасмурная погода всем хороша. Только надо угадать, будет ли дождь. Если будет, то надо оленей напоить до дождя. Олени в дождь не напиваются как надо. Они много получают воды с кормом, но вода-то дождевая. От дождевой воды олени не нагуливаются.

Как только у нас наступала пасмурная погода, мы гнали стадо на хорошие пастбища — на склоны сопок или же на равнины.

Но и в это время бывают беды. У оленей в эту пору очень нежные копыта. Если прогнать оленей по каменистому месту или же через заросли кедрача, то многие животные ранят себе копыта. Еще хуже, когда стадо проходит по глинистому участку. Глина пристаёт к коже между половинками копыта, с нее слезает шерсть, глина еще дальше въедается в кожу, она твердеет и трескается.

Если пастух проглядит, что животные прошли по глине, — несчастье. Надо сразу же гнать стадо по воде. Много-много раз требуется прогонять по воде стадо, чтобы отмыть оленьи ноги. А у нас на летних пастбищах везде есть и кедрач, и каменистые осыпи, и глина. Очень трудно водить стада по пастбищам. Надо еще учитывать те места, где проходили в прошлом году большие стада. Такие места минуют.

Дядя иногда уже посылал меня со взрослыми пастухами управлять стадом.

Они меня и научили, как следует вести оленей в нужном направлении и с нужной скоростью. Если надо вести стадо против ветра, то это мог сделать даже мальчишка моего возраста. Пастух просто должен идти впереди головных важенок с определенной скоростью.

Самое трудное — вести стадо по ветру. Когда оно стоит на снегу и крутится против часовой стрелки, то надо, чтобы два пастуха врезались в край стада, оттеснили несколько оленей и заставили их идти против движения. Сначала необходимо остановить несколько оленей. На них будут наталкиваться другие и заворачивать в нужную сторону. Пастухи должны постоянно «отжимать» оленей, чтобы они шли за первыми. Полу-

чается так, как будто разматывается клубок. И здесь видна прежняя работа пастухов. Если стадо хорошо содержалось и животные привыкли быть в плотном стаде, то они и по ветру идут легко.

А потом наступает для оленеводов очень ответственное дело — соленый водопой. Давно у нас считают, что без водопоя морской водой олень не набирает веса на жировке. У нас и раньше все морские водопойные места делились по стадам. Каждый знал свое время и место, где поить стадо.

Дядя учил меня:

— Морской водопой — наш кормилец. От одного дня зависит, сколько мяса дадут олешки.

Еще только подходили к морскому берегу, а дядя меня взял смотреть водопойное место. Тетка ему говорит:

— Ты измучил мальчика. Что его таскаешь зря? Чего ему смотреть заранее место? Он и так его увидит, когда оленей поить станет.

— Я ему хочу показать пригодные и непригодные места, чтобы он все знал, — возразил ей дядя.

Пошли мы с ним заранее. На три дня ото всех отошли. Сначала, когда шли, дядя мне говорил:

— Надо оленей поить в таком месте, где нет песчаного берега или же нет мелких камешков.

Наконец мы вышли на берег моря. Скалистый такой берег. К нему подойти трудно и людям. Спускаться тяжело, надо руками хвататься за камни. Дядя меня спрашивает:

— Ну как, это место подойдет?

Я уже все тогда понял, отвечаю ему:

— Не подойдет. Здесь олени спуститься не могут.

— Правильно. Только еще какая причина есть, что не подходит?

— Не знаю.

— Мы с тобой целый день шли по местам, которые очень сырые. Если оленя пригнать с сырого места, то он мало напьется морской воды. А надо, чтобы он много напился. Для этого его надо подводить по местам, где воды нет.

Мы дальше пошли. Шли по сухому месту. Я подумал, что здесь, на этом месте, можно стадо целый день продержать. И оводов здесь почти нет — ветер с моря их отгоняет. Подойти к берегу легко — прямо к морю идет долина и берег отлогий.

Дядя меня опять спрашивает:

— Как, пастух, приведешь сюда стадо пить?

— Конечно, приведу.

Он тогда рассмеялся, говорит:

— Ты, умный мой пастух, еще подумай... Видишь, на этот берег много морской травы выбросило? Видишь, здесь и свежая морская трава, и сухая, старая? Значит, это такое место, на которое всегда много морской травы море выбрасывает. Как только олени сюда попадут, они сразу станут морскую траву есть. А в морской траве всегда много песку и мелких камешков. Как эти камешки оленям в живот попадут, то они станут болеть. Понял, пастух?

Потом мы дальше с ним пошли и пришли на нужное место. Очень хорошее место. Вернулись в бригаду и через два дня пригнали стадо к берегу. Тут пасмурно стало и ветер усилился.

— Надо стадо на два дня отогнать назад. Непогодь будет,—сказал дядя.

Пастухи стали обсуждать, куда надо стадо отгонять. Я сию слушаю, почему нельзя сейчас стадо напоить. Сам не вытерпел и говорю:

— Надо сейчас стадо поить. Сейчас хорошо. Пасмурно. Стадо спокойное и после будет отдыхать хорошо.

Пастухи засмеялись, а дядя говорит:

— Вот как рассудил наш бригадир. Почему только он не подумал о том, что когда море беспокойное, то в воде бывает много камешков и песка, а если погода пасмурная, то олени будут меньше хотеть пить?

Мне тогда стыдно стало, и я голову опустил. А один старший пастух всем говорит:

— Это не всякий и старый оленевод знает. Есть люди, которые на погоду не смотрят, и постарше его...

Скоро погода сменилась солнечным днем. Мы стадо все время не поили, пока вечером к морю опять не привели. Олени еще издали почуяли морскую воду. Мы даже их и не подгоняли—сами быстро пришли на берег. Они так долго пили, как я еще не видел. Я и сейчас удивляюсь, сколько олени морской воды могут выпить. Как бочки становятся. Сопеть начинают, когда с берега идут.

Дядя сам тогда стадо повел. Еле-еле шел он со стадом вверх от моря. Ложиться, однако, оленям сразу не давал. Все вел и вел их почти половину ночи. Они часто вставали, мочились. Их опять вел дядя дальше, на новое пастбище. И привел их на место, где и зелени много, и воды достаточно. Только там стадо положили. Олени отдохнули и утром начали кормиться.

От этого места мы повернули обратно. Пастухи были в это время очень худые, все время на ногах.

Пошли первые грибы. Один раз все сидели и говорили о том, как обратно идти будем. А дядя на меня смотрит и говорит:

— Ну, теперь будем проверять, как наши ночные пастухи работали, не спали ли они по ночам. Как бригадир думает, как мы их проверим?

— Не знаю.

У нас самые опытные пастухи дежурят только днем с помощниками. Ночью могут дежурить и молодые, не такие опытные. Ночью олени ведут себя спокойно. Легом и хищники на наших оленей почти не нападают. Я все думал, какая может быть работа у ночных пастухов и как ее надо проверять.

Потом, когда грибное время кончилось, я понял. Ночной выпас простой, однако пастухам надо все время пригонять отбежавших. Если ночные пастухи не приучат животных держаться ночью вместе, то в грибное время это сразу же всем станет видно. А хорошо обученное стадо всегда держится плотно.

Прошло позднее лето, и настала осень. Мы опять возвратились к поселку. Тут и бригада моего отца близко оказалась. Как-то вечером мы с дядей сидели на сопке. Вдруг дядя говорит мне:

— Смотри вон в ту сторону.

Я посмотрел—человек идет. Немного побежит и опять идет—так у нас все пастухи ходят.

Дядя спрашивает:

— Кто это? У тебя глаза молодые, должен узнать.

Я смотрел, смотрел—не узнаю.

— Это твой отец.

Как он его тогда узнал—не могу понять. Я и сейчас с такого расстояния человека не узнал бы.

Мой отец тогда принес мне новый чаат, а дяде и другим нашим людям—разные подарки. Мне он говорит:

— Может быть, ко мне пойдешь в бригаду?

— Нет, я в своей бригаде останусь.

Тогда все пастухи меня похвалили и сказали отцу:

— Это неправильно, что ты у нас лучшего работника забираешь. Он уже двух оленей заработал за лето.

Я не знал, что они сговорились мне двух телят подарить. Я очень обрадовался:

— Я здесь останусь, может, еще заработаю.

Все так смеялись, что я даже убежал.

Потом мы пришли к нашему летнему стойбищу, где все родные оставались. Потом был наш самый большой праздник—возвращение стад. Я тогда ходил как большой пастух—подаренный отцом новый чаат все время носил через плечо. Все ребяташки за мной ходили и все меня расспрашивали. Тогда мне и мать, и другие родные говорили, чтобы я остался. Только дядя рассердился:

— Какой он будет пастух, если он гона не увидит? Скоро мы ушли дальше, на осенние пастбища. После гона меня опять родители хотели забрать в поселок, но я сам остался у дяди на всю зиму и пробыл у него до самого отела. После отела мы пришли в поселок по последнему снегу, и я остался до школы». На этом рукопись Якова Чейвилькута кончается.

— Яша, а что пастухи во время гона делают?

— Основная работа до гона. Сначала надо всех быков, которые для нагула, выхолостить... Еще в летнее время начинают молодых бычков холостить. Затем отобрать быков-производителей. Вот у нас теперь племенное хозяйство. Это потому, что и раньше и сейчас наши оленеводы отбирали на племя только самых лучших животных.

Помню, как я первый раз увидел начало гона. Племенные быки как будто больше стали. Уж начали они голос подавать. Отовсюду слышится бычий рев. В другое время-то быки немые. Важенки голос получают только во время отела. Пастухи тогда шутили про быков, говорили: «Получили право голоса!»

А как они дрались! Я все боялся, что они покалечат друг друга. Бык кричит до тех пор, пока с ним драться не выйдет противник. Потом они бьются... Так весь гон. Чтобы прошлогодние и позапрошлогодние бычки не приставали к важенкам, пастухи выгоняют их в тундру. Они далеко и сами не уйдут, но надо, однако, в это время их и беречь. Они сами ничего не замечают, а волки это хорошо знают. Поэтому пастухи охраняют этих быков... Это опыт давний. У нас даже в названиях оленей видно разное отношение к возрастным группам. В русском языке, например, нет такого количества специальных слов для скотины разных возрастов.

У нас все маленькие телята без различия называются кэйю... Это такое нежное слово. У нас и детишек сейчас называют кэйю. А дальше названия разделяются. Для самочек — одни, а для самцов — другие. Самочек этого года рождения называют чвэк, а бычков — клик. Телята прошлого года — турванкаскор и турпэнгвэль. Двухлетняя самка — ангаскор, а самец — тасэмэнг. Телку называют, как и более молодых, ангаскор, а быков их возраста — тачмэнг. Самые главные, важеньки, — рэккут, а их быки — кормынт. Холощенных быков зовут чмнга... Всех по-разному.

С семи лет я узнал от дяди несравненно больше, чем вам здесь рассказал. Все на самом деле куда сложнее! И периоды пастьбы более короткие, и приемы выпаса более разнообразные. Пастухи только время чистки

рогов делят на несколько этапов... Это — самые азы оленеводства...

Ну что же, приемы и способы выпаса у здешних оленеводов такие же, как на Чукотке. Пастухи круглый год ходят пешком. Собачек держали и держат только для охоты. Это в стадах, разумеется. Оседлые люди собачек, как известно, держали для езды. Ничего, что выявляло бы какие-нибудь не чукотские, а корякские культурные элементы, не обнаруживается. Чукчи как чукчи, только живут в более теплых местах.

Как у чукчей воспитывали мальчиков, мы в общих чертах поняли. А вот как воспитывали девочек, удалось узнать на Чукотке, в Мейныпильгино, Владимиру Лебедеву. Удалось ему узнать и то, как чукчи стали оленеводами. Мейныпильгино — это поселок в южной части Чукотки.

...Семейство Рольтынто приняло нас как самых дорогих гостей. Усадили в полог, накормили свежей рыбой, напоили чаем. Только после этого хозяин спросил, что за люди и зачем приехали. Переводила Елена Ивановна — учительница.

Рольтынто перевалило за шестьдесят. Он был высок и сухощав. Тонкий рисунок носа подчеркивали ровные брови и слегка раскосые глаза. Кожа, на лице уже морщинистая, имела цвет красного дерева. Карие глаза смотрели не по-стариковски ясно. Немного подумав, Рольтынто сказал:

— Хорошо делаешь, мальчик.

Такое его обращение ко мне вышло естественным, хотя мальчику в тот год исполнилось тридцать пять. Такие люди, как Рольтынто, имеют на это право, потому что они как-то удивительно естественно мудры. Несколько раз мне выпадало счастье встречать таких людей. У селькупов, например, даже есть для них специальное определение — «нут кум» (в переводе это означает «небесный человек»).

— Молодежь очень мало стала интересоваться тем, что знали старики. Совсем это плохо. Мы уйдем — что знать будут? Хорошо делаете. Что знаю, все расскажу.

Он умолк. Елена Ивановна показала жестом, чтоб я приготовился писать.

— Раньше, давно совсем, — начал Рольтынто, — чукчи жили за рекой Анадырь, на северном берегу. Как-то одно стойбище кочевало на лодку к Анадырскому лиману. На южный берег шли.

Сын Максимката, Выттегин, все время спал. Максимкат его не будил. Пусть спит. Он знал, что сын не просто спит. Раз спит — значит, что-то будет необыкновенное.

Пока лед не растаял, перешли на южный берег лимана. Летнее

стойбище поставили. Оленей забили, воду, тундру, солнце, луну угостили, сами поели.

Выттегин все спал. Отец возле него сидел. Люди говорили ему:

— Почему сын твой все время спит? Работать должен — молодой такой!

Отец говорит:

— Пускай спит.

Когда стойбище совсем устроили и люди отдыхать стали, Выттегин проснулся и говорит отцу:

— Давай кочевать на северный берег.

Лед уже сошел, но отец все равно сказал:

— Давай кочевать, хорошо. Иди всех людей собери, чтоб разбирали яранги.

Выттегин, прежде чем разбирать свою ярангу, оделся по-зимнему и всем людям сказал:

— Давайте кочевать будем.

Одни согласились и стали собираться кочевать. Другие сомневались:

— Что этот Выттегин придумал, только проснулся и решил кочевать с летней стоянки. Такая жара стоит, лето уже. Как на тот берег лимана кочевать — лед сошел давно?!

Эти люди не стали собираться и продолжали отдыхать. И еще смеялись:

— Этот Выттегин спал, спал, проснулся, теперь тревогу поднимает. Совсем одурел.

Те, кто послушался Выттегина, разобрали яранги, поймали ездовых оленей, запрягли. Пока все это делали, вдруг стал замерзать лиман. Когда все собрались, лед уже сильно замерз, даже трещал. Не зря Выттегин зимнюю кухлянку надел.

Выттегин говорит:

— Люди, будем идти через лиман — не оглядывайтесь. За оленей не беспокойтесь. Кто со мной пошел, тех олени сами пойдут за нами.

Люди опять послушались его.

Выттегин первым пошел. Чем дальше от берега отходил, тем крепче перед ним лед становился. Ледяная дорога до другого берега протянулась, а там, где все прошли, снова вода появлялась, лед таял.

Идут, идут. Одна женщина подумала, что все прошли. Вперед смотрела — все вроде на земле уже были, оглянулась. Одна нарта еще на льду оставалась. Как женщина посмотрела, та нарта сопкой стала. И теперь она в Анадырском лимане есть, там теперь маяк стоит.

На северном берегу новое стойбище устроили и там летовать решили.

На другую сторону посмотрели, а там дым. Это таньгит (чужие люди) пришли и всех, кто там остался, уничтожили.

Таньгит с той стороны смотрят на стойбище Выттегина и говорят: «Ну посмотрите, как он забрался туда?»

С тех пор Выттегина стали звать Кыыты — «Ну Посмотри».

— Это наш предок был. Если спросить «минкекинэйгыт» (откуда ты, чья родня?), то мы говорим в ответ «кыгытэкинэйгым» (из «Посмотри я», значит, я потомок Кыыты). В нашей тундре больше половины людей от Кыыты. Я от него уже в десятом поколении, — закончил Рольтынто.

Для нас это историческое сказание о Кыыты было самым лучшим подарком, потому что в нем много важных сведений. Если Рольтынто — его потомок в десятом поколении, следовательно, события, о которых

идет речь, происходили на рубеже XVII—XVIII веков. Хронологическая дистанция между двумя поколениями обычно составляет двадцать пять—тридцать лет. Соответственно десять поколений—это около трехсот лет. В сказании о Кыыты говорится о том, что в конце XVII века у чукчей уже были стада домашних оленей, которые служили не только как средство передвижения, но и как источник существования. Об этом говорит то, что люди со стойбища Кыыты ловили ездовых оленей среди остального стада, а также и то, что на летовку это стойбище вышло к морскому побережью, а это характерно для хозяйств оленеводческого направления.

Оленеводство развивалось на Северной Камчатке, у коряков, и севернее реки Анадырь, у чукчей. Между этими ареалами пролегла широкая территория, заселенная охотниками-юкагирами. В поисках пастбищ оленеводы двигались на эту территорию с севера и юга. Их приход не всегда носил мирный характер. В сказании о Кыыты нашло отражение реальное историческое событие. Это было первое военное столкновение оленеводов за пастбища, расположенные на водоразделе рек Великая и Хатырка.

И еще важная деталь. В этой легенде есть точное указание места, где происходили события, о которых идет речь.

Подобные фольклорные сюжеты, рассказывающие о реальных событиях, людях и географии, для истории этих народов особенно ценны, потому что здесь в отличие от Западной и Центральной Сибири вплоть до XX в. не было проведено ни одной переписи населения. Сведения о расселении чукчей, коряков, юкагиров, эвенов и ительменов в XVII—XIX веках можно почерпнуть только фрагментарно из архивных документов, главным образом из различных записок путешественников и служилых людей. Это интересные материалы, но, к сожалению, по ним невозможно составить более или менее точную картину развития исторических событий в этих местах; и исторические сказания, в которых народная память зафиксировала наиболее важные моменты, становятся ключом к пониманию всего остального.

Стемнело... Наступала холодная сентябрьская ночь. Вдали над тундрой и над Пекульнейским озером поднимался туман. Над ним на фоне звездного неба прорисовывались зубцы горных хребтов. Со стороны моря поднялась огромная красная луна. Никогда не видел я луны таких размеров. Елена Ивановна вышла из яранги:

— Завтра Рольтынто еще рассказывать будет. Он очень доволен, что Вы приехали.

— Замечательную легенду он рассказал,— ответил я,— красивая и, судя по всему, исторически точная.

— Знаешь, наши старики говорят, что на луну долго смотреть нельзя, она тогда к себе заберет. Иди ложись, тебе уже приготовили постель.

Утро прошло в хозяйственных заботах. Рольтынто проверил сети, поправил вешала для их сушки, осмотрел все свое хозяйство, потом все пили чай, и только после этого он продолжил вчерашний разговор.

— У Кытыты,— начал Рольтынто,— было два сына. У каждого из сыновей было по четыре сына. Сейчас люди остались от четырех из них. От Кунлелю и Пикытыма—это дети старшего сына Кытыты. И от Эвыскыва и Енкы—это от младшего. Сам я и Лена—мы от Эвыскыва идем. Муж Лены, Семен Рынватау,—от Кунлелю.

Кунлелю был самый старший из братьев. Кочевали они тогда в низовьях реки Великой на южном берегу Анадырского лимана. Там были их земли, все остальное считалось таньгитское. Однако некоторые чукчи кочевали вместе с таньгит. После первой войны, когда Кытыты был, все помирились. Места всем хватало. Хорошо жили.

В этом месте необходимо сделать небольшое отступление и сказать, что легенды о Кунлелю и его братьях, переданные Эвнито (отцом Елены Ивановны), опубликованы в книге «Сказки и мифы народов Камчатки и Чукотки» с комментарием лингвиста П. Я. Скорика. Мы позволим себе привести здесь оригинальный текст этого сказания, записанный от Рольтынто, но с большими сокращениями, выбрав только те места, которые необходимы для описания исторических событий середины XVIII века.

У Кунлелю и братьев был родственник Арельпо. Он кочевал здесь, в Мейныпильгинской тундре, вместе с таньгит. Их зимнее стойбище было в верховьях реки Ваамочгын. Летом они выходили к морю. У моря пастбища лучше, и оленей один раз надо напоить морской водой, тогда они сильные делаются, зиму хорошо переносят.

В том же стойбище был еще чука Мотлынто. Арельпо думал, что он хороший человек, но неправильно думал.

Мотлынто сказал таньгит, будто Арельпо хочет уничтожить их всех. Таньгит поверили и решили: давай скажем Арельпо, чтобы он и его соседи к нам пришли посмотреть наших оленей.

Так они сказали. Все, кого звали, пришли, тогда враги их всех поубивали. Один Арельпо убежал. Все люди со стойбища Арельпо погибли, таньгит там тоже были—он с ними вместе кочевал.

Вечером Арельпо домой пришел и всю ночь ярангу камнями закладывал. Толстым слоем закрыл до самого верха.

Днем таньгит пришли. Смотрят, никак Арельпо убить нельзя. Тогда они сказали: «Умрешь, Арельпо, от жажды, тебе за водой ходить надо».

Арельпо с дочерью был. Ночью они тихо ушли.

Там, в верховьях Ваамочгын, обрыв есть, с него упал Арельпо. Руку сломал. Дочь по хорошему месту прошла, нашла отца.

Говорит ей Арельпо: «Ты меня здесь похорони, ты женщина — тебе меня не дотащить. Иди прямо по речке к берегу моря, там кереки живут, береговой народ, Расскажи, что случилось. Пусть они тебя спрячут. Потом замуж за керека выходи».

Так она и сделала.

Кереки в землянке под пологом яму сделали, туда ее положили и накрыли шкурами. По первому снегу таньгит пришли. Они спрашивают: «Где дочка Арельпо?»

Не выдали ее кереки.

Когда таньгит ушли, Кунлелю и Пикытым приехали. Кереки дочку Арельпо вытащили. Кунлелю ее спросил, как все получилось. Она рассказала. Тогда Кунлелю и Пикытым ушли к реке Анадырь на свое стойбище — они без оружия были.

На следующий день таньгит вернулись и погнались за ними. Кунлелю в тундре, где далеко видно, понял, что за ними гонятся, сказал Пикытому: «Погода нас не пожалела, и оружия у нас нет». Только так сказал, небо гучами покрылось, снег сильный пошел. Таньгит совсем близко были, а видеть уже не могли. Кунлелю сказал Пикытому: «Давай пойдем по кругу». Так сделали. Таньгит по следу пошли, заблудились.

Кунлелю и Пикытым их там оставили. Сами на стойбище уехали.

На стойбище у них старик был один, самый старый. Кунлелю советовать пошел к нему. Рассказал, как было, где дочка Арельпо.

Старик сказал: «Таньгит надо найти прямо сейчас. Они как раз устали, спят. Потом трудно будет».

Кунлелю и другие сразу поехали. Кунлелю и Пикытым даже оленей не распрягали. Нашли таньгит, уничтожили.

Домой вернулись.

На стойбище у них еще один старик был. Всю жизнь холостой. Девушки и женщины его любили за то, что с бубном пел хорошо, и всегда про женщин пел. Этот старик сказал: «Сейчас про женщин петь буду».

Кунлелю ему говорит: «Зачем сейчас про женщин петь? Пой лучше, как найти Мотлынто».

Старик стал петь тогда так:

Около реки Анадырь есть сопка,
Как олень сердце.
На сопке-сердце надо найти белого оленя¹,
Поймать его надо.

(Теперь эту сопку горой Дионисия называют.)

Повел Кунлелю людей к этой сопке, по реке Великой пошли вверх по течению. Долго шли. Увидели землянку, около нее человека в белой одежде. Пикытым поймал этого человека. Только он мог поймать, потому что на белых оленях ездил. Правой вожжей поймал.

Спросили этого человека: «Где Мотлынто?»

Отвечает: «Не знаю».

Отец белого человека вышел. Тоже спросили — не ответил. Тогда сказали им, что на холоде держать будем, пока не расскажете. Согласился отец белого человека — рассказал. Так он говорил: «Мотлынто на высокой горе. Высокая гора, каменистая. Одна тропинка туда ведет. Мотлынто эту тропинку водой полил. Скользко стало, лед».

Поехали к этой горе. Под обрывом остановились. Как залезть туда?

¹ Это обычное иносказание чукотских легенд.

Пикытым распряг белую важенку, привязал ей за рога чаат и погнал вверх по склону. Она наверх забралась, и по чаату люди туда залезли. Мотлынто там был. И стадо его там было.

Мотлынто раздел, без шапки и без пояса пустили за стадом. Холодно было. Он все меньше и меньше становился. И совсем исчез. Так с ним поступили.

Когда обратно ехали, встретили стойбище. Там таньгит был. Олялек звали. Он трем чукчам ноги у колен отрезал. Жестокий был. Кунлелю его спрашивает: «Зачем так сделал?» А таньгит рычит только и, как бык копытом, ногой землю разрывает. Кунлелю говорит: «Вас и так мало осталось — иди к своим. Если бы вы к нам не лезли, все целы были бы». По-хорошему его уговаривал, рычащий не понимал.

Тогда Пикытым взял копье Кунлелю и пошел на рычащего. Пикытым ловкий был. Смотрят, а он уже повалил рычащего и на нем сидит, тот ничего сделать не может.

Кунлелю опять говорит ему: «Иди к своим — вас мало осталось».

Рычащий отвечает: «Я за смертью к вам пришел». Не хотел он идти обратно — позор был бы. Убили его.

Второе сказание Рольтынто перенесло нас к событиям середины XVIII века. Известный этнограф-сибиревед Иннокентий Степанович Вдовин, посвятивший много времени изучению этнической истории Северо-Восточной Сибири, считал, что Кунлелю был действительным историческим лицом и изложенные выше события имели место. Это подтверждается, хотя и отрывочными, архивными документами. Эту точку зрения поддержали языковед П. Я. Скорик и этнограф В. В. Леонтьев. У меня же затеплилась еще робкая в этот день надежда, что все-таки удастся составить генеалогии мейнпильгинцев до Кытыгы — ведь Рольтынто говорил, что он и Елена Ивановна — потомки Эвыскыва, муж Елены Ивановны — Кунлелю. Когда я поделился с ней этими соображениями, она сказала:

— Не спеши, Рольтынто сам знает, что рассказывать, главное — хорошо записывай.

Крайне интересна в этом сказании и этическая сторона вопроса. Речь идет о войне, но кого и с кем — неизвестно. Сначала столкнулись два стойбища, и в том и в другом жили и чукчи, и коряки. Борьба шла между стойбищами, но не между чукчами и коряками. Значит, военные стычки того времени не носили национального характера.

Спровоцировал эту войну чукча Мотлынто. Мотлынто постигла суровая кара. Он даже не был убит, он исчез вовсе. Ведь если бы Мотлынто убили, он попал бы к верхним людям и, по чукотским представлениям, через некоторое время вернулся бы обратно в этот мир, а так он был исключен из человеческого общества и кругооборота людей между земным и верхним миром. Отношение к людям подобного толка недвусмысленное.

Закончилась эта война смертью одержимого Олялека. Но разве Кунлелю не предлагал ему разойтись миром и подумать о том, что из тех, кто кочевал в Мейнпильгинской тундре, почти никого не осталось. И, только убедившись, что от Олялека ничего хорошего ждать не придется и будут новые жертвы, Кунлелю и его братья согласились его убить.

Обращает внимание и мирный характер отношений между оленеводами и морскими зверобоями-кереками. Сейчас от этого народа осталось лишь несколько человек. О традиционной культуре кереков известно мало. На сбор материалов по ней много сил затратил В. В. Леонтьев и собрал все, что возможно сейчас собрать. Интересующемуся читателю можно порекомендовать его книгу «По земле древних кереков». В Мейнпильгино мы впоследствии познакомились с его другом и помощницей Екатериной Хатканой, которая очень помогла и нам. С ее помощью мы составили генеалогии последних нескольких групп кереков, которые существовали еще в начале XX века. Из этих генеалогий ясно, что катастрофа, начавшаяся в середине XIX века, в начале XX века уже завершилась. Кереки исчезли в течение жизни трех поколений. Популяция перешагнула рубеж допустимого сокращения численности, и процесс стал необратим.

Но вернемся к сказанию о Кунлелю. Он сам и его братья выступают здесь как справедливое начало — защищают обездоленных, уничтожают провокатора и кровожадных воинов, которые разрушают все на своем пути. Причем порок наказывается независимо от того, кем он представлен — чукчей-соплеменником или кем-либо еще. Сила применяется только для защиты. Отношение к убийству резко отрицательное. Забота о сохранении каждой человеческой жизни преподносится как достоинство всех людей вообще. Если обратиться к героическому эпосу в фольклоре других народов, легко обнаружить в главных героях те же черты. Это богатыри и мудрецы. Они ни у кого ничего не отбирают, но отстаивают справедливость как высшую гуманность.

Предельно коротко, но ярко эта мысль сформулирована в основополагающем принципе чукотской народной педагогики: «Люди должны жить в мире между собой и с природой. Земля кормит оленей, олени кормят нас». Вся система чукотской педагогики нацелена на воспитание человека, который мог бы жить в гармонии с природой и людьми, потому что нарушение этой гармонии есть разрушение и смерть.

Традиционно чукчи выделяют два типа психики

людей: разумных, выдержанных, гуманных и «элеклин», что в переводе значит «слепой с людьми», то есть человек необузданный, злой, жестокий, сеющий зло.

Эти замечательные формулировки принадлежат Раисе Михайловне Рагтытваль, научному сотруднику Магаданского краеведческого музея, чукчанке из села Альяктаваам, потомку Кыыты. Она их хорошо усвоила еще в детстве, а слышала от своих дедушки и бабушки. Эти слова очень точны и являются ключом к пониманию чукотского характера — гордого, вспыльчивого, неудержимого в достижении поставленных целей и в то же время чувствительного, нежного, необычайно привязанного к близким людям и привычному окружению.

В чукче должны соединиться два качества — постоянная забота об общем благе и личная одаренность. Второе служит первому. Это всеми уважаемый человек. Такими предстают перед нами фольклорные герои. Если второе преобладает над первым — это уже «элеклин». Главное — забота об общем. Под этим углом нужно рассматривать многие чукотские фольклорные сюжеты, и в частности тот, который поведал нам Рольтынто на третий день.

Пикытым жил до старости. Детей у него много было, но сын — один, самый последний.

Как-то на летовку собирались. Вдруг один молодой парень к его яранге подошел и копьем вверх-вниз машет. Этим он давал понять, что стал таким же, как белый ездовой олень Пикытыма.

Пикытым говорит: «Что передо мною так делаешь?»

Парень отвечает: «Я так делаю, потому что стал как твой ездовой олень Веетынын, такой же сильный и быстрый».

Тогда Пикытым сказал, чтобы парень поймал в стаде этого оленя.

Парень привел оленя.

Пикытым запряг их обоих в нарту. Парня с правой стороны пристяжным поставил.

Поехал. Сначала одинаково их держал. Когда обратно подъезжать стали, он оленя быстро погнал. Парень отстал. Тогда Пикытым его алелем ударил так, что пробил одежду и тело.

Парень сдался и говорит: «Ты меня здесь убей, я больше бегать не буду».

Старик уже был сердитый, потому что молодой парень так неуважительно себя перед стариком повел. Подумал Пикытым, что раз парень так себя с ним, стариком, повел, то, когда он в самом деле силу наберет, следующим поколениям мешать будет, станет молодых соперников уничтожать. Подумал так и убил его.

Братья этого парня обиделись. Пошли к своему отцу спрашивать, что делать.

Отец сказал: «Нет, дети, мстить не надо. Сын мой сам виноват. Помните, когда таньгит нападали, Пикытым с Кунлелю был. Всех защитили. У него много дочерей. Идите к нему, пусть один из вас женится на его дочери и останется там».

Так и сделали. Один из братьев женился на дочери Пикытыма.

Этот рассказ не несет в себе исторических сведений, но вспомнил его Рольтынто не случайно, а как раз для того, чтоб мы яснее прочувствовали моральную сторону сказаний о Кытыты и Кунлелю.

На первый взгляд может показаться, что Пикытым слишком жестоко поступил с молодым парнем из своего же стойбища. Но только на первый взгляд. Пикытым в действительности позаботился о благополучной жизни двух последующих поколений и был в этом настолько прав, что отец погибшего парня полностью согласился с ним и не разрешил оставшимся сыновьям мстить за брата, а, наоборот, предпочел породниться с Пикытымом.

Это не единичный случай такой оценки событий и людей двумя стариками. Это, если можно так выразиться, кредо чукотского поведения—общественного и личного.

Вернемся опять к рассказам Раисы Михайловны Раггытваль, в которых очень ярко проявляются традиционные моральные устои чукчей.

Однако предварительно я хочу сказать несколько слов о решающем моменте в системе традиционной чукотской педагогики. До пяти—семи лет дети растут, не зная отказа ни в чем. Им отдается самое лучшее и все позволяется. Этот период оставляет в человеке след на всю жизнь, ибо он всегда будет удивляться и сердиться, если не сможет добиться поставленной цели. После пяти—семи лет наступает резкий перелом в отношении взрослых к ребенку. Однажды ему говорят: «Зачем ты самое лучшее себе берешь?! Ты только играл, а дедушка работал, бабушка готовила ему еду». Обычно это вызывало в ребенке стыд, иногда истерику. Но так он впервые и на всю жизнь задумывался о своем отношении к близким и понимал, что постоянно должен о них думать. Ребенок отдавал взятую еду. Взрослые ее на время прятали, потом ребенок ее получал. С этого времени начинался длительный цикл воспитания в человеке самобичевания из-за собственного эгоизма.

Итак, несколько эпизодов из детства и ранней юности Р. М. Раггытваль.

Однажды Раин дядя взял ее с собой на рыбалку вместе со своей дочерью Зиной. Они поймали только две рыбы—большую и маленькую. Дядя большую рыбу отдал Рае, тогда Зина заплакала.

На другой день они поймали больше, и дядя специально отдал всю рыбу Рае. (На самом деле рыбу все равно распределили между всеми ярангами стойбища.) Поступив так, дядя рассчитывал, что в следующий раз Зина промолчит. И она действительно промолчала.

Однако как-то раз перед рыбалкой Зина сказала Рае: «Пойдем, сестренка, погуляем в тундре».

В тундре она связала Раю. Во время борьбы Рая ее укусила, но осталась связанной.

Отцу Зина сказала, что Рая не хочет идти на рыбалку. Раина мать думала, что Рая на рыбалке, поэтому до вечера ее не искали. Она лежала в тундре и плакала. Нашел ее вечером пастух, возвращавшийся с дежурства.

Мать обругала Раю за то, что та не защищалась:

— Ты разве палка, что тебя можно связать!

— Она сильная.

— Должна защищаться!

— Я ее укусила,—созналась Рая.

— Так нельзя, ты поступила как слабый человек. А вдруг ты завтра, как слабый человек, ножом кого-нибудь ударишь.

На другой день дядя Зину на рыбалку не взял. Когда они с Раей вернулись, он сказал на стойбище, что всю рыбу поймала Рая и, обращаясь к Зине, добавил:

— Рая маленькая, но добрая девочка.

После этого Рая разнесла рыбу по всем ярангам. Вывод из всего этого Рая сделала такой: «От обидчиков каждый человек обязан защищаться, но нельзя никогда применять подлых приемов, надо в любых условиях сохранять свое достоинство...»

Однажды Рая пожаловалась матери, что ее обидели дети. Тогда мать ее взяла конфеты и стала угощать ими этих детей, а Рае не давала. Ей она сказала:

— Ты должна жить так, чтобы тебя не обижали— обижают только глупых и злых.

Когда Раю обидели еще раз, мать сказала детям:

— Вы с ней не играйте, она не умеет играть. Пусть одна живет.

Раю не пустили играть, только разрешили смотреть из яранги, как играют другие дети. Взрослые время от времени говорили: «Как весело дети играют».

Скоро подруги пришли просить Раину мать отпустить ее с ними. Мать сказала:

— Я тебя отпускаю только потому, что за тебя просят эти девочки.

Вывод из этого случая Рая сделала такой: «Если тебя обидели сразу все, не ходи жаловаться, а подумай, в чем ты виноват».

У Раи был двоюродный брат, старше ее. Характер у него был задиристый. У других ребятшек на него накопилось зло. Его и Раю, поскольку они играли вместе, окружили другие дети и собирались побить.

Брат сказал ей:

— Не бойся, сестра, будем защищаться.

Он взял чаат и стал им размахивать над головой. Ребятишки отошли в стороны, но силы были слишком неравные. Брата и Раю опять зажали в кольцо. Рае ребятишки сказали:

— Мы злы только на него, не на тебя, переходи к нам.

Она смалодушничала и пошла.

Взрослые это видели, но не вмешивались. Браг Раи заплакал от обиды на ее измену.

В этот момент появилась Раина мать и на глазах у всех отодрала ее за ухо и «изваляла» (это самое жестокое наказание для чукотских детей, самое обидное). Брата она похвалила за смелость и угостила чем-то вкусным.

Рая сидела в сторонке, плакала. Брат стал потихоньку, чтоб не видела Раина мать, давать ей лакомство. Но в тот момент, когда Рая брала угощение и пыталась его съесть, мать отобрала его у нее, а брату сказала:

— Ничего ей не давай, она не заслужила.

— Она маленькая,— возразил он.

— Нет, большая, она должна понимать.

Через некоторое время ребята подрались снова. На этот раз Рая защищалась с братом до конца. Брата и Раю отлупили. Но они не сдавались. И только тогда, когда драка затянулась, вмешались взрослые.

Брат и Рая считали себя победителями. Мать похвалила их и рассказала обо всем отцу.

— Вот это сестра, за такую можно и заступиться,— сделал вывод отец. Вывод из этого Рая сделала такой: «Предательство—самое скверное, что есть на белом свете. Главное—быть верным до конца. И никогда не сдаваться, даже тогда, когда положение кажется безнадежным, если не сдашься, не станешь побежденным. Тот, кто сдался, уже неравноправный человек».

Однажды, когда Рая уже выросла, выучилась и работала в школе учительницей, за ней стал ухаживать один парень. Ей он не нравился. Она постоянно язвила и издевалась над ним. Как-то раз он пришел к ней домой, и она высмеяла его при бабушке. Бабушка рассердилась. Парень хотел уйти, но она остановила его и стала угощать чаем, а Раю выгнала за дверь, сказав:

— Ты живешь среди людей.

В этом случае Раин вывод был сформулирован бабушкой.

Маленькие истории Р. М. Рагтытваль показывают, каким в традиционном понимании чукчей должен быть настоящий человек. Эти черты мы находим у героев

чукотского фольклора. Три сказания Рольтынто имеют более глубокий смысл, нежели просто рассказ об исторических событиях борьбы между оленными чукчами и оленными коряками. Не так все просто. Речь идет о борьбе честных людей, которые «живут среди людей» и свои таланты используют на общее благо. Поэтому со стороны светлого начала оказываются чукча Арельпо с дочерью чужой, береговой народ — кереки и Кунлелло с братьями, а со стороны темных сил выступают чукча Мотлынто, коварные таньгит, кровожадный Олялек и молодой чукча из стойбища Пикытыма. Эти «элекыльын», люди, которые различными путями стремились к кровопролитию, к разрушению естественного течения жизни, неприемлемы для общества. Следовательно, в соответствии с традиционной чукотской моралью они должны быть уничтожены. Проявление жалости к ним — преступление, потому что они неисправимы, они не могут жить по-другому. Жалость к ним — это предательство по отношению к последующим поколениям. Так жестокость по отношению к «элекыльын» превращается в высшую форму гуманности по отношению к окружающему настоящему и будущему миру.

Надо сказать, что в последующие эпохи в Мейныпильгинской тундре военных столкновений больше не происходило, хотя там постоянно был приток нового населения, которое кочевало совместно с потомками Кытыты.

Мейныпильгинские чукчи не зря называют себя «телькепыльэт», то есть «старинные люди». Они смогли вспомнить одиннадцать поколений предков и раскрыть историю тех, у которых мы были этой весной.

Число поколений предков, от которых ведет свою генеалогию каждая группа родственников, указывает на время появления здесь ее основателя. Это необходимо для учета родственных связей и подбора брачных пар. Родственники, расселенные на других территориях, не учитываются. У нас появилась возможность для определения возраста каждой локальной группы.

Коротко историю формирования южных чукчей можно изложить так. В первой половине XVIII века первая волна мигрантов, перейдя на южный берег реки Анадырь, продвинулась в Мейныпильгинскую тундру, составив основу мейныпильгинской группы чукчей. В середине XIX века произошла новая миграция чукчей с северного берега реки Анадырь. Они заняли территории по реке Аькватваам, составив аькватваамскую популяцию. Незначительная их часть вышла в Мейныпильгинскую тундру и вошла в состав мейныпильгинской группы.

В середине XIX века западнее этого региона, на среднем течении Анадыря, с севера в бассейн реки Майн продвинулась большая группа чукчей, которая составила ваежско-хатырскую популяцию. Территориально она распределилась южнее и западнее мейныпильгинской. И уже на рубеже XIX—XX веков от ваежских чукчей отделилась волна мигрантов, которая перевалила через Корякский хребет и вышла на берега рек Апуки и Пахачи, составив самую южную часть чукчей — пахачинско-ачайваемскую.

Однажды, когда мы с Еленой Ивановной составляли генеалогическую карту потомков Эвыскыва, она не смогла сразу сказать степень своего родства с одной семьей. Потом подумала и сказала:

— Постой, давай по ярангам посчитаем.

Она перечислила по пальцам яранги родственников и уже уверенно определила свое родство с этой семьей.

Заинтересовавшись этим, я спросил, каким образом узнают родство по ярангам?

Оказалось, что для близких родственников вплоть до троюродных братьев и сестер включительно употребляется специальный термин «синиткин», что в буквальном переводе означает свои. Этим термином определяется так называемый экзотамный коллектив — мужчины этого коллектива не могут жениться на женщинах из него. На четвероюродных родственников понятие «синиткин» не распространяется. В этом случае браки уже допускаются. Здесь мы сталкиваемся с понятием «минимальная дистанция кровнородственной близости», допустимая при составлении брачных пар. Счет родства по ярангам происходит аналогично.

Есть термин «рэчвэптыт» — размножившиеся яранги. Когда в семье женится старший сын и выделяется в самостоятельное хозяйство, ему строят новую ярангу. Следующему сыну — тоже ярангу. Эти яранги считаются дочерними по отношению к отцовской. Она же переходит по наследству к младшему сыну. В следующем поколении происходит то же. Образуется группа родственных яранг. Так же как люди в «синиткин», в «рэчвэптыт» яранги входят до троюродного родства. Эти яранги могут обмениваться между собой огнем — огонь, разведенный в одной яранге, можно перенести в остальные.

Огонь между чужими ярангами не передается, его никто не даст, потому что с ним из яранги, согласно верованиям, отдается здоровье и жизнь ее обитателей. Так же относятся и к любой вещи, которая уже побывала в яранге и протыдилась от очага. Ни один

чукча не возьмет в свою ярангу чужой огонь или что-либо из утвари, особенно ритуальной, ибо с этим в дом придут чужие духи и охранители, которые будут вредить своим.

Знание генеалогической структуры «рэчвэптыт» сохраняется твердо, как и знание родственной иерархии их хозяев. Запомнить родственные отношения жителей каждой яранги нетрудно, ибо, как правило, это одна семья, муж, жена и дети. Каждый чукча знает все яранги, которые по отношению к его собственной являются «троюродными», и своего предка третьей степени, то есть прадеда. Представляя родственный состав жителей отдельных яранг, он уже может свободно ориентироваться среди своих родственников.

Люди старших поколений постоянно рассказывали молодым о своих родственниках. Если это делал отец, то молодой человек определял своих родственников с позиции поколения отца, то есть до четвероюродных родственников. Если же жив был и дед, то он усвоил знания о его «рэчвэптыт» и «синиткин», что соответствовало пятиюродному уровню родственников.

С появлением внуков каждый человек сам становится главой «синиткин», а его яранга — главной в «рэчвэптыт». «Синиткин» состоит из трех поколений людей, «рэчвэптыт» — из трех поколений яранг. Четвертое поколение — это уже «синиткин» и «рэчвэптыт» его сыновей. Это значит, что в пожилом возрасте он знает минимум пять поколений своих родственников. Если же к этому добавляется знание о «синиткин» и «рэчвэптыт» деда, то он может помнить семь поколений и соответственно ориентироваться среди живых родственников до уровня семиюродных братьев.

Эта стройная система памяти не менее совершенна, чем, скажем, система запоминания больших чисел или групп чисел. Таким образом, получив знания от людей старших поколений и следя за генеалогией яранг, человек легко мог сориентироваться в многочисленной родне. Важно заметить, что понятия «синиткин» и «рэчвэптыт» для каждого чукчи «свои». Каждому субъекту они обрисовывают круг его кровных родственников и круг родственников для его яранги яранг.

Естественно, что «родословные» яранг, так же как и родословные людей, могут разрастаться или, наоборот, исчезать. Если какая-либо генеалогическая линия людей исчезает в результате того, что в ней рождались только девочки и не осталось наследников по мужской линии, исчезают и яранги. Яранги, которые некому наследовать, сжигают.

Для нас стало ясно, каким образом Рольтынто

мог так хорошо знать свою многочисленную родню. Если систему запоминания «синиткин» и «рэчвэптыт» можно назвать генеалогической, то память, которая донесла до нас родословную первых четырех поколений людей — потомков Кыыты, можно назвать исторической. Благодаря этой системе нам и удалось связать нынешнее население Мейньпильгино с его предками — героями фольклорных сюжетов и воссоздать картину исторических событий почти трехсотлетней давности.

Есть здесь и еще одна маленькая тонкость. Попав в чужие яранги на праздник «выльгынкоранмат» — «с короткой шерстью забой» — или «кильвэй», любой чукча мог определить, были ли когда-нибудь эти яранги родственными его яранге.

«Выльгынкоранмат» и «кильвэй» — два наиболее важных праздника. Первый проводится осенью. Это как бы праздник урожая. Стада возвращаются с летовки. Встречаются мужья и жены, дети и родители. От того, как прошла летовка, зависит состояние стада зимой и обеспеченность людей, их благополучие. Сейчас этот праздник неправильно называют Днем молодого оленя. Он посвящен не только оленю. Этот праздник посвящен всему — тундре, ивовому кустарнику, воде, небу, солнцу, луне, горам, людям. Олень — главное действующее лицо, ибо он источник жизни. Вспомним поговорку чукчей: «Тундра кормит оленей, олени кормят нас». В этом заключена и суть праздника. Человек выражает свое единство с окружающей природой, и единство это выражается через оленя. Ритуальная еда на празднике — это не просто «вкусно и сытно поесть». Съедая оленя, люди соединяют свою духовную субстанцию с его, оленьей. Поскольку олень выкормлен природой и представляет с ней одно целое, то люди таким путем сливаются и с нею. Кроме того, все представители окружающей природы получают свою порцию ритуального оленьего мяса и как бы получают обратно то, что она воплотила в олене — основном звене, которое связывает человека и пророду. Мир рассматривается как единое целое, а сами люди — как его часть. Не только в праздники, но и в другое время у чукчей забой оленей не являлся актом уничтожения животного. Забой — это акт соединения в одно целое природы, животного и человека.

«Кильвэй» — весенний праздник. Он проводится после отела. Киль-киль по-чукотски означает «пуповина». Это символ жизни, ему и посвящен праздник.

На обоих праздниках выполнялся большой и сложный комплекс ритуальных действий, в них участвовали все домашние охранители и амулеты, в них вообще.

Порядок исполнения ритуальных действий и тексты «приговоров», с которыми они раньше выполнялись, предельно строги — нарушений быть не могло. За правильностью и точностью всего следил самый старший мужчина. Изменения действий и текстов происходили очень медленно. Только после каких-либо больших несчастий могли быть изменены жест или слово. Поэтому и в восьмом — десятом поколении порядок выполнения ритуальных действий и тексты «приговоров» сохраняли много общего в давно уже ставших чужими ярангах.

Наступил октябрь. Снега еще не было, но мейныпильгинская погода показывала себя во всей красе. Дул северо-западный ветер. Он переваливал через горы и скатывался по склону, набирая скорость. Он летел по тундре, прижимая к земле выцветшую траву и кустарник, срывая с него маленькие красные и желтые листочки. Погудев в печных трубах, пропев на разные голоса в проводах, ветер уносился в море. Волны, достигнув мелководья, вздымались и пенились и тяжело падали на песчаную косу. Киты и нерпы, стадами кормившиеся возле устья реки в хорошую погоду, теперь исчезли. Улицы поселка тоже были безлюдны. В такую погоду лучше всего сидеть в жарко натопленном доме, пить крепкий чай и вести разговоры о жизни.

У нас было почти так. Мы сидели вдвоем с художником Валерием, только лентяйничал один я. Валерий рисовал. Перед ним на полу лежала связка чукотских семейных охранителей гычгый. Под его руками на бумаге появлялись их двойники.

Эти гычгый принадлежат Мейныпильгинскому этнографическому музею, который создан при сельском Доме культуры по инициативе Елены Ивановны. История его такова. Возле поселка оставались две яранги. Следить за ними стало некому, потому что наследники разъехались. Тогда Елене Ивановне и пришла в голову мысль о создании музея: и имущество не пропадет, а будет под присмотром, и детям можно будет показать, как жили люди в прошлом. Она посоветовалась со стариками. Им идея пришла по душе. Ведь сейчас уже те, кому сорок лет, думают совсем по-другому и иначе представляют мир, чем старики. К праздникам они относятся просто как к веселому времени, наступающему после трудной работы, и совсем не верят в то, что от строгости и правильности проведения праздника зависит их же собственное благополучие. Что же говорить об их детях и тем более внуках? Эти растут в интернате и

тундры-то почти не видят. Пусть хоть так знают, как мы жили раньше, решили старики.

Коллекция оказалась великолепной. Это были две яранги, в которых сохранилось все, что должно быть в чукотской яранге. Самое главное — в обеих был полный комплект ритуальных предметов. Причем одна яранга принадлежала потомкам Кыыты, а другая — представителям ваежско-хатырской группы чукчей. Мы имели возможность сравнить их. Такой цельной коллекции могут позавидовать и центральные музеи.

Среди комплекта ритуальных предметов гычгый занимает первое место. Они вырезаны из ольхи. По форме похожи на человеческую фигуру. Спереди на гычгый есть ряд или три ряда углублений для добычи огня. Его добывали с помощью «нилек» — ольховых палочек — и «нэльяёчгын» — дуги из оленьего рога с ремешком. Действует это приспособление по принципу лучкового сверла. В углубление на гычгый клали сухой мох, вставляли «нилек», с помощью «нэльяёчгын» его начинали вращать. От трения мох начинал тлеть. Огонь раздували и подкладывали в него сухие веточки. На всю эту процедуру уходило одна-две минуты. Старики об этом сейчас шутливо говорят: «Наши чукотские спички».

Количество гычгый в каждой семье зависело от числа сыновей. Главный гычгый переходил самому младшему сыну — он его наследовал от отца вместе с главной ярангой. Остальные передавались старшим сыновьям. Выполнение праздничных ритуалов начиналось с главного гычгый.

Кроме гычгый в этой коллекции есть еще мельгыргын. Он не делался похожим на человека и служил только для повседневной добычи огня. Из него огонь добывали лишь на двух праздниках — «выльгынкоранмат» и «кильвэй».

На каждом гычгый висит символическое изображение чаата — аркана. Чукотские пастухи, когда чаат не нужен, тоже носят его на себе.

К гычгый привязано еще несколько деревянных рогаток, отдаленно напоминающих человеческие фигурки — помощников гычгый, которые называются «оккамак». В этой же связке находятся «кэнуэн» — рабочие посохи оленеводов — и ритуальные мужские шапочки.

Гычгый использовали в трех случаях: когда встречали стадо при возвращении с летовки, когда встречали важенок после отела или оленей, если те терялись. Во всех этих случаях гычгый выносились из яранги и ставились над ее входом. Следовательно, гычгый счита-

лись главными пастухами, охранителями оленей, а «тайникут» — их помощниками.

В этой же связке были еще деревянные фигурки собак. Они делались после смерти кого-либо из членов семьи. Во время похорон все надевали на руку ремешок и считали себя как бы собаками, привязанными к яранге. Собаки не болеют — значит, их боятся келе — духи-вредители, собаки охраняют от келе и от плохих людей дорогу в верхний мир. Олицетворяя себя с собаками, люди, таким образом, защищались от вредных сил. Этот же смысл имеют фигурки собак в связке амулетов, они называются «утытгыкэй».

Еще в такой связке были «энэйт» — мешочки из оленьей кожи, внутри которых лежала оленья шерсть. Это — охранители от несчастий. Их привязывают тогда, когда кто-либо из членов семьи увидит сон, предвещающий беду.

«Вуквыгыйкай» — камушки-амулеты. Их выбирают из-за необычной формы, чаще с дыркой в середине.

После смерти самой старой женщины в связке прибавлялась куколка из оленьей кожи — «алечельгын».

Есть здесь и маленький гычгый, который служит большим гычгый и тайникут, так же как они сами людям.

Пришла Елена Ивановна, сняла мокрый плащ.

— Елена Ивановна, чаю, кофе? — спросили мы в один голос.

— Чаю, — засмеялась она.

Мы отлично знали, что кофе она не любит, но каждый раз спрашивали, чем каждый раз смешили ее.

— Кит-кит (чуть-чуть), — согласилась Елена Ивановна.

Потом она обратилась ко мне:

— Сыро очень на улице. Нам с тобой работать надо идти. В километре от поселка стоит яранга, где летом живут две старые женщины, Ивнеут и Кыггаут. Хозяйством по такой погоде заниматься нельзя. Самое время поговорить.

Когда мы вышли, ветер первым делом швырнул в нас хорошую порцию воды. Она потекла по щекам, по шее, за шиворот... Шли мы прямо против ветра. Впрочем, слово «шли» здесь не подходит. Так можно говорить до тех пор, пока ветер не набрал скорости тридцать метров в секунду. За этим рубежом человек, как говорят на Севере, «лежит» на ветру. Теряется привычное ощущение собственного веса. Кажется, взмахни руками — и поднимешься над землей. Человек в такие моменты похож на цаплю, которая, вытянув

шею и расставив крылья, делает неуклюжие шаги по болоту и медленно набирает скорость для взлета. Однако любая дорога кончается.

У входа в ярангу по чукотскому обычаю потопали ногами и покашлиляли, чтоб дать хозяевам время приготовиться, вошли.

— Еттык,—приветствовала нас хозяйка.— Проходите в полог, в чотагине сегодня холодно.

Она подложила в слабо горевший костер сухих веток и повесила над очагом старый медный чайник.

В яранге Ивнеут царил идеальный порядок. Очаг— основа яранги и домашнего благополучия— был выложен подобранными один к одному небольшими камушками. По кругу вдоль стен стояли легковые нарты, справа от входа— мужские, слева— женские с кибиткой, в которой взяты маленьких детей. На верхних жердях висела юкола. Земляной пол был настолько чист, что по московской привычке захотелось снять башмаки. Возле женских нарт сидела подруга Ивнеут Кытгаут и голой пяткой втирала в пыжиковую шкурку ольховую краску. Шкурка была уже сочного красно-коричневого цвета, но она усердно продолжала работу.

— Это она уже заканчивает,— пояснила Елена Ивановна,— шкуру долго надо обрабатывать, в несколько этапов. Это последний. Она внуку комбинезон шить будет.

— А мездру как же снимать?

— Мездру она еще месяц назад сняла. Надо сначала острым каменным скребком, потом гладким, закругленным таким. Пяткой— последний этап.

— Железные скребки разве хуже?

— Хуже, они очень шкуру дерут.

Мы влезли в полог, освещенный керосиновой лампой. Он целиком сделан из оленьих шкур и закрывается так, что не остается ни одной щелочки. Даже в самые лютые морозы и ветры он легко нагревается от одной керосиновой лампы. В старину его отапливали светильником, в который был налит нерпичий жир, и в нем плавал фитиль.

В пологе очень хорошо спать. Чукчанки умеют так разместить шкуры и валик под головой, что не бывает ни одного неровного места и ничто не давит в бок, как это бывает на диванах и кроватях. Постель в пологе не слишком мягкая, но и не жесткая.

— Елена Ивановна,— продолжал я разговор,— почему так получается, когда бываешь в зимних меховых палатках, они ведь тоже большие, всегда есть какое-то впечатление неубранности, а в яранге всегда все аккуратно, чисто?

— Правильно говоришь. Я тоже замечала: в палатке всегда что-то не убрано. Наверное, потому что четыре угла, трудно всему место найти. Яранга круглая, и у нас все приспособлено для этого.

В полог влезла Кытгаут. Снаружи Ивнеут подала ей выскобленный до белизны деревянный столик на низеньких ножках, чашки, блюдца, заварной чайник, сахар, конфеты, печенье и пятилитровый медный чайник, из носика которого шел пар. Потом Ивнеут тоже влезла в полог, и они приготовились к долгому неспешному разговору.

— До вашего прихода,— сказала Ивнеут,— Кытгаут рассказывала, как ее замуж выдавали. Нам сегодня делать нечего. В такие дни друг другу и рассказываем, что раньше было или сказки. Будете Кытгаут слушать? Или про родню расспрашивать начнете?

Тут все дружно рассмеялись — всему поселку и всей тундре давно было известно, что москвичи с редкостным занудством расспрашивают людей об их родственниках и в тетрадках, и на рулоне миллиметровки рисуют какие-то значки и схемы.

Должен сказать, что работать в поселках, где уже работали такие этнографы, как В. В. Леонтьев, очень приятно, потому что они оставляют о себе хорошую память. Поэтому каждый человек той же профессии сразу бывает хорошо принят. Когда мы с Валерием в первый день шли с рюкзаками и еще не сказали в поселке ни с кем ни единого слова, нам повстречался высокий человек и спросил:

— Вы с парохода?

— Да.

— А откуда?

— Из Москвы.

— А по профессии кто?

— Этнографы.

— Леонтьева знаете?

— Знаем.

— Меня зовут Вантолин Михаил, в четвертой бригаде работаю. Все, что будет вам нужно, обращайтесь, пожалуйста, всегда помогу.

— Спасибо.

Потом нам с большим удовольствием рассказывали, как Владилен Вячеславович познакомился с мейныпильгинскими стариками. Он приехал в поселок в первый раз и сразу зашел на почту. Там сидело несколько стариков. Когда они увидели Владилена Вячеславовича, один сказал:

— Новый мельгитангит (так чукчи называют русских).

Другой, имея в виду, что мельгитане не знают чукотского языка, заметил:

— Он без языка.

Владилен Вячеславович, дав телеграммы, повернулся к старикам, открыл рот, показал пальцем на язык и сказал по-чукотски:

— Вот у меня язык.

Шутка вызвала общий хохот.

На предложение послушать рассказ Кытгаут мы отозвались с удовольствием.

— Она не как все замуж вышла,— поясняя рассказ Кытгаут, сказала Ивнеут.

Она умолкла, и начала рассказ Кытгаут:

— Когда я родилась, муж у меня уже был. Все радовались, что девочка родилась. Если бы мальчик, то той семье, где мой муж был, пришлось бы свернуть ярангу и жить у родственников.

Они жили на соседнем стойбище. Хорошо жили. Однако отец моего мужа рано умер. Он был моей матери троюродным братом. После его смерти плохо стало. По хозяйству им все стойбище помогало. Олени в общем стаде были. Не голодали. А как на празднике быть?! Праздник проводят хозяин и хозяйка. Один за другого ничего делать не могут. Он оленей ловит, забивает, она разделывает. Он при стаде, она—по хозяйству. Не может женщина оленевода заменить.

Наследником и главой семьи уже Рультыет, мой муж, считался. Однако и он еще маленький был и тоже без жены ничего не мог делать на празднике.

Надо было моей свекрови снова замуж выходить. Тогда она убрала бы ярангу до тех пор, пока не вырос Рультыет. Потом бы снова поставили ее, и был бы он в отцовской яранге, а она—в яранге мужа.

Но она после смерти мужа никого любить не могла. Не хотела больше жить ни с кем. Оставалось только женить сына. Старики подумали и решили, что, если родит моя мать девочку, она и будет невестой. Четвероюродные, говорили они, хорошо, потому что вроде как своя кровь возвращается. Решили еще, чтоб маленькими поженить, а как у нас потом получится, было наше дело.

Когда мне было семь лет, свекровь и Рультыет приехали к нам на стойбище. Она мне подарила игольник с иголками и нитками, который служил ей самой. Этим она показала, что я должна учиться шить, чтобы умела одевать мужа.

Спустя еще пять лет, мне уже двенадцать исполнилось, она снова приехала и сказала моим родителям, что пришла за дочкой, как и договаривались. Родители

ответили, чтобы она забирала меня, раз проделала такой большой путь.

Мать одела меня в праздничную камлейку, а свекровь повязала нарядный бисерный пояс. Провожали меня всем стойбищем, и все говорили, что я правильно поступаю, не сопротивляюсь.

Идти далеко было. Все смотрели, чтобы я впереди шла. Сзади нельзя. Если невеста сзади идет, значит, она не хочет замуж выходить. Когда уставала, кто-нибудь из мужчин на руки брал и впереди нес. Так и дошла до их стойбища.

Встретили нас очень приветливо. Потом все просили, чтобы я не ходила в ту ярангу, где Рультыет жил. Я не понимала почему и пошла к самой старой женщине на стойбище, ее спросила:

«Почему нельзя ходить в ту ярангу, ведь они за мной пришли?!»

Старушка ответила: «Пока не ходи. Вот когда будет осенний праздник, я тебе скажу, тогда пойдем и будешь свободно туда ходить».

Но вот наступил праздник. Свекровь сшила мне всю новую одежду, красивая такая была. Старушка эта пришла к свекрови и сказала: «Иди теперь за дочкой».

Та пришла в ярангу, где я жила это время, и говорит: «Пришла уже».

Ей весело ответили: «Ага, пришла за дочкой».

Свекровь мне сказала: «Давай, доченька, пойдем, ждут нас».

Я пошла с удовольствием, потому что давно хотела в ярангу Рультыета пойти, любопытно было. Встретили нас Рультыет и старушка, у которой я жила. Она меня поцеловала и говорит: «А ведь хозяйшюшка пришла».

Мы с Рультыетом и не понимали, что происходит. А она присела на корточки перед выходом и нас посадила рядом. Мы вертелись, но она очень строго сказала, чтобы мы сидели тихо, а сама зашептала так:

В самой середине неба растёт большое дерево.
Это дерево крепко стоит, не качается,
Я беру от этого дерева веточку
И ставлю ее в эту ярангу,
Чтобы яранга эта была такая же крепкая
И не качалась, как это дерево,
Чтобы не было в ней никаких болезней,
Потому что это дерево очень высоко
И келе достать его не могут.
Так все будут здоровы.
Много детей будет, как веток на этом дереве.

Потом она подвела нас к очагу и велела опустить руки в пепел. После усадила в пологе: его — на мужскую половину, меня — на женскую. Сказала свек-

рови: «Теперь все, можете своим делом заниматься».

С этого времени мы стали считаться мужем и женой. В этот же праздник свекровь стала учить меня, как надо его проводить. В своей семье девочек этому не учат, потому что там, куда они замуж выходят, по-другому делают. Свекровь всегда учит невестку.

Сначала мы пошли за ветками. По речке везде ивовый кустарник есть. Свекровь присела, накинула капюшон на голову, мне велела так же сделать, стала шептать, а я повторяла и запоминала:

Там, где начинается рассвет, есть озеро.
В нем чистая вода, такой нигде больше нет.
К озеру олени пришли воду пить, целое стадо.
Полугодовалые телята и все важеньки.
Они там вверху были, где верхние люди,
Теперь я их к яранге пригнала.

И только тогда она сорвала две маленькие веточки и сказала: «Вот эти олени будут».

Мы нарвали еще ивовых веток, чтоб подстилать под оленей, когда разделывать. Оленей обязательно надо разделывать на ивовых ветках. Но эти две веточки-олени лежали у нас отдельно.

Когда за водой пришли, свекровь сказала:

Посредине неба есть высокая песчаная гора.
От этой горы течет речка,
Но не вода в речке, а молоко олень.
Я беру молоко из этой речки,
Чтобы олени всегда были здоровыми.

В этой воде потом варится мясо первого праздничного оленя. Самое основное угощение.

Когда пришли, свекровь гычгый достала и мне говорит: «Доченька, начни сама. Сделай, чтобы дым хотя бы пошел. Потом помогу тебе».

Я очень старалась. Если огонь долго не появляется, значит, хозяйка ленивая — плохо мох высушила. А если мох сухой и огня все равно нет, значит, она умрет скоро. У меня быстро дым пошел. Все довольные были. Люди говорили: «Ой, хозяйюшка-то хлопочет».

На доску, на ту, где я шкуру выделывала, мы тогда земли насыпали и на ней огонь развели. Доску вынесли перед ярангой и стали ждать стадо.

Перед доской мы положили ивовые веточки, которые как олени считались, и юколу, приготовленную специально для праздника. Самую первую рыбу, когда поймают, сразу в яранге подвешивают, и она все лето там висит, до праздника.

До прихода стада свекровь велела Рультыету взять чаат и поймать веточку-оленя. Он так и сделал. Она взяла веточку, руками показала, как будто настоящего

олень держала и как будто он упал. Все как при настоящем забое. С веточки чуть-чуть кору срезали — вроде как рана от копья. Свекровь сказала Рутьтыету, чтобы он рукой с этой раны кровь взял, как у настоящего оленя берут, и разбросал вокруг: тундре, морю, сопкам, солнцу. Только так сделали, стадо подошло.

Стадо хорошее было. Олени жирные. Хорошо летовка прошла. Старики, кто летом со стадом не уходил, а на стойбище оставался, Рутьтыета с собой взяли. Дали лук ему и стрелы. Стрелы они специально для праздника из ольхи сделали. Все в ряд встали и навстречу стаду выстрелили. Это келе отгоняли. Стадо из далеких мест прикочевало, келе могли следом за ним прийти.

Мы со свекровью подняли доску, где костерчик был, и огонь к солнцу подбросили.

Мужчины поймали первого оленя, подвели к ярангам. Рутьтыету дали копые его отца. Рутьтыет этого оленя должен был забить. Очень важно, как этого оленя забить. Копьем надо ударить с левой стороны, прямо в сердце. Хорошо, когда олень сразу упадет и не будет мучиться. Значит, он к верхним людям спокойно ушел. Будет олень долго мучиться — плохо. Это он ждет кого-то. Когда так случится, все делают вид, что все хорошо. Однако после праздника старики специально собирались и гадали, как отвести беду.

У Рутьтыета олень сразу упал. Люди довольны были.

Свекровь дала мне ковшик с водой и велела полить оленю на голову и на рану. Стали его разделывать. Она мне говорила, в какой ковшик что класть. Разные есть ковшики: для тундры, для сопки, для моря, для рассвета. Каждому свой ковшик. Клади туда кусочки мяса, печени, почек. Кусочек шкурки надо в каждый положить. Сделали все, как надо, и из каждого ковшика раскидали во все стороны. Свекровь говорила, кому кидали. Остальное мясо варили, сами поели. Огонь в костре был тот, который я со свекровью из гычгый добыла.

Еще погом оленей забивали, но нас уже отпустили.

На следующий день свекровь меня снова заставила все вместе делать. Перед ярангой разложили костерчик. Огонь прогорит — втыкается веточка-олень, вокруг нее костный мозг надо положить, а сверху — земли с травой, камушки маленькие, как вокруг яранги. Камни у яранги кладутся для того, чтобы покрывки ветром не сдувало. Здесь надо все очень точно сделать. Это вроде яранга. Как в маленькой сделаешь, так и в большой

будет. Хорошо сделаешь—всегда и еда будет, и не заболит никто. Поленишься или что-либо забудешь—так же потом в большой яранге получится. Каждая свекровь очень строго смотрит, чтобы невестка все во время праздников правильно делала, несколько лет учит, а то беда придет. Если невестка никак не может все запомнить и правильно сделать, к ней плохо относятся. Я хорошо запоминала, правильно получалось. Поэтому свекровь меня любила.

Хозяйке на празднике трудно приходилось. Надо все подготовить, пастухов и стадо встретить, оленей разделывать и мясо сохранять, распределять его на следующие праздники, шкуры сохранять, из них потом одежду шить и веселиться надо. В первый день, когда все работы заканчиваются, все бубны свои достают, петь начинают. Поют почти до утра. Кто сколько хочет. Вставать хозяйке опять до рассвета. Ее очень уважают.

Когда кончился праздник, я еще некоторое время жила в этом стойбище, но скоро стала проситься домой. Меня не пускали под разными предлогами, пока не пришел мой дядя и сказал, что родители соскучились.

У родителей я жила до восемнадцати лет. С Рультиетом мы встречались, когда нам хотелось. Насильно жить вместе нас не заставляли. Мы считались как муж и жена, и на все праздники меня брали в ярангу Рультиета, я выполняла обязанности хозяйки. Свекровь была довольна мной.

Рультиет меня очень любил, но я глупая была еще, не пускала его в полог к себе. Когда мне восемнадцать лет исполнилось, он стал всерьез обижаться. До этого времени старики молчали, а тут стали сначала шуточно, потом серьезно говорить мне, что так нельзя—надо уже детей рожать. Особенно мама моя и свекровь ругались.

Долго я не сдавалась. До тех пор пока Рультиет не нашел свою песню. У нас, у каждого чукчи, есть своя песня. Она однажды сама к тебе приходит и становится твоей на всю жизнь.

Он как-то очень сильно обиделся на меня. Пришел ко мне из своего стада. Далеко они тогда были. Километров шестьдесят прошел. Молодой, он очень хорошо бегал и ходить мог много. Мама моя его чаем напоила, а я только поговорила с ним и сказала, чтобы он шел в свою ярангу. Плохо сделала. Он пошел и запел так:

Это я, любимая, слушай!
Я иду по вершинам гор,

Лучше ласк твоих, рук твоих лучше
Разрывающий сердце простор.

На востоке и солнце и море,
Вместе с ветром поет прибой.
Я один, без тебя,— это горе.
Только хуже остаться с тобой.

Пальцы гладят веселое небо,
Ты внизу, там, где вьется река,
Я с тобою счастливым не был,
Здесь смеются со мной облака.

Когда я это услышала, мне стало очень жалко его. Сильно себя ругала, что так поступила. Мама меня тоже ругала, даже за косы оттаскала—нельзя так с людьми обращаться.

Стойбище наше тогда стояло в верховьях Ваамочки. И Рультьет пошел прямо в горы, как раз в том месте, где Арельпо разбился. Там он стадо снежных баранов увидел. Охотиться стал. Застрелил семь баранов. Не надо было столько—все равно не унести одному. Когда за баранами полез, сорвался, сильно разбился.

Принесли его на стойбище, у меня все переменялось к нему. Опять себя сильно ругала. Он голову разбил, и кожа с нее, где волосы, почти слезла. Кость пробита была.

На стойбище у нас керечка одна жила. Она велела сразу принести гагару. Отец ходил на берег моря, быстро ходил, принес. Она ее распотрошила и оставила только шкуру с перьями и подкожным жиром. Кожу на голове ему расправила и шкурку гагары надела, как шапку. Так он долго лежал.

Я ухаживала за ним. И все вспоминала, как мы хорошо маленькими играли. Себя все время ругала. Глупыми бывают молодые девчонки, пока не родят. Потом только умнеют. А играли мы часто в олениводов. Рультьет олениводом был, а я оленем. Я от него убегала, а он меня чаатом ловил. Потом он так научился чаат кидать, что мог на спор любого оленя из стада выхватить за любую ногу или любой рог.

Бредил он все время. Говорил все, что снежные бараны вдруг с головами келе стали за ним гоняться, а он от них с горы на гору перескакивает, а они— за ним. И никак убежать не может. Старики объяснили потом, почему это. Нельзя было столько баранов убивать—все равно бы бросил. Нужно было только одного застрелить, сколько унести мог. Оттого, думали, верно, он упал со скалы и оттого так бредил. Это вроде как совесть его замучила за то, что на баранах свое зло сорвал, какое из-за меня накопилось.

Тогда ко мне пришла моя песня:

Шью красивую кухлянку,
Для кого— не говорю.
Взгляд блуждает в белой тундре,
Отчего не говорю.
Вижу—бусинки мелькнули,
Их я жду и промолчу.
Это милого упряжка.
Жду его, но все молчу,
Рультыет ко мне приехал,
Рада я— не говорю.
Ниже голову склоню,
Все глаза ему расскажут.

Рультыет выздоровел. Шрамы еле заметные остались. Спасибо этой керечке.

Через некоторое время старушки стали ко мне приглядываться, а затем сказали, что у меня будет ребенок. Родился мой первый, а потом еще пять. Теперь у всех свои дети. Вы хотели про родственников моих спрашивать—теперь давайте буду рассказывать. Только сначала Ивнеут спрашивайте, она по родне Рультыета идет.

— Правильно сказать, свояченицы,— подсказала Елена Ивановна.

— Да, так,— ответил я, доставая свою неизменную тетрадь и ручку,— начнем тогда с отца Ивнеут и его братьев и сестер. Как его самого звали?

Покинем Мейныпильгино и вернемся на Камчатку, в бригаду ачайваемского совхоза. Иначе можно опоздать к событию, которого оленеводы ждали почти год.

Сегодня—бега.

Призы будет вручать Анатолий Арсентьевич от имени руководства совхоза. Приз первый—олень. Приз второй—будильник. Приз третий—великолепный ремень, украшенный чеканными бляхами.

Участники начали готовиться уже с утра. Чуть свет гонщики ушли в стадо и привели оленей по два каждый. Нарты также были загодя расставлены на расстоянии друг от друга.

Гонщики заранее договариваются, кто за кем поедет. Здесь нет единого старта, когда все срываются с места в одно время и с одной линии. Путь также не размечается. Просто договариваются, что поедут по такой-то дороге и завернут возле приметного места.

Нынешняя гонка в один конец имеет длину километров двадцать. Значит, всего проедут около сорока километров. А дорога ужасная. Сразу же от старта идет между сопками мелкая болотистая лощина, покрытая кочками. Кочки высоченные. Ехать очень неудоб-

но. Потом лощина переходит в долину, густо заросшую стлаником. В нескольких местах ее пересекают ручьи. Значит, оленям придется бежать по льду. Там же есть и каменные осыпи.

На здешней гонке проверяется не только мастерство дрессировщика, искусство ездока и выносливость животных, но и умение ремесленника. С такой гонки, рассказывают, нередко участник возвращается пешком, неся на себе обломки нарты.

У чукчей и вообще у народов Северо-Востока очень много красочных описаний оленьих гонок. Там всегда рассказывается о необыкновенном азарте, об энтузиазме сочувствующих гонщикам. Словом, гонки рисуются зрелищем не менее захватывающим, нежели, скажем, конные состязания где-нибудь в Австралии или Британии. В самом деле, известно, что прежде на оленьих гонках разыгрывались очень богатые призы — целые стада, целые состояния для оленевода. Кроме того, и честь для гонщиков выпадала немалая. О них говорили потом всю жизнь, и даже после их смерти. Все это было.

Но и сейчас чувствуется, как напряжены гонщики. Поставить оленей в упряжки им помогают добровольцы. Участники состязаний в основном люди пожилого возраста. Среди них и Чельгат.

Зрители ведут себя спокойно. Люди молча наблюдают за приготовлениями. Мы мечемся с фотоаппаратами, чтобы поймать тот кадр, который бы свидетельствовал о необычности события.

Уходит со старта первый гонщик, за ним второй. Едут так же спокойно, как отправляются в гости. Выдающегося кадра нет.

— Почему медленно едут?

— Сейчас нечего гнать. Потом, в дороге, будут соревноваться...

— Каким же образом?

— Будут обгонять друг друга, стараться помешать уехать вперед.

Правила оленьих гонок и в самом деле несколько напоминают положение о соревнованиях яхтсменов. На оленях также можно обгонять противника только с одной стороны — справа, можно подставлять ему свою упряжку, чтобы он не мог вырваться. Если обходящий гонщик чем-либо задевал упряжку соперника, то он выбывал из игры.

Ушла последняя упряжка, и зрители разошлись пить чай. Теперь надо ждать не меньше часа, пока гонщики возвратятся обратно.

Зрители весьма степенно обсуждали достоинства

олений и шансы всех участников. Оценки делались весьма деликатно.

Прошел час. Люди не спеша пошли на невысокую сопочку, чтобы наблюдать финиш.

Гонщиков, однако, еще не было видно. Прошло еще минут двадцать, пока не показались упряжки, вынырнувшие из-за горушки. Впереди ехал, оторвавшись от остальных, Чельгат—так пояснили зрители. За ним метрах в двухстах двигалась вторая упряжка и сразу же за ней—третья. Остальные упряжки видны не были.

Мы все шли с сопки к месту окончания гонок. Оно было там же, где и старт.

Зрители остановились в кустах, чтобы не напугать оленей. Случалось, что во время гонок на финише олени бросались в сторону и первый проигрывал гонку.

Чельгат приехал на финиш вроде бы не спеша. Он небрежно остановил оленей и выпряг их.

— Легко ездили,—заключил Вантулян.—Олени и не устали.

В другое время олени могли просто свалиться на финише и их надо было прирезать.

Приехал и второй в таком же неспешном темпе. За ним и третий. Через четверть часа прибыли остальные.

Присутствующие с одинаковым радушием встречали всех.

Ничего похожего на традиционные описания гонок видеть нам не пришлось. Если судить по рассказам о прошлом, то пришедший самым последним должен был содрать с себя кухлянку и вызвать на борьбу главного победителя. А Чельгата же никто и не думал вызывать. Он разобрал упряжь и ушел чаевать.

Для посвященных эти гонки, может быть, и запомнились как волнующее зрелище. А для нас—ничего особенного. Да и те гонки, которые приходилось видеть у чукчей, сильного впечатления не производили. Прежде всего было скучно ждать, когда вернутся гонщики с трассы. Кроме того, трудно было понять тонкости борьбы из рассказа участников. Фактически спортивные страсти начинали разгораться только во время рассказа о том, как проходили состязания. Чтобы видеть их самому, надо было или участвовать в них, или же мчаться на чем-либо с той же скоростью, что и призеры. Роль комментатора играли аутсайдеры. Может быть, аутсайдеры заранее обрекали себя на роль сопутствующей судейской бригады. Все может быть. Во всяком случае в рассказе очевидцев гонки являлись драматическим событием. Рассказывали о них, к примеру, так:

«После того длинного поворота Чельгат стал сильно гнать оленей. За ним совсем близко пошел Ятгиргин. Там, сразу же за поворотом, начинается такое место, где земля как волны. Чельгат как будто по воздуху полетел! Его нарта только немного земли коснется—и на воздух взлетает до другого гребня! Как только нарта выдерживает, не ломается!! Со всей силы бьется о землю и опять взлетает. Тут Ятгиргин что есть силы погнал своих оленей. Если он на этом месте не обгонит Чельгата, то будет еще долго сзади идти. Впереди узкое место между сопками. Можно только друг за другом ехать. Все склоны сопок кедрачом поросли. Чуть в сторону попадешь—разнесет всю нарту и олени ноги поломают. Сам себе все кости тоже перемелешь.

Ятгиргин уже сбоку зашел. Еще немного—обгонит он Чельгата! Однако Чельгат оленей так повернул, что ему дорогу загородил. Ятгиргин еще больше в сторону правит, а Чельгат все больше и больше ему дорогу загораживает. Так доехали до места, где Ятгиргину сбоку стало нельзя проехать—там бесснежные места начались—одни камни. Тогда Чельгат прямо в проход повернул! Он все равно первый будет!!»

Наверно, все именно так и было.

Все люди слушали это повествование очень внимательно и, видимо, переживали.

Итоги гонок таковы: первое место занял Чельгат, второе—Ятгиргин, третье—пастух из соседней бригады Тынанто.

Результатами матча все были удовлетворены.

— Ну как? Понравилось?—спросил нас бригадир Киргитагин, блеснув белозубой улыбкой. Он присел на корточки возле входа в нашу палатку, разминая в пальцах сигарету.

— Вообще-то интересно, конечно...

Киргитагин уловил отсутствие энтузиазма в нашем ответе.

— В других местах лучше, что ли, гонки устраивают?—спросил он ревниво.

— Там азартнее как-то бывает... Веселее...

— Ла-а-дно,—многозначительно протянул Киргитагин...

— Сейчас мы другие гонки устроим.

Бригадир встал и закричал что-то по-чукотски, несколько раз упомянув имя Чельгата.

Бригаду из палатки, где чаевали, как ветром вынесло. Женщины, весело посмеиваясь и крича, натягивали кухлянки на меховые комбинезоны (керкеры)—готовились к долгому зрелищу.

Двое молодых парней помчались к стаду, волоча размотанные чааты.

Чельгат вышел в полной парадной форме и пошел не спеша, поглядывая по сторонам. Наконец он остановился на ровной площадке и показал себе под ноги, коротко сказав что-то.

Один из старших пастухов расторопно подбежал к этому месту и стал забивать в землю колышек.

Только тогда мы обратили внимание на остальных людей. Все мужчины стругали палки.

— Что это ты делаешь, Яша?

— Олени будут,— торопливо, но таинственно ответил Яша Чейвилькут.

Яша быстро выровнял одну палку, вырезал на ней знак—черту с двумя перпендикулярами к ней—и принялся за другую.

— Что это за знак?

— Это наша тамга—знак.

Когда была готова и вторая палка, Яков взял веревочку и тщательно перевязал палки. Он оглядел их и побежал к тому месту, где стоял Чельгат возле привязанного колышка. Яков положил свои палочки возле колышка и отошел.

Затем прибежал другой парень и тоже положил свои палочки, прислонив их одним концом к Яшиным, а другим направив в сторону, куда указывал Чельгат.

За парнем пришел старший пастух и положил свои палочки за этими. Потом положили палочки другие люди. Всего оказалось двенадцать пар палочек. Среди их владельцев был и совсем маленький парнишка, дошкольник, племянник бригадира, и сам Иван Иванович Вантулян.

Все явно волновались. Говорили наперебой и кричали что-то в сторону стада, где бегали парни, лоя оленя. Наконец выбранный олень оказался на чаате и его торжественно привели и привязали к колышку.

Парни, ловившие призового оленя, кинулись лихорадочно вырезать деревянных оленей. Под смех и шутки они положили их впереди палочного каравана.

Участники состязания наседали на Чельгата. Он смеялся, качал головой и с чем-то не соглашался. Хозяева палочек что-то ожесточенно доказывали. Даже Иван Иванович иногда подавал голос. Наконец Чельгат сдался. Он встал у колышка и показал рукой новое направление.

Участники, возбужденно разговаривая, мгновенно переставили свои палки и замерли возле них.

— Давай!— сказал Чельгат по-русски.

Яша Чейвилькут поднял своих «оленей» и поставил

их перед самой первой парой. Следующий за ним парень перенес свои и положил перед Чейвилькутовыми. Мальчишка схватил свою пару и приставил ее к палочкам того парня. Ряд тронулся.

Люди двигались лихорадочно. Чувствовалось, что волнение глубоко охватило их.

Соревнующиеся ходко шли все дальше и дальше от старта. Они дошли до небольшого холмика и повернули. Азарт нарастал. Голоса участников не умолкали. Особенно волновались женщины, оставшиеся возле приза-оленя. Его, как выяснилось, возьмет тот, чьи «олени» пройдут первыми— чьи палочки придутся к кольшку, где этот олень был привязан.

Поведение людей в этом состязании не шло ни в какое сравнение с тем, как они вели себя во время гонок.

Игроки стали приближаться к кольшку. Голоса слились в неумолчный рев. Даже Чельгат—главный арбитр—потерял невозмутимость и буквально прыгал от волнения.

Под этот рев была уложена последняя пара палочек впритык к колу. Выиграл парень, который поставил свои палочки за Чейвилькутовыми.

— Вот это гонка,—сказал восторженно Иван Иванович, вытирая с лица пот.— Кто хочет, может участвовать. Хоть старый, хоть маленький...

— Понравилось?—спросил нас опять бригадир Киргитагин.

— Очень,—ответили мы искренне.

УМЕТЬ РАССТАТЬСЯ

О борьбе коряков и чукчей в древние времена крупнейший специалист по истории и этнографии этих народов Иннокентий Степанович Вдовин записал рассказ жителя села Колтушное Корякского национального округа М. Т. Ваганова (Ивтакрат) в 1955 году.

Оседлые коряки воевали с оленеводами — эвенами, камчадалами и чукчами. Чавчувены (здесь имеются в виду коряки-оленеводы) оказались слабым народом. И поэтому в конце концов они были почти уничтожены. Осталось только семь стойбищ оленеводов, а другие все были уничтожены. Однако как-то уж потом набрался смелости старик-оленевод и сказал сыну:

— Иди сватай невесту.

— Куда я пойду свататься?

— А туда иди, к нашим врагам, к оседлым жителям, пойди посватайся. Туда пойди, где десять сыновей и одна дочь. Ее и начни сватать.

— Пожалуй, убьют меня наши враги!

— Ладно, пусть даже убьют! Все равно смерть одна бывает!

После этого отправился сын свататься. Пришел, смотрит — много людей упражняются в стрельбе из луков. Увидел один из них пришедшего, сказал другим:

— Смотрите, вон «волк» идет одинокий.

Другие сказали:

— Давайте его убьем.

Однако старший решил:

— Нет, не будем убивать. Пусть подойдет сюда, и мы спросим его, куда он путь держит.

Подошел тот жених, спросили его:

— Куда ты идешь?

Сказал:

— Пришел к вам свататься. Туда, где десять сыновей и одна дочь, пришел, ее и хочу сватать.

Тотчас пошли десять человек к яранге, вошли в нее. И тут старший громко сказал отцу:

— Жених пришел нашу сестру отрабатывать. Пожалуй, лучше убьем его.

Отец сказал:

— Плохо, если убьете. Он свататься пришел, таких убивать грех. Я очень долго жил, почти сто лет живу, но еще никогда не видел могилы жениха.

Вошел тогда жених. Старушка воскликнула:

— А ну, гость, садись!

Сел жених. Старик сказал жене:

— Пусть поест гость.

Начала старуха пищу готовить. Нарезала мяса. Человечий помет в суп положила. Горшок вместо блюда поставила. Человечий помет вместе с мясом смешала. И все это жениху подала. Погрузил туда деревянную ложку жених, зачерпнул, понес ко рту полную ложку. Как вдруг ударила старуха жениха по руке — вылетела ложка из руки в сторону. Жених возмущенно сказал:

— Зачем ты ударила меня по руке, когда я начал есть?

Старуха ответила:

— Видел ли кто когда-нибудь человека, который человечий помет ест?

— Я думал, раз поставлено блюдо с едой, значит, съедобное.

Старик сказал:

— Кажется, ты действительно очень хочешь жениться на нашей дочери. Ну что ж, возьми нашу дочь в жены, женись!

Жених сразу в полог невесты вошел.

Так и жил парень три месяца. Затем старик сказал зятю:

— Пожалуй, довольно. Отправляйтесь с женой в твой дом. Всегда здесь со мной жить не будете, в свой дом поезжайте.

Отправился парень с женой домой, прибыл в свое стойбище. Старик-оленовод вышел навстречу, увидел — сын подъезжает. Тотчас крикнул жене:

— Выходи, сын приехал с женой!

Старик и старуха к сыну обратились, так ему сказали:

— Мы думали, уж не убит ли ты, наш единственный сын. А ты вон, оказывается, уже женился.

Сказал старик сыну:

— Поезжай обратно, спроси тестя и тещу, как мы теперь жить будем. В прошлом году враги — чукчи забрали у нас стадо оленей. Вот об этом деле и посоветуйтесь. Возможно, скажут они вам: «Ладно, будем этих оленей искать, ведь теперь они все равно что наши».

Поехал молодой оленевод к своему тестю. Сказал ему тесть:

— Здравствуй, приехал!

Старший сын тестя спросил:

— Зачем приехал?

— Я, правда, по очень важному делу приехал.

И спросил тесть:

— Что такое у тебя случилось?

— Хочу с вами жизнь обсудить! В прошлом году чукчи наших оленей забрали. Сможем ли мы у них этих оленей отобрать?

Тут все родственники жены сказали:

— Хорошо. мы сейчас же поедem, немедленно, если ты знаешь, где эти грабители-чукчи живут.

Парень сказал:

— Хорошо знаю. Чукчи эти совсем недалеко живут.

Тут же начали собираться. Хорошо подготовились и пустились в путь в северную сторону. Прибыли в Талпакскую тундру, нашли чукчей, которые оленей огняли. Старший брат, коряк, крикнул:

— А ну, чукчи, это мы приехали! Теперь отвечайте нам! В прошлом году вы у нас стадо оленей огняли. Мы прибыли это стадо забрать!

Закричал в ответ чукотский силач по имени Кварару:

— Не возьмете оленей!

Коряк-силач сказал:

— Нетрудно нам забрать наших собственных оленей! Не сможешь ты нам помешать!

— А я говорю, не возьмете!

Тогда старший коряк крикнул младшим братьям:

— Ну, младшие братья, приготовьтесь, будем сражаться!

И Кварару тотчас своим воинам, молодым людям, сказал:

— Будем сражаться, оседлые коряки приехали!

Бились два дня, однако чукчей побили. Чукотских женщин в плен взяли. Бедняков, молодых людей, тоже в плен взяли. Затем домой отправились. Большущее стадо оленей с собой пригнали. Очень обрадовался этому старик-оленеvod, сказал:

— Вот же, ведь отобрали оленей обратно!

А вот что рассказал Иван Иванович о чукотско-корякских войнах в те же давние времена:

— Когда-то на стойбище одни только старики и совсем молодые ребята остались. Все взрослые мужчины ушли со стадами на север. Оставили только людей для того, чтобы они рыбу заготовили на зиму. Яранги поставили на высоком месте. Так и жили.

Лето было дождливое. Женщинам много работы было. Юкола плохо сохла. Только подсыхать начнет — ее опять дождем намочит. Они все время юколу переворачивают, смотрят. Если мухи отложат личинки в складку возле хвоста, то нужно эту часть разбить камнем на камне и на костре прожечь.

Потом осень пришла. Из стада только два человека приходили, чтобы узнать, как их близкие живут, и посмотреть, как у них рыба ловится. Эти приходившие сказали, что самые главные старики решили на другое место оленей перегонять, чтобы побольше земли занять удобной. Поэтому как только праздник молодого оленя осенью пройдет, то олениводы сразу же на другое место еще дальше кочевать будут, а их родня пускай на том же месте пока остается до снега, чтобы потом уже по снегу кочевать на зимнее место. Не хотели сразу их забирать, чтобы те успели побольше рыбы наловить и юколу получше приготовить.

Осенью праздник молодого оленя устроили. Все как полагается сделали. Стадо погнали. Совсем далеко взрослые мужчины от своих семей ушли. Снег выпал. Санная дорога установилась.

Один раз женщина от юкольника — вешала с сушеной рыбой — прибежала и говорит:

— Я видела, что в нашу сторону много оленных людей едет. Едут на беговых нартах. Это не чукчи. Это, наверное, оленные люди — коряки едут.

Был там у них совсем старый старичок. Этот старичок и говорит одному молодому парню:

— Ты один тихонько беги вперед с луком, хорошенько спрячься и издали в этих людей три стрелы пусти. Только надо, чтобы эти люди тебя не увидели. Пусти только три стрелы одну за одной, не целясь, и тихонько возвращайся. А мы пока будем загораживаться дровами, нартами — всем чем можем, чтобы с этими людьми из укрытия воевать. Нас мало совсем, и сильных людей среди нас нет. Может быть, эти оленные люди подумают, что наши сильные мужчины предупреждают их стрелами, чтобы не подходили близко, и мимо нас пройдут, воевать не захотят.

Молодые мальчишки стали над ним смеяться:

— Что этого старика слушать? От него никакого толку нет. Он старый и поэтому трусливый. Нам надо иначе поступить. Надо всем взять луки и выйти вперед, чтобы этих оленных людей остановить. Вон нас сколько. Для того чтобы из лука стрелять, большой силы не надо. Мы их и так убьем.

Собрались эти молодые мальчишки, взяли с собой луки, навстречу едущим пошли.

Этих оленных коряков недалеко от своего стойбища встретили. Стали в них стрелять. Никак не могут никого убить. Коряки, оказывается, в костяных панцирях были. От этих костяных панцирей

стрелы только отскакивают. Однако одного все-таки стрелой задела. Тот упал.

У парней с чукотского стойбища двоих убили коряки из луков. Те в одних кухлянках были. Прямо насквозь корякские стрелы пробили их.

Видят парни—плохо их дело. Не могут они одолеть этих коряков. Тогда тот, кто не хотел один идти врагам навстречу, говорит:

— Наверное, пропали мы теперь.

Коряки, однако, перестали стрелять. Того человека, в которого стрелой попали, на нарту положили, повезли.

Парни домой побежали. Прибежали, их старик спрашивает:

— Как воевали?

— Этих оленных коряков много. Одни взрослые войны. Одеты в панцири костяные, их стрелы не пробивают. Только мы одного застрелили. Двое наших там лежат, мертвые остались. Что теперь будет, не знаем.

Тот старичок им говорит:

— Теперь коряки ушли, чтобы своего родственника похоронить. Они ночью ему сошьют погребальную одежду и рано утром его положат на костер. Костер они неподалеку от своего теперешнего стойбища делать будут. Они теперь знают, где мы стоим, и придут завтра только к полудню нас убивать.

— Как теперь нам быть?—парни спрашивают его.

— Теперь вам своих не найти. Мы их позвать на помощь не сумеем. Только одного можно отпустить, чтобы он скорее шел искать наших родных. Он пускай им все и расскажет. Нам помощи все равно ждать нельзя. Надо все-таки сейчас нам огородиться, чтобы воевать из-за загородки.

Тогда быстро яранги снимали и все на высокую сопку ушли. Только одну маленькую ярангочку поставили. Все остальные части так оставили, чтобы из них забор делать. Даже на этот забор все нюки положили от других яранг.

Старики говорили:

— Слабые стрелы они задерживать будут.

Всю ночь они себе забор строили. Даже, говорят, они дерн резали и снизу им обкладывали, чтобы не пробивало стрелами.

Старичок руководил:

— Надо повыше забор делать, чтобы враги перескочить не могли. Если смогут перескочить, то всех нас копьями заколют. Если не смогут легко перескочить, то мы здесь долго можем от них обороняться.

Стали высокий забор делать. Все части от четырех яранг, которые сняли, они поставили и все вешала сюда же перенесли. Все связали ремнями и укрепили. Много камней перенесли от реки и около забора сложили.

Старичок тогда говорит:

— Вы вот здесь не связывайте забор. Пусть здесь проход будет. Когда нужно, можно будет все это раздвинуть и сделать выход.

Тот парень, который один не захотел навстречу оленным корякам пойти, тогда рассердился и сказал:

— Старик глупый совет нам дает. Зачем надо оставлять этот проход? Если коряки как-то узнают, что здесь изгородь слабая, то совсем легко сюда войдут и нас всех перережут.

Другие парни говорят:

— Послушаем его. Сами мы неправильно сделали с самого начала. Может быть, если его послушаем, целы будем.

Тогда старичок говорит:

— Теперь идите и соберите все рога оленей, которые валяются у нас возле жертвенников. Быстро их соберите и рога камнями затачивайте.

Пошли парни наружу за изгородь. Спустились на то место, где стойбище было, где много рогов на жертвенниках осталось, где на празднике молодого оленя забивали больших быков. Принесли эти парни много больших бычьих рогов. Стали их камнями затачивать.

Старик им показывает, какие отростки надо остро наточить, как иглы. Потом говорит:

— Давайте теперь сюда все ездовые легкие нарты.

Притащили парни к нему нарты. Старик стал к нартам оленьи рога привязывать. На каждую нарту несколько рогов привязал и камней в них наложил.

Только они это дело кончили, как коряки показались.

Близко подошли враги, стали сначала стрелы пускать. Слышно, как сами они удивляются:

— Как эти трусливые чукчи придумали? Как они хорошо укрылись!

Сами все время из луков стреляют. Стараются попасть в разные дыры, чтобы достать чукчей. Те сидят у себя за изгородью и не отвечают. Тогда стали потихоньку коряки на эту сопку подниматься. Со всех сторон они шли. Как только близко подошли, то чукчи в дыры по ним выстрелили. Сразу двух ранили. Попали обоим в бок—туда, где панцирем не закрыто. Не видели коряки, кто в них целится, и не могли от стрел увернуться.

Тогда они вниз сошли, совещаться стали:

— Не надо по одному с разных сторон идти. Так они нас незаметно убить могут. Надо всем вместе наступать. Тогда друг друга с боков закрывать будем и панцири нас спасут.

Стали наступать сначала в одном месте. Близко подошли к загорюди. Один коряк высоко подпрыгнул, наверх загорюдки вспрыгнул. Его двое нарней-чукчей копьями проткнули.

Отошли тогда коряки, опять внизу совещаться стали. Говорят:

— Тут везде забор очень высокий. Тут нигде не перепрыгнуть сразу многим. Нас так они поодиночке убить могут. Надо вон там перескочить, где забор низенький сделан. Надо нам всем вместе, тесно туда бежать, где подъем крутой, а забор низенький. Эти чукчи, наверное, думали—на такой крутой подъем мы бежать не сможем. Поэтому там и забор низеньким сделали.

Как договорились, стали наступать по крутому склону.

Тогда старичок говорит парням:

— Быстро проход открывайте, быстро туда нарты пихайте, к которым рога привязаны.

Парни открыли проход и стали туда нарты выпихивать.

Понеслись нарты со склона и в самую гущу ударили коряков. Среди них целые проходы получились. Всех воинов остро отточенные рога прокололи. Их панцири предохранить не могли. Острые были рога у осенних больших быков, которых забили на празднике молодого оленя.

Выбежали тогда молодые ребята наружу и стали копьями бить тех, кого эти сани сбили, но не закололи до конца. Всех их побили.

Тогда старик говорит:

— Быстро собирайтесь теперь. Надо на их стойбище идти и оленей их забрать. Там никого из сильных мужчин не осталось. Все их олени нашими будут.

Парни говорят:

— Надо его слушаться. Если бы его не послушали, то все уже мертвые бы были.

Когда на стойбище коряков пришли, там только одни женщины оставались. Чукчи говорят:

— К своей родне идите. Мы вас трогать не будем. Пусть, однако, к нам ваши мужчины не придут. Мы всех ваших убили и еще их убьем, если они к нам придут.

Сами оленей погнали к себе, к своему стойбищу.

Как пригнали, то их мужчины вернулись. Увидели, что много оленей стало. Говорят:

— Теперь делить надо. Совсем огромное стадо у нас стало.

— Стали делить, главный мужчина-оленьевод говорит ребятам:

— Стариков всегда надо слушать, не спорить с ними. Они лучше всех все знают.

Таков вариант исхода одной из чукотско-корякских битв в изложении Ивана Ивановича. Конечно, могло быть и так, как говорил коряк Ваганов, и так, как рассказывал чукча Вантулян. Все было в истории человеческой, и много истины погребено в песке времен. Все же, кажется, чукчи были экспансивнее коряков. Уж очень быстро и широко они расселились со своими стадами.

Чельгат рассказывает:

— Это, наверное, лет пятьдесят тому назад было. Я уже большой был, с отцом в стадо ходил. Мне мой дед говорил, что наши люди пришли сюда, когда он уже женатый был. Пришли со стороны, где сейчас Ваеги — поселок... Где Ваеги, знаешь?

— Это самый южный поселок на западной Чукотке.

— Правильно. Ваеги совсем рядом. И название Ваеги от нашего слова — так называются шесты в яранге. Там и сейчас наша родня живет. А мой дед — отец отца — говорил, что они пришли из еще более дальних мест. Я смотрел по карте — это откуда-то из верховьев реки Анадыря. Может быть, и не оттуда... Но все равно с Чукотки... Вы на Чукотке были?

— Были, — отвечаем мы.

— Там как говорят? По-нашему или иначе?

— Ты сам, что ли, людей оттуда не встречал?

— Встречал. Только не много встречал из тех, которые совсем на Севере живут. Из тех, кто в Чаунской губе, совсем не встречал. А старики говорили, что наши чукчи жили еще дальше, на запад, что они за Колыму ходили, что оттуда их предки пришли. Правда?

— Наверяд ли. Там исконная юкагирская земля.

— Так старики наши говорили, что юкагиры — наши братья, что это наша родня.

— Мало ли что старики говорили...

— Это правда, у них больше все в сказках... Так вот, правда то, что на Камчатку они с Севера пришли. Это — правда... Я говорил, что было лет семьдесят тому назад, когда здесь еще много коряков жило. По всем речкам жили речные коряки. А на берегу при устьях речек были кереки... Ты про кереков слышал?

— Конечно, слышал.

— Ты Владилена Леонтьева знаешь, который про кереков книгу написал?

— Знаю.

— Он почти по всем местам, где кереки жили, проехал и все про них записал... А мой дед мне говорил: «Смотри, вот здесь раньше береговые люди жили—кереки. Не эскимосы—анкалины. Особые люди. Они говорили, похоже, по-нашему, только они оленей не держали, а кормились морем. Они с нашими все время роднились. Они здесь с чукчами все смешались. Ты как думаешь?»

— Тут трудно думать. О кереках совсем мало известно. Владилена Леонтьев собрал, наверное, все, что можно было собрать из керекской этнографии. Она дает немного—ровно столько, чтобы быть твердо уверенным в том, что кереки, коряки и чукчи—самостоятельные народы.

В самом деле, когда путешествуешь и по морскому берегу, и по центральной тундре Камчатки, то о кереках слушаешься всякой всячины. Чукчи рассказывают о них как о кротком, добром и гостеприимном народе, который жил в устьях рек при впадении их в море. Их еда—морской зверь, рыба и морские птицы, которых на побережье было множество. Кереки, говорят, отличались от эскимосов тем, что далеко в море не ходили. Вообще далеко от своих мест не уходили и на новые земли не стремились. Если эскимосов, как природных мореходов, тянуло все время в дорогу, то кереки не собирались покидать берег. Так говорят.

Владилен Леонтьев с редкостной скрупулезностью выделил из языка людей, которые имели какое-то отношение к керекам, все то, что отличается от языка чукотского. Он проделал фундаментальную работу, но и она еще вопроса о том, кто такие кереки, вошедшие в состав чукчей, не решила. Все впереди. И скорее всего, более других наук просветит вопрос археология.

Ну а то, что кереки действительно вошли в состав камчатских чукчей,—непреложный факт. По генеалогии живущих ныне чукчей находишь в группе предков того или иного «безродного» человека. А «безродный»—это значит, что он или прикочевавший сюда из других мест чукча, о котором ничего не знали, или же коряк, присоединившийся к корякам-оленоводам, или же керек. Если в числе предков был керек, то потомство этого человека могло вступать в брак по иным правилам, нежели те, кто был потомком только чукчей. Ему разрешалось брать в жены более близкую родню, нежели тем, кто считался «чистым» чукчей.

Смотришь на генеалогии и сразу отмечаешь: керечка—здесь, там—керек. Не так уж и много, но по местным масштабам порядочно.

Значит, кереки не были уничтожены, как это полагают некоторые исследователи. Они были ассимилированы. Возможность примкнуть к другим—не особенно веское доказательство, но все же... Все же можно весьма осторожно говорить о том, что языковой барьер не был столь непреодолимым. Пример—чукчи давно соседствуют с эскимосами. Генетики поговаривают о том, что азиатские эскимосы тем отличаются от американских, что стоят ближе к чукчам по ряду генетических признаков. Эскимосы при этом так и не стали оленеводами. Ни в коей степени. Даже браков эскимосов с чукчанками-оленеводами—считанные случаи. Почти всегда чукчанки, выйдя за эскимосов, переселялись на берег и становились членами общества морских зверобоев, членами эскимосского общества. То же самое было и тогда, когда чукча женился на эскимоске. Правильнее будет сказать, что чукча и женился на эскимоске в тех случаях, когда становился морским зверобоем. Итог рассуждений—эскимос ни при каких обстоятельствах не становился оленеводом. Различия в жизненном укладе, языке, культуре, происхождении людей этого сделать не позволяли. У кереков и чукчей различия были слабее. Кереки оленеводами бывали.

Чельгат:

— Когда сюда наши предки пришли, здесь еще по речкам коряки жили. Потом кто породнился и в оленеводы пошел, а кто и ушел отсюда на юг.

— Почему так?

— А раньше так было. Пусть люди и мирно живут, друг друга не обижают, а все равно думают: «Вдруг воевать придется...» Так поживут-поживут, а потом подерутся и расходятся... Когда сюда предки пришли, мой прадед сказал: «Нам теперь надо много борцов вырастить. Народ вокруг чужой...» Как у нас борцов растили, знаешь?

— Нет, не знаю.

— С самых маленьких начинали борцов воспитывать. Как бегунов воспитывали, слышал?

— Слышал... А как определяли, кому борцом быть, а кому бегуном?

— Старики определяли. Если у парня ноги длинные, то его бегуном делали. Они и пояс носили тоненький... Если у парня ноги короткие, а туловище толстое, то его борцом воспитывали, и он все время носил широкий пояс... Меня борцом воспитывали...

— Почему тебя-то борцом сделали? У тебя и рост небольшой, и ноги длинные, и бегаешь ты лучше молодых?

— Я у отца один остался мужчина. Он из меня делал и борца и бегуна... Вот смотри, какая рука.

Чельгат протянул руку ладонью вверх. Ладонь разительно напоминала черепаший панцирь. Кожу на ладони было невозможно промять. На ребре ладони белели мозоли. Ороговевшие бугры покрывали всю ладонь, которая при этом гнулась, и все пальцы выглядели нормально.

— Как же такие руки получились?

— Когда я еще был мальчиком, посылали тупым топором рубить дрова. Говорили, что раньше давали только костяной топор, чтобы труднее было работать. Вот тупым топором и машешь... А ручка топора всю ладонь стирает. Когда постарше станешь, то дают на длинной рукоятке такой топор, у которого лезвие не острее обуха, и следят, чтобы большое дерево без усталости перерубил. Надо одной рукой ударить, потом топор в другую руку перекинуть и этой рукой бить. Так и колотишь по полдня, а руки становятся как костяные... Потом бегать надо по полдня с камнями на спине. Положишь на спину неудобный камень, согнешься под ним и бежишь, бежишь... Потом целый день под бубен плясать надо было... Много всяких упражнений знали старики... Много... Некоторые мальчики не выдерживали. Болели...

У нас силач был — Пананто. Он такой был сильный, что ни на одном празднике никто с ним не хотел по-нашему бороться...

— А как борются по-вашему?

— У нас бьют вот так, ладонью. Вот так, ребром, бить нельзя. Можно только ладонью.

— И по всему можно бить?

— Нет... Нельзя бить по лицу, по глазам. Нельзя бить между ног. А так везде бить можно.

— Как же боролись?

— У нас борются так: сначала один нападает, а второй защищается, потом тот нападает, который защищался... А потом они борются как хотят.

— Что значит «как хотят»? Их что, никто не судит?

— Нет! С самого начала судят старики. Они говорят, когда кончатся бороться, они говорят, кто неправильно борется...

— Вот ты выходил бороться. Как вы начинали?

— Я вызываю человека бороться. Он выходит, а старики говорят: «Пусть ты будешь начинать». Я тогда стараюсь его достать — как его достать, чтобы он

ослабел или сдался. А он от меня спасается...

— Как?

— Он прыгает, не дает, чтобы я его ударил.

— Убегает, что ли?

— Не-е-ет. Он рядом стоит, но старается, чтобы мои руки его не достали.

Чейвилькут перебил его:

— У нас старик есть слепой. Когда-то борец был. На празднике один раз стал ругать других, что они не борются, а просто так, как дети, играют. Тогда старик Чельгат вышел и говорит: «Давай попробуем!» Сняли парки и стали бороться. Старик Чельгат к нему, слепому, подходит—только хочет его ударить, а тот приседает или кувыркается через голову так, что Чельгат мимо пролетает... Так он шутил, шутил, а потом ему этот наш слепой говорит: «Ладно, теперь я пробовать буду!..» И пошел на него. Руки открытыми держит. Как Чельгат не кувыркнется, а все-таки задевает. По слуху его достает. Немного поборолись, Чельгат его руки поймал и говорит: «Хватит, ты у меня всю кожу содрал». Старик и говорит: «Вот видишь, один раз чему-нибудь научишься, и без глаз сделать сможешь». Я пошел ему кухлянку подать, за руку взялся—а она крепче напильника.

Чельгат продолжил рассказ:

— Потом я буду от его рук прятаться. А потом мы будем с ним одинаково бороться. Понял?

— Не понял. Когда кончать борьбу надо? Откуда вы-то знали?

— Мы и не знали. Это старики говорили: «Хватит. Они друг друга убьют!» Тогда бороться кончали.

— Ты ведь хотел рассказать про то, как сюда пришли...

— Правильно. Я начал про Пананто рассказывать... Он у нас самый сильный парень был. Только и делал, что руки набивал и целыми днями плясал под бубен, чтобы сильным борцом быть.

Дед говорил, что когда сюда пришли, то другие северные чукчи им сказали: «Себе взяли пастбища, которые мы проведали до вас».

Тогда Пананто с отцом поехал на Север с ними говорить. Он прямо к ним поехал еще до ярмарки, когда все собирались на торг. Там отец Пананто говорил: «Нарочно приехали, чтобы бороться, чтобы эту землю, на которой никто оленей не пас, для себя оставить».

Пананто мне сам рассказывал, что чаучу, самый главный из тех, кто эти пастбища себе хотел взять, отцу Пананто говорит: «Ты, мэй (друг), ко мне пой-

дешь! Я с тобой еще говорить хочу. А твой сын пусть здесь останется, в этой яранге».

Пананто смотрит—все люди на этом стойбище не спят. Что-то они все время снаружи сидят. Пананто вошел в ярангу. Там старики сидят, водку пьют—ее тогда американцы привозили.

Хозяин налил полную кружку Пананто, говорит: «Пей, мэй, приходи еще к нам в гости».

Пананто решил: «Это он нарочно мне так дает, чтобы я завтра ослабел». Сам взял кружку, понюхал и прямо упал, говорит: «Не могу, в рот ее всю не положу».

Пананто сделал вид, что спать уже валится. Будто ему так плохо, что он и сидеть не может.

Ушли в другую ярангу старики. Пананто все время в чоттагыне—в холодной части—лежит. Уже засыпать начал, как приходит хозяин стойбища. Пришел тихонько, но Пананто увидел его. Хозяин говорит: «Ты, доченька, возьми его, побудь с ним так, чтобы он ночь не спал».

Девушка говорит: «Ладно, красивый парень».

Только отец ушел, стала к нему девушка ласкаться. Пананто руки в рукава спрятал, лежит как каменный.

Девушка померзла маленько и полезла в полог. А Пананто так и спал не в пологе.

Утром отец Пананто говорит:

— Давайте вашего самого сильного. Посмотрим, кто сильнее. Нам ехать надо. Нам надо жить спокойно.

Хозяин стойбища позвал парня одного. Большой был парень. Пананто вышел с ним бороться. Еще и половины борьбы не прошло, как тот упал—дышать не может. Пананто ему все ребра сломал. Уехали они. Так люди с Севера их бояться стали.

Потом этот Пананто только борьбой и занимался. Ему жена говорит: «Ты почему, как дурак, целый день под бубен плясешь? Может быть, в стадо сбегаешь?.. Ты почему только деревья тупым топором перебиваешь? Может быть, ты дров принесешь?» Тот только смеялся. Отвечал: «Если я этой работой заниматься буду, то мне скучно будет...»

А потом коряки, которые здесь жили, сказали: «Нам с такими рядом жить не хочется. Пускай борются наш сильный человек и этот Пананто».

Чельгат задумчиво осмотрел свои руки.

На Камчатке Петропавловск именуют торжественно Город. Другие города на полуострове упоминают по названиям.

Девушка в аэропорту так и объявила: «Начинается

посадка на самолет, следующий по маршруту Город — Москва». Толпа усталых пассажиров всколыхнулась и переместилась к выходу.

Впереди нас стояли моряки. Первый моряк — русский. Что называется, классический тип — русский и голубоглазый. Второй тоже классический тип — горбоносый кавказец со сросшимися бровями и непрерывной полоской усов.

Пассажиры по большей части женщины с детьми. Сезон отпусков — завтра будем праздновать Первомай. Детишек вывозят на материк. Те, которые постарше, стоят возле родительских сумок, нахохлившись. Это опытные путешественники. Их дорогой не удивишь. Вон, например, идет Николаша. Пяти лет ему еще не исполнилось. Все это мы выяснили, когда ждали отправки рейса. Рейс, как это водится, всю ночь откладывался на часок-другой. Коля рассказал, как они с мамой ехали сначала на собаках, потом долго ждали, когда будет погода, чтобы лететь в Город, а потом вот опять погоды в Городе нет...

Николаша держался солидно. Одного из мужчин, который стал было засыпать прямо возле регистрационной стойки, он строго спросил: «А что в самолете делать будете?.. В самолете спать надо».

Дети поменьше дремали на маминых плечах. Их было много, обмякших во сне маленьких людей, втянувших в рукава рукавички, уткнувшихся в материнские шеи. Бодрствовали только двое. На руках у массивного капитан-лейтенанта сидел крепкий малыш. Он был похож на матрешку, запакованную в обширный пуховый платок. Одной рукой он прижимал к себе ружье. Не игрушка, а чудо. Самоделка. Весьма точная копия охотничьей двустволки. Стволы черные, курки бронзовые, ложе из хорошего дерева. Малыш стойко таращил глаза под порывами пронизывающего ветра, лишь иногда смаргивая невольную слезу.

— Держишься, тезка? — подмигнул ему русский моряк.

Малыш растянул замерзшие губы в улыбке.

— Молодец, Ваня, — одобрил кавказец, — сейчас в самолет сядем.

Ваня заулыбался еще шире — и застеснялся, спрятавшись за отцовскую голову.

Держалась молодцом еще одна особа — крошечная девчонка в легкомысленном пальтишке. Она вертелась так, что мать — изящная рыжеволосая дама — все время пересаживала ее с руки на руку и поминутно одергивала. Волосы девочки были посветлее, чем у матери. Личико в веснушках.

— Да успокоишься ты наконец, Ася! — не выдержала мамаша.

— Пассажиры с детьми — вперед! — возгласила дежурная.

Женщины с детьми пошли к трапу. Мы принялись таскать сумки, сумочки, чемоданчики, коробки — ручную кладь тех, кого не провожали.

Вот в самолет вошел бывалый путешественник Николаша, вот капитан-лейтенант передал такой же, как он сам, фундаментальной жене своего Ваньку вместе с ружьем, степенно с ней расцеловался и отошел в сторону. Вон и Ася скрылась в люке. Можно и нам двигаться.

Едва сели в кресло — уснули.

...На реке чисто и празднично. Идешь прямо по зеркалу застывшей воды. Сквозь прозрачный лед видны все камешки. На местах поглубже под зеркалом угадывается движение бегущей воды. Если лечь ничком, приблизить лицо ко льду, то можно увидеть, как в подледной глубине ходят гольцы.

За поворотом, где речка образовала глубокую промоину и где стоит рыба, лед весь в дырках. Лунки проверчены метра через два-три. Возле лунок сидят старухи да старики на собачьих нартах. Упряжки заведены на высокий берег и привязаны к тальникам. Незанятые лунки заботливо прикрыты фанерными магазинными ящиками, чтобы снег не попадал.

Блесна уходит в узкий колодец с бирюзовыми стенками. Вода на леске сразу же замерзает и делает ее жесткой, как соломина. Уже сколько времени подергиваем свои удочки, а голец не идет. Рядом с нами сидит старушка, улыбаясь всем темным, почерневшим на весеннем солнце лицом, и одну за одной вытаскивает этих рыб.

К нам голец не идет.

Возле старушкиной нарты выросла уже целая груда рыбы. Тело выловленного гольца словно ракета. Цвет — серебристо-голубоватый с металлическим оттенком. И на этом фоне — нежные желто-оранжевые крапины. Рыба на морозе шевелится медленно, сразу же покрываясь ледяным панцирем, и блекнет на глазах.

— Место ищите, — говорит старуха, стяхивая с крючка очередную добычу.

Гортанный клик прерывает ее речь. Низко-низко, прямо над рекой, плывет караван лебедей. Пять величавых птиц набирают высоту над нашими головами и доверчиво снижаются вновь, пролетев место, где сидят люди. Они делают круг, следуя за поворотом берега, и

скрываются за кустарником. Сели совсем близко. Из-за поворота раздаются их голоса.

— Место ищите,—опять говорит старуха.

— Пойдем,—предлагает Володя.

— В бухту Корфа идите,—советует старуха.

— Как же мы туда придем?—мне непонятно.

Бухта Корфа ведь от этих мест в нескольких сотнях километров.

— Близко, близко,—кивает старуха,—вон там, где река поворачивает.

Да это ведь не старуха. Это—Чельгат. Как я раньше этого не понял! Чельгат, конечно, сколько угодно рыбы поймает. Он и ловит ее удивительно. Он в лунку свой чаат опускает, рыба так и вылетает на лед. В петле не по одной, а по целой связке рыбы.

— Пойдем,—говорит Володя.

Мы идем совсем не долго. Только поворачиваем за каменистый мысок—и правда попадаем прямо в бухту Корфа. Ленивая океанская волна вспенивается между изъеденными льдинами. Холодная вода вскипает в гротах и промоинах, колышет шуршащие, шепчущиеся льдины. Чайки сидят нахохлившись, подымаясь со льдинами вверх и опускаясь, смотрят в море. В море—силуэты кораблей.

— Пойдем,—торопит Володя.

И мы идем по заснеженной улице поселка. Посреди-не—дорога в траншее. По бокам—снежные стены метров по шесть высотой. Мы все идем и идем по этой снежной улице, пока не открывается мелкая бухта. На ней и впрямь люди ловят рыбу. По всему льду видны черные фигуры рыболовов.

— Здорово, мужики!—кричит нам ближний.

Да ведь это Юра—летчик-вертолетчик, который сейчас на материке в отпуске.

— Ты как сюда попал?

— Да приехал рыбу половить. Корюшка идет как бешеная. Надоела она мне—ну ее к черту. Берите себе. Я лучше опять в Гагру полечу.

Юра подталкивает к нам ногой коробку из-под телевизора, полную свежей корюшки.

— Лучше водички попью,—говорит он, зачерпывая ладонью из лунки морскую воду...

— Пить будете?

Передо мной оказывается стюардесса с подносиком.

— Где Юрка?—чуть было не спросил. Сон, однако, отпустил, и голова прояснилась.

Летим. В точном соответствии с предсказанием многоопытного пассажира Николаши все наши спутники вкусили первую порцию самолетного сна.

— Наш полет проходит на высоте восьми тысяч метров со скоростью шестьсот километров в час. Температура за бортом — пятьдесят градусов мороза, — объявляет стюардесса. — Сейчас вам будет подан горячий завтрак. Прошу поднять спинки кресел и подготовить столики, находящиеся в спинках передних кресел.

— Скорее бы! — в один голос произносят наши соседи моряки.

Женщины зашевелились. Мамаша Аси с полотенцем и несессером двинулась к туалету.

Ася проворно сползла с кресла и пошла по ковровой дорожке тихонько вслед. Она дошла до ряда, где возле прохода расположился со своим ружьем Ваня. Ваня завозился в кресле, взмахнув неожиданно ружьем. Тяжеловатый ствол описал дугу и ударил девочку по голове. Ася повернула личико к Ване. Ее огромные светлые глаза наполнились слезами. Уголки губ задрожали, и наступил тот самый момент, когда дети задыхаются от обиды.

Ваня бросил ружье. Он соскользнул на пол, схватил Асю двумя руками за голову и стал истово целовать и ушибленное место, и мокрые от негорьких слез щеки.

Он наконец увидел, что обида у девочки прошла, и принялся настойчиво звать ее к себе, на свое место.

Ася вздохнула и вскарабкалась на сиденье. Ваня уселся рядом. Он сунул руку в карман кресла перед собой и вытянул оттуда несколько детских тоненьких книжек. Потом он достал пластмассовых матроса и Буратино.

— На, на! — говорил он, одаряя всем своим богатством девочку.

Ася принимала его дары, лопоча что-то, что с наших мест слышно не было.

В самолете надо спать. Это заключение Николаши совершенно справедливо. Когда спишь в самолете, то получаешь единственную в действительном настоящем возможность вновь увидеть и то, как ловят корюшку в бухте Корфа, и то, как реки краснеют от лососей, и то, как медведи промышляют рыбу, и то, как снежные бараны цепочкой идут через перевал.

В Москву самолет прилетел рано-рано утром.

Сонная процессия взрослых и детей потянулась от трапа к стеклянному зданию аэропорта. Ася и Ваня семенили, держась за руки. Они потом так и стояли, держась за руки возле багажного отделения, пока матери получали вещи.

— Ну, пойдем, — сказала Асиная мать, управившись с багажом.

Носильщик был уже готов двинуться, нагрузив тележку горой чемоданов.

Девочка вытягивала шею, смотря не отрываясь на мальчика.

Тот швырнул ружье оземь и тянул мать что было силы. Он даже несколько раз срывал ее с места. Но перебороть мать было, конечно, Ване не по силам.

— Вот ведь,— сказал моряк-кавказец,— любовь с первого взгляда. Думаете, раз дети, то у них и горя не бывает? Только полюбили люди— надо расставаться...

А мне подумалось, что вот совсем так же и у нас: только успели понять и полюбить Камчатку, как надо расставаться. А расставаться трудно.

* * *

Дорогой читатель, пришло время прощаться и нам. Если книга показалась интересной и ты дочитал ее до конца—мы благодарны. Мы очень хотели познакомить тебя с людьми, которых любим. Двадцатый век застал народы Севера на стадии первобытной истории. Однако не нужно забывать, что народы Севера, имея в арсенале каменные, костяные и деревянные орудия труда, создали культуру, идеально приспособленную к местному климату.

Народам Севера на протяжении одной человеческой жизни пришлось пройти ту же историческую дистанцию, какую население Европы преодолело за 5—6 тысяч лет. Сегодня Север—индустриальный край. Там выросли города, поселки, заводы, шахты. Темпы экономического развития высоки, особенно в последние 20 лет.

Трудно найти более наглядный пример дальновидности ленинской национальной политики. Еще в первые годы своего существования Советское государство вело огромную работу по преобразованию хозяйства, культуры и быта народов Севера. Особое внимание было уделено ликвидации неграмотности и подготовке национальных кадров интеллигенции и рабочих. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., видно, что образовательный уровень и социальный состав коренного населения Крайнего Севера близок к общесоюзному. Значит, в современную эпоху народы Севера стали активными творцами истории. Этот факт нашел отражение в Конституции РСФСР, согласно которой национальные округа, имевшие свою специфику общественных отношений, преобразованы в автономные— народы Севера получили свои национальные автономии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КРУГЛЫЙ КАМЕНЬ
3

КУЛЬТБАЗА № 1
17

КОРРАЛЬ
35

АЧИХАНЬВАЯМ — АКЯКВАЯМ
48

СРЕДНИЕ ПАХАЧИ
56

ПЕРВАЯ ШКОЛА ЧЕЙВИЛЬКУТА
82

УМЕТЬ РАССТАТЬСЯ
127

Лебедев В. В., Симченко Ю. Б.
Л 33 Ачайваямская весна.— М.: Мысль, 1983.—
143 с., 4 л. ил.
70 к.

Авторы книги—этнографы, проводившие ряд лет в экспедициях на Северной Камчатке. Ее население—чукчи—до настоящего времени сохранило многие черты традиционной культуры оленеводов. Нынешние камчатские чукчи живут в отличных поселках, учатся в современных школах и институтах. При этом они не утратили народные обычаи—старинные красочные праздники, обряды, правила отношений друг к другу.

Л 1905020000-135 157-83
004(01)-83

ББК 63.5(2)
902.7

Владимир Владимирович Лебедев
Юрий Борисович Симченко
АЧАЙВАЯМСКАЯ ВЕСНА

Заведующий редакцией
А. П. Воронин
Редактор
М. И. Макарова
Младший редактор
С. И. Ларичева
Оформление художника
Т. В. Иваншиной
Художественный редактор
С. М. Полесицкая
Технический редактор
М. Н. Мартынова
Корректор
Г. С. Михеева

ИБ № 2238

Сдано в набор 26.01.83. Подписано в печать 16.09.83. А 10983. Формат 84×108 1/32.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печатных
листов 7,98 с вкл. Учетно-издательских листов 9,77 с вкл. Усл. краско-отт. 10,56.
Тираж 80 000 экз. Заказ № 1248. Цена 70 к.

Издательство «Мысль»
117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая
Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Госу-
дарственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.